

ДОКЛАД

*«МЫ ПОСЛЕ ПУТИНА.
Почему режим рухнет
и как быть готовыми
к этому моменту?»*

Объединение «Комитет-2024»,

июнь 2025 года

Документ подготовлен в рамках исследовательской инициативы по поддержке демократического перехода в поставторитарной России

Оглавление

1. Введение 2 – 3 стр.
2. Часть I. Почему сценарий военного поражения и распада России становится всё более вероятным? 4 – 31 стр.
3. Часть II. Сценарий внезапной смерти Путина 32 – 50 стр.
4. Часть III. Северокорейская модель: наследная диктатура и вечная война 51 – 72 стр.
5. Часть IV. От анализа к действию: стратегия сопротивления и перехода:
 - Раздел I: Состояние и структура антипутинского сопротивления 73 – 118 стр.
 - Раздел II: Архитектура новой оппозиционной инфраструктуры 119 – 146 стр.
6. Заключение 147 стр.

Введение

Россия вступила в финальную фазу своего постсоветского цикла. После 25 лет правления Владимира Путина страна оказалась в точке, где любые перемены уже не могут быть эволюционными. Режим перешёл черту: он развязал полномасштабную войну, уничтожил остатки институтов, превратил страну в военную диктатуру, построенную на страхе, насилии и лжи. Но именно в этом разрушительном тупике рождается новый вопрос – о будущем.

И речь не идёт о фантазиях на тему «прекрасной России будущего» и не о продлении стагнации, при которой всё остаётся как есть. В центре внимания – то, что может реально произойти после краха нынешней системы: какие сценарии наиболее вероятны, к чему они могут привести и что необходимо делать уже сейчас, чтобы минимизировать риски и использовать возможности.

Настоящий доклад – это попытка взглянуть в эту пустоту, в зону неопределённости между концом режима и началом нового этапа российской истории. Мы не можем сегодня точно сказать, когда и как именно падёт путинская система. Но мы можем проанализировать наиболее вероятные сценарии её краха, оценить готовность общества и оппозиции к пострежимной трансформации и предложить стратегические ориентиры, которые помогут избежать новых катастроф – гражданской войны, фашистского реванша, внешнего управления или северокорейской изоляции.

Доклад «МЫ после Путина» состоит из четырёх взаимосвязанных частей:

Первая часть посвящена сценарию военного поражения России и последующего распада империи. Мы анализируем причины системной зависимости режима от войны, структурную милитаризацию экономики и появление «класса войны» как новой социальной базы автократии.

Вторая часть рассматривает внезапную смерть Путина как точку системного коллапса в персоналистской диктатуре и описывает конфигурацию политических и силовых групп, которые могут попытаться сохранить контроль над ситуацией.

Третья часть анализирует династический сценарий – модель передачи власти дочери Путина Марии Воронцовой, по аналогии с Северной Кореей. Мы рассматриваем эту перспективу как один из наиболее вероятных путей самовоспроизводства режима в условиях его неспособности к реформам.

Четвёртая часть включает два аналитических раздела.

Первый описывает текущее состояние антипутинского сопротивления: его ресурсы, центры, направления работы, конфликты и ограничения.

Второй предлагает стратегию консолидации оппозиции, включая инициативу создания Специального фонда поддержки демократии в России и Международной Ассамблеи российского сопротивления как политического представительства будущего постпутинского перехода.

Этот доклад предлагает аналитическую основу для понимания того, как может завершиться путинский режим и что необходимо делать, чтобы ускорить этот процесс и подготовиться к последствиям.

Это наша попытка выстроить логичную картину возможных сценариев крушения путинского режима и предложить конкретные шаги, которые необходимы не только в будущем, но уже сейчас. Мы рассматриваем трансформацию России как процесс, в котором важно не просто ждать исхода, но активно формировать его предпосылки – через анализ, координацию, сопротивление и институциональное проектирование. Конец диктатуры не наступит сам по себе – он зависит от того, кто и как действует сегодня.

Часть первая

Почему сценарий военного поражения и распада России становится всё более вероятным?

В публичной риторике российской оппозиции доминируют две темы: преступления режима и образ «прекрасной России будущего». Первая – о прошлом и настоящем. Вторая – о будущем, но в утопической, оторванной от реальности форме. Между ними зияет пустота, в которую почти никто не осмеливается заглянуть.

Как пройти путь от точки А – диктатуры и войны – к точке Б – свободной, демократической стране, не знает почти никто. Исключение составляют российские добровольцы, сражающиеся на стороне Украины, – однако даже их подвиг пока не стал основой для общенациональной политической платформы.

Три года войны показали: усилий Украины, даже при поддержке российских добровольцев, недостаточно для окончательной победы. Поэтому остаются без ответа два ключевых вопроса: как победить Путина и что будет после?

На фоне отсутствия ответов и какой-либо содержательной повестки российская оппозиция либо погружается в междоусобные конфликты, либо предпочитает молчание. Причины этого молчания различны: кто-то искренне не понимает происходящего; кто-то боится признать правду – прежде всего перед самим собой; кто-то считает, что общество «ещё не готово» услышать сценарий, в котором нет ни мирного транзита, ни самой России в её нынешнем виде.

Настоящий доклад «МЫ после Путина» предлагает аналитический обзор наиболее вероятных сценариев падения путинского режима, а также возможных траекторий трансформации политической системы после смерти российского диктатора. В первой части рассматривается сценарий, который ещё недавно казался невозможным, табуированным и неприемлемым, но сегодня с каждым днём становится всё более реалистичным: военное поражение России, утрата управляемости, дезинтеграция и формирование новых построссийских государств.

Итак: почему сценарий военного поражения России и распада империи становится всё более вероятным?

Россия не может остановиться: логика вечной войны

Современная Российская Федерация переживает глубокую трансформацию, в ходе которой военная агрессия против Украины перестала быть инструментом внешнеполитического давления и превратилась в структурообразующий элемент политико-экономической системы.

Речь идёт не о временной мобилизации ресурсов под конкретную кампанию, а о долговременной институционализации войны как формы существования государства и способа поддержания устойчивости власти.

Владимир Путин не просто отказывается завершить конфликт — он объективно не способен это сделать, поскольку прекращение войны предполагает демонтаж всей архитектуры, обеспечивающей политическое выживание режима.

На данном этапе война выполняет несколько взаимосвязанных функций:

- она легитимизирует авторитарное правление;
- структурирует экономическую модель;
- обеспечивает занятость в ключевых секторах;
- служит идеологическим стержнем и средством внутренней мобилизации.

Таким образом, завершение войны стало экзистенциальной угрозой для режима: оно означает запуск процессов дестабилизации — властной, институциональной, идеологической и, в перспективе, государственной.

1. Экономика, ориентированная на войну: структурная милитаризация

Начиная с 2022 года, а особенно в 2024–2025 годах, российская экономика была окончательно переведена на рельсы военного времени. Это означает, что не отдельные отрасли, а вся макроэкономическая система функционирует в логике затяжного конфликта.

По данным открытых источников, в 2024 году ежедневные расходы на ведение войны составляли в среднем около 38 миллиардов рублей. Потенциальный годовой объём прямых военных затрат превысил 10 триллионов рублей.

В федеральном бюджете на 2025 год заложены рекордные оборонные расходы – 13,5 триллиона рублей (примерно 145 миллиардов долларов США), что составляет 6,3% ВВП. Дополнительно на статьи «национальная безопасность» и «правоохранительная деятельность» предусмотрено 3,5

триллиона рублей. Таким образом, суммарная доля силовых ведомств в структуре бюджета достигает 41%, что значительно превышает совокупные расходы на здравоохранение, образование и социальную политику.

Эти показатели свидетельствуют о системной милитаризации не только краткосрочных бюджетных приоритетов, но и всей долгосрочной макроэкономической логики.

2. Военно-промышленный комплекс как системообразующий сегмент

ВПК, традиционно рассматривавшийся как специализированный сектор, в условиях российской экономики 2020-х годов стал одним из главных драйверов роста и основой занятости для десятков регионов.

По данным на третий квартал 2023 года, около трети прироста ВВП обеспечили предприятия ВПК и смежные с ними отрасли. Особенно это актуально для регионов, где десятки городов полностью завязаны на оборонные предприятия, научно-исследовательские институты и цепочки поставок.

Искусственная накачка оборонными заказами создаёт иллюзию экономического роста, обеспечивает занятость по директиве и формирует мнимую социальную стабильность.

Однако эта система принципиально нестабильна: прекращение военных действий приведёт к остановке оборонных заказов, закрытию предприятий, росту безработицы в стратегически уязвимых регионах и, как следствие, усилению социального напряжения.

3. Невозможность перехода к мирной экономике в рамках действующей системы

В теории прекращение войны может освободить значительные ресурсы, направляемые на военные цели. На практике такой переход невозможен без глубокой структурной трансформации политико-экономической модели.

Для перехода от военной экономики к гражданской потребуются:

- масштабная реструктуризация промышленности;
- радикальная реформа бюджетной политики;
- восстановление внешнеторговых связей;
- снятие санкционного давления;
- возвращение иностранных инвестиций.

Все эти шаги в принципе несовместимы с природой путинского режима. Политическая система, основанная на личной лояльности, монополии на информацию, изоляционизме и контроле над элитами, не в состоянии адаптироваться к требованиям открытой и конкурентной экономики.

Более того, снятие санкций и восстановление доверия международных институтов потребует:

- вывода войск с оккупированных территорий Украины;
- признания ответственности за агрессию;
- выплаты репараций;
- прекращения политических репрессий;
- перезапуска всей правовой системы.

Ни один из этих шагов неосуществим в рамках существующего режима.

4. Иллюзия «свободных средств» и системная неэффективность

Даже если представить, что прекращение войны приведёт к формальному высвобождению бюджетных средств, их перераспределение в пользу мирного развития остаётся малореалистичным.

Причины:

- инфраструктура изношена и фрагментирована;
- большая часть населения социально уязвима;
- санкции сохраняются;
- рубль нестабилен;
- капиталы продолжают утекать;
- приток инвестиций отсутствует.

Государственная система функционирует не в логике развития, а в логике краткосрочного выживания и подавления рисков. Даже потенциальные «свободные средства» не будут использованы для модернизации.

5. Стратегическая неустранимость войны

С точки зрения долгосрочных национальных интересов прекращение войны отвечает задачам стабилизации, восстановления экономики и

международной реинтеграции. Однако в логике путинского режима война перестала быть инструментом и стала предпосылкой власти.

Путинский режим функционирует как военно-мобилизационная диктатура, где:

- война легитимизирует насилие;
- структурирует занятость и экономику;
- обеспечивает консолидацию общества через страх и образ внешнего врага;
- нейтрализует требования реформ и смены власти.

Прекращение войны обернётся крахом идеологии, резким сокращением производства, массовой безработицей в оборонных регионах, падением доходов и фискальной нестабильностью. Это приведёт к политической дестабилизации. Режим не способен остановиться без риска утраты власти.

6. В России сформировался особый «класс войны»

Одним из фундаментальных следствий затяжного конфликта стало формирование в России специфического социального слоя, который можно определить как «класс войны» — совокупность групп, чья экономическая стабильность, социальная идентичность и жизненные перспективы напрямую зависят от продолжения боевых действий.

По состоянию на 2024 год общая численность личного состава Вооружённых сил Российской Федерации составляла 2 389 130 человек, включая около 1,5 миллиона военнослужащих — призывников, контрактников и мобилизованных. Из них, согласно различным источникам, порядка одного миллиона в той или иной степени были вовлечены в так называемую «специальную военную операцию» против Украины.

Однако речь идёт не просто о военнослужащих как профессиональной группе. Перед нами — массовая когорта людей, прошедших через опыт организованного насилия, системной безнаказанности и идеологической легитимации этого насилия. Для значительной части из них война стала не только источником дохода, но и новой формой социального самоощущения:

- участие в боевых действиях воспринимается как социальный лифт;
- государственная пропаганда конструирует образ «героя-фронтовика»;
- возвращение к гражданской жизни сопряжено с риском утраты не только заработка, но и социального статуса.

6.1. Военно-промышленный комплекс как основа занятости «тылового фронта»

Ключевым элементом класса войны является и тыловая компонента – гражданское население, занятое в ВПК. По состоянию на 2024 год в оборонной промышленности России работало около 3,8 миллиона человек. С момента эскалации конфликта в 2022 году численность работников в этой сфере выросла на 700 тысяч – почти на 25%.

Оборонные предприятия стали главными работодателями в ряде монопрофильных регионов, обеспечивая сравнительно стабильную занятость. На фоне кризиса гражданского сектора и падения реальных доходов работа в ВПК воспринимается как привилегия, а порой – как единственная альтернатива бедности.

Важно подчеркнуть, что речь идёт не только о рабочих и инженерах, но и о целых инфраструктурных экосистемах, включающих:

- логистику и снабжение,
- ремонт и техобслуживание,
- научные разработки и инженерные бюро,
- охранные и парамилитарные структуры.

В совокупности эти группы образуют социальную инфраструктуру войны, встроенную в государственный оборонный заказ и зависящую от его продолжения.

6.2. Экономическая и психологическая зависимость от войны

Формирование класса войны носит двойственную природу – экономическую и символическую.

С экономической точки зрения, война гарантирует:

- стабильный доход, зачастую выше рыночного;
- систему льгот, выплат и субсидий;
- упрощённые процедуры кредитования;
- ускоренное предоставление жилья.

С психологической – создаётся ощущение причастности к «великой миссии», к «борьбе с фашизмом» (в риторике пропаганды), к «оборонительной войне против Запада».

Эта идентичность не может быть легко интегрирована в мирную гражданскую жизнь без серьёзного социального и ценностного кризиса.

6.3. Политическая значимость класса войны

Путинский режим осознанно культивирует и поддерживает этот социальный слой, рассматривая его как:

- источник лояльности в условиях дефицита легитимности;
- инструмент внутреннего устрашения и подавления инакомыслия;
- моральный щит, позволяющий дискредитировать оппозицию как «непатриотическую» и «антинародную».

За каждым военнослужащим или работником ВПК стоит не только семья, но и локальная община, а также региональные власти, заинтересованные в сохранении статус-кво. Это создаёт устойчивую, самовоспроизводящуюся базу поддержки режима, повышающую его устойчивость к внешнему давлению и внутренним изменениям.

6.4. Перспективы: риски и устойчивость

В случае деэскалации и прекращения войны этот класс может превратиться в дестабилизирующий фактор:

- утрата доходов и социального статуса способна спровоцировать протестную активность;
- возвращённые с фронта мобилизованные — это люди с боевым опытом, разочарованием и привычкой к насилию;
- ВПК столкнётся с банкротствами, массовыми увольнениями и социальной турбулентностью.

Режим заложил в общество мину замедленного действия: пока война продолжается, класс войны остаётся лояльным. Но в условиях деэскалации он может стать источником анархической агрессии, квазимилитарных формирований, региональных конфликтов и реваншизма.

7. Институциональная архитектура «государства войны»

Переход к мобилизационной модели после 2022 года трансформировал все ключевые институты власти. Государство стало функционировать в режиме перманентного кризиса, где война служит оправданием репрессий, авторитарного контроля и демонтажа правового порядка.

7.1. Централизация и демонтаж принципа разделения властей

К 2024 году политическая система России окончательно утратила даже формальные признаки разделения властей:

- президентская вертикаль поглотила функции исполнительной и законодательной ветвей;
- Администрация Президента и силовой блок стали главными центрами принятия решений – в обход правительства, парламента и суда;
- Госдума и Совет Федерации играют роль технических декоративных легитимирующих органов, оформляющих заранее принятые решения.

В результате институты государства функционируют не как система сдержек и противовесов, а как механизм продолжения и администрирования войны.

7.2. Разрушение судебной независимости

Судебная система подчинена логике «военного правосудия» и превращена в инструмент устрашения:

- массовое производство дел по статьям о «фейках и дискредитации армии»;
- широкое применение внесудебных репрессий;
- уголовные дела за политические высказывания;
- произвольные сроки заключения.

Фактически суд стал механизмом политической мобилизации через страх.

7.3. Симбиоз силовых структур и экономики

Участие силовых ведомств в экономике создало феномен закрытого «военного капитализма»:

- «фабрики СВО», связанные с Минобороны, получают внебиржевые субсидии;
- ЧВК и спецподрядчики контролируют снабжение, логистику и ресурсы на оккупированных территориях;
- происходит перераспределение активов в пользу силовиков – особенно после устранения «Пригожинской модели».

Сложилась уникальная модель: государство, в котором война обеспечивает не только идеологию, но и механизмы обогащения для участников системы.

7.4. Режим спецоперации как форма управления

С началом вторжения государственная власть перешла к управлению в режиме перманентной спецоперации – не только на фронте, но и в тылу:

- введены тотальные ограничения на свободу слова, собраний и передвижения;
- внутренняя политическая жизнь заморожена;
- выборы утратили всякое значение;
- медиапространство полностью контролируется.

Государство институционализировало войну как свою основную форму существования.

8. Исторические параллели: от нацистской Германии до Северной Кореи

Для понимания логики современной российской модели необходимо обратиться к историческим аналогиям. Встраивание войны в структуру власти и экономики наблюдалось в ряде авторитарных и тоталитарных режимов XX века.

8.1. Нацистская Германия (1933–1945)

Третий рейх после 1939 года представлял собой модель:

- полной мобилизации экономики на нужды войны;
- превращения промышленности в военную корпорацию;
- зависимости населения от милитаризованных форм занятости;
- легитимации власти Гитлера через перманентную войну.

Поражение Германии обернулось не только военным крахом, но и разрушением всей государственной конструкции.

8.2. Япония периода милитаризма (1930–1945)

Военное лобби подчинило гражданские институты, сформировав квазирелигиозную идеологию «священной войны». Сопротивление отсутствовало, и только полное поражение привело к слому режима.

8.3. Северная Корея (с 1950-х годов)

Наиболее близкий по структуре пример. Война в форме перманентной угрозы со стороны США стала оправданием бедности, репрессий и изоляции.

Культ лидера и риторика «осаждённой крепости» легли в основу стабильности режима.

Путинская Россия движется в сторону неофашистской вариации северокорейской модели – где война закреплена в риторике, праве, экономике и идентичности нации.

9. Идеология вечной мобилизации: от страха к сакрализации войны

Современный российский режим – не просто милитаризированная автократия, но и система с чёткой идеологической конструкцией, где война выступает как необходимое и «естественное» состояние общества.

Эта идеология выполняет несколько ключевых функций:

9.1. Замещение социальной повестки

В условиях отсутствия экономического роста и разрушения социальных лифтов, режим предлагает нарратив мобилизации:

- вместо повышения качества жизни – «борьба за выживание»;
- вместо справедливости – «национальное единство перед лицом угрозы»;
- вместо прав и свобод – «служение Отечеству».

Война становится универсальным оправданием бедности, репрессий и неэффективности.

9.2. Инструмент легитимации власти

Путинская власть базируется не на законности, а на образе «воюющего лидера». Война заменяет демократическую легитимность мобилизационной:

- критика власти объявляется «предательством»;
- выборы теряют смысл – «во время войны главнокомандующего не меняют»;
- политическая конкуренция исчезает.

9.3. Внешний враг как основа идентичности

Классическая черта авторитаризма – внешний враг как элемент внутреннего порядка. Российская риторика опирается на:

- образ враждебного Запада;
- демонизацию Украины;
- поиски «внутренних агентов» и «пятой колонны»;

- дискредитацию интеллигенции.

Нация определяется не позитивной программой, а противопоставлением и ненавистью.

9.4. Мобилизация как форма социального контроля

Постоянное состояние тревоги и готовности способствует:

- самоцензуре;
- отказу от критического мышления;
- оправданию насилия;
- разрушению горизонтальных связей.

9.5. Мифологизация истории и сакрализация насилия

Победа 1945 года используется для оправдания военных преступлений российской армии в Украине и интерпретируется не как урок, а как модель будущего. Насилие – не трагедия, а подвиг. Жертвы – не ошибка, а необходимость. Война – не исключение, а миссия.

9.6. Отказ от мира как отказ от идентичности

Мир в этой системе – это:

- слабость,
- капитуляция,
- утрата достоинства.

Именно поэтому война – не между Россией и Украиной, а между Россией и современностью.

10. Неоимперский фашизм как финальная стадия путинизма

На позднем этапе своего существования путинский режим утратил способность производить модернизационные смыслы. Демократия, права человека, либерализм – не просто маргинализированы, но объявлены «враждебной повесткой».

Осталась одна идеология – государственная догма, маскируемая риторикой «традиционных ценностей». Это не просто консерватизм или авторитаризм. Это – неоимперский фашизм, адаптированный к российским реалиям и исторической памяти XX века.

Его ключевые черты:

- сращение милитаризма, национализма и культа личности;

- реваншизм и экспансионизм;
- сакрализация насилия как формы справедливости;
- отказ от самоограничения и неспособность к диалогу;
- идеологическая замкнутость и мобилизационная паранойя.

Фашизм не способен остановиться. Он может только побеждать – или быть уничтожен. И в этом – логика путинизма, движущегося к своему финалу.

Почему прямое столкновение с Западом становится вероятным – и чем оно закончится?

В первой главе мы подробно разобрали, почему путинский режим принципиально неспособен завершить войну. Ни политически, ни экономически, ни институционально он не может перейти к миру, не разрушив архитектуру собственной власти. Для российского диктатора прекращение агрессии равносильно поражению, а поражение – утрате легитимности, контроля и, возможно, физического выживания. Это экзистенциальный конфликт, в котором компромисс невозможен.

Следовательно, Владимир Путин будет продолжать войну. Он будет продолжать убивать, расширять зону нестабильности и, что особенно важно, эскалировать конфликт за пределами Украины, стремясь перенести давление на Запад.

1. Путин как экспортёр хаоса

Российский режим давно вышел за рамки регионального конфликта. Путин – это не просто диктатор, удерживающий власть в одной стране, а транснациональный источник дестабилизации, действующий на нескольких уровнях одновременно. Его инструменты:

- военное насилие в Украине и угрозы новым конфликтам (Молдова, Грузия);
- экономический шантаж – от срыва зерновых сделок до манипуляций с поставками энергоресурсов;
- подрыв демократических институтов в Европе и США – через финансирование радикальных партий, вмешательство в выборы, кампании дезинформации;
- кибератаки и кибершпионаж;
- поддержка автократий и прокси-групп в Африке, Латинской Америке, на Ближнем Востоке.

Это асимметричная, многослойная война против либерального миропорядка, сложившегося после Второй мировой войны. Путин больше не скрывает цели: он стремится демонтировать саму модель мира, основанную на международном праве, границах, многосторонних институтах и правах человека.

2. Вседозволенность как стратегия

Запад до сих пор избегал прямого участия в конфликте, опасаясь ядерной эскалации и втягивания в полномасштабную войну. Этот страх стал фундаментом кремлёвской стратегии. Путин последовательно тестирует границы дозволенного, систематически повышая ставки и отслеживая реакцию.

Пока Запад ограничивается заявлениями, санкциями и поставками вооружений, действия Кремля остаются безнаказанными. Каждая уступка, каждая отсрочка или недосказанный ультиматум воспринимаются как приглашение к следующему шагу. Вседозволенность становится зависимостью. Попробовав один раз – диктатор требует большего. Это динамика наркомана, увеличивающего дозу.

Политическая безнаказанность рождает стратегическую агрессию.

3. Локальный триггер, глобальный поворот

Рано или поздно произойдёт событие, которое изменит позицию Запада. Это может быть локальный эпизод – провокация, случайность или ошибка, – но оно станет стратегической точкой бифуркации.

Возможные сценарии:

- атака на западные миротворческие силы, размещённые на территории Украины;
- эскалация в Приднестровье и вторжение в Молдову;
- провокация на границе с Польшей, Латвией, Литвой, Эстонией или Финляндией с гибелью военнослужащих стран НАТО;
- развёртывание или демонстративная подготовка к применению тактического ядерного оружия.

Во всех этих сценариях Кремль будет рассчитывать на то, что Запад не отреагирует. Однако история показывает: либеральные демократии могут действовать медленно – но их ответ радикален, когда угроза становится не теоретической, а непосредственной.

4. Историческая аналогия: США и Вторая мировая война

Показательный пример – позиция США в начале Второй мировой войны.

- Сентябрь 1939 года – Германия нападает на Польшу. США сохраняют нейтралитет.
- Весной 1941 года начинается программа ленд-лиза.
- Лишь в декабре 1941 года, после атаки на Пёрл-Харбор, США вступают в войну.

Этот опыт показывает: порог вмешательства для демократии проходит не по линии морального долга, а по линии экзистенциальной угрозы собственным интересам.

5. Путин ведёт мир к точке невозврата

С каждым днём Кремль сужает пространство для дипломатии. Каждая провокация, каждый ракетный удар, каждый организованный теракт – это шаг к разрушению международных механизмов сдерживания.

Путин сам приближает момент, когда прямое вмешательство станет не вопросом выбора, а вопросом необходимости. Запад будет втянут в войну – не из гуманистических соображений, не из солидарности с Украиной, а ради самосохранения. Не по воле, а по неизбежности.

Когда это произойдёт, правила будет диктовать уже не Кремль. Но до этого момента должно произойти событие, за которым – не остановка, а развязка.

6. Почему Россия проиграет прямую войну с Западом

Несмотря на воинственную риторику Кремля и демонстративную браваду официальной пропаганды, вероятность победы России в случае прямого военного столкновения с НАТО близка к нулю. Это не вопрос идеологии или политической симпатии, а вывод, основанный на стратегических, ресурсных, технологических и психологических факторах.

Рассмотрим их поэтапно.

6.1. Несопоставимость ресурсов: военный, промышленный и технологический дисбаланс

Трёхлетняя война против Украины – страны с вчетверо меньшим населением и несопоставимой экономикой – выявила предельные возможности российской армии. За весь период Кремлю не удалось достичь заявленных целей. Налицо:

- масштабные потери в живой силе и технике;

- критическое истощение материально-технических ресурсов;
- зависимость от поставок вооружений из КНДР, Ирана и частично Китая;
- неспособность к устойчивому наступлению, несмотря на тактические успехи.

На этом фоне сравнение с совокупным потенциалом стран НАТО показывает структурное неравенство.

Военно-промышленный и технологический потенциал США, Великобритании, Германии, Франции, Польши и других союзников на порядки выше. Они располагают:

- современными системами ПВО и ПРО;
- высокоточным оружием большой дальности;
- интегрированными сетевыми системами командования;
- авиационным, космическим и кибернетическим превосходством;
- отлаженными логистическими и снабженческими цепочками.

В случае прямого столкновения это означает не просто преимущество, а подавляющее превосходство по всем параметрам.

6.2. Армия наёмников и структурная демотивация

Современные вооружённые силы России в зоне так называемой «СВО» представляют собой разнородный конгломерат: мобилизованные, контрактники, добровольцы, заключённые, сотрудники ЧВК. В этой массе отсутствует единая идеологическая или профессиональная основа. Основная мотивация – материальное вознаграждение.

Это делает российскую армию уязвимой по нескольким направлениям:

- в условиях потерь и неудач резко падает моральный дух;
- перебои с выплатами и отсутствием ротации провоцируют массовые отказы от участия в боях;
- репрессивные меры (заградотряды, штрафные роты, уголовные статьи) не решают, а лишь усугубляют демотивацию.

Структурная демотивация российской армии становится фактором риска не только на тактическом, но и на стратегическом уровне.

6.3. Запад не ограничен рамками «гуманитарного военного участия»

Вся нынешняя война в Украине ведётся в условиях жёстких ограничений со стороны союзников:

- Украина не может наносить удары по целям на территории России западным оружием большой дальности;
- не используется авиация НАТО;
- отсутствует прямое вмешательство западных армий.

Однако в случае прямого конфликта все эти ограничения снимаются. Возможные действия:

- массированные баллистические удары по военной инфраструктуре в глубине российской территории;
- уничтожение складов, логистических узлов, систем связи и управления;
- выведение из строя аэродромов и промышленных объектов ВПК.

Российская армия и государственная система не готовы к отражению таких ударов. Масштабная военная операция на территории самой России приведёт к системному коллапсу управления и снабжения.

6.4. Географическая уязвимость и множественные фронты

На данный момент Россия с трудом удерживает один активный фронт – против Украины. В случае расширения конфликта география боевых действий может включать:

- сухопутные границы с Финляндией и странами Балтии;
- восточное направление – угрозы со стороны Японии и США в Тихоокеанском регионе;
- Калининградскую область, потенциально изолированную и уязвимую;
- южный фланг – Кавказ, Чёрное море, Молдавия и Приднестровье.

Множественные фронты приведут к фрагментации оперативного управления и стремительному истощению ресурсов. Каждое новое направление требует:

- мобильных резервов;
- эффективной логистики;
- политической воли и стратегического планирования.

Ни одного из этих элементов в российской системе управления сегодня не существует в достаточном объёме.

6.5. Институциональная неустойчивость и слабость внутреннего контроля

Мятеж ЧВК «Вагнер» летом 2023 года стал поворотным моментом, показавшим хрупкость российской государственности:

- несколько тысяч бойцов без сопротивления заняли Ростов-на-Дону – ключевой военной и административный центр;
- движение на Москву не встретило реального противодействия;
- власть оказалась парализованной, силовики – пассивными, а элиты – безынициативными.

Весной 2024 года Вооружённые силы Украины провели рейды на территорию Курской области, не встретив организованного сопротивления ни со стороны местной власти, ни со стороны населения.

Это свидетельствует о:

- разрушении горизонтального управления;
- отсутствии субъектности регионов;
- тотальной деморализации общества.

Государство в его нынешнем виде неспособно к мобилизации даже при прямой угрозе.

6.6. Возможность стремительного структурного коллапса армии

При росте военной нагрузки и множественных поражениях российская армия рискует рассыпаться как вертикаль. Возможные признаки:

- массовое дезертирство, саботаж, отказ от выполнения приказов;
- нарушение логистических цепочек и деградация управления;
- стихийное формирование вооружённых групп вне контроля центра;
- рост локальных форм сопротивления в регионах.

Таким образом, прямой конфликт с НАТО несёт не только угрозу военного поражения, но и создаёт предпосылки для политического, территориального и институционального распада.

Российская Федерация, обладающая ограниченным промышленным ресурсом, демотивированной армией, уязвимой территорией и неустойчивой

государственной системой, не способна вести полномасштабную войну против объединённого Запада.

Любая попытка выйти за пределы украинского театра военных действий станет для России переходом в зону стратегического поражения и может привести к полной дезинтеграции государства.

7. Почему Путин никогда не применит ядерное оружие

Одним из устойчивых мифов, сопровождающих российскую агрессию против Украины, является предположение о возможности ядерной эскалации со стороны Кремля. Этот нарратив активно продвигается российской пропагандой и частично принят в западной политической и экспертной среде как фактор, сдерживающий прямое вмешательство НАТО.

Однако стратегический анализ поведения российского руководства за три года войны ясно демонстрирует: угроза применения ядерного оружия – это инструмент политического шантажа, а не реальный план действий. Сама структура режима, его внутренние мотивации и логика выживания исключают вероятность перехода от риторики к действию.

7.1. Ядерный шантаж как инструмент психологического давления

С начала полномасштабного вторжения в 2022 году российские официальные лица – от Путина и Лаврова до Патрушева и Медведева – регулярно прибегают к риторике ядерного устрашения. Заявления о «готовности использовать все доступные средства» стали частью стандартного репертуара режима.

Тем не менее, на практике:

- ни один шаг, указывающий на подготовку к реальному применению ядерного оружия, предпринят не был;
- объявления о повышенной боевой готовности стратегических сил носили демонстративный и ритуальный характер;
- попытки разместить тактическое оружие в Беларуси выглядели как пропагандистский жест, лишённый реальной стратегической функции.

Эта стратегия имеет вполне конкретные цели:

- сдерживать эскалацию со стороны Запада;
- препятствовать поставкам вооружений Украине, особенно дальнебойного и авиационного характера;
- деморализовать общественное мнение в западных странах, создавая образ «безумного врага», способного на всё.

Иначе говоря, ядерная угроза используется не для войны, а для торговли страхом.

7.2. Путин одержим личным выживанием

Несмотря на образ «сильного лидера», активно формируемый внутренней и внешней пропагандой, Владимир Путин – человек, параноидально озабоченный вопросами безопасности, физического выживания и сохранения власти.

Ядерный удар в любой форме означает практически гарантированную смерть – не только политическую, но и биологическую. Ответный удар, дестабилизация режима, международная изоляция, разрушение систем связи и управления – всё это Путин прекрасно понимает.

Его действия не соответствуют модели «мученика» или «фанатика». Напротив: легко принимая безответственные решения, в результате которых погибают сотни тысяч людей, Путин при этом очень ценит свою собственную жизнь и действует в рамках инстинкта самосохранения. Именно поэтому:

- он регулярно поднимает ставки, но никогда не переходит черту;
- использует ядерную риторику как щит, но не как оружие;
- держит в руках гранату, но не выдёргивает чеку.

Чем чаще Кремль прибегает к ядерному шантажу, тем очевиднее становится его неспособность реализовать угрозу.

7.3. Ядерное оружие как «оружие непригодности»

С момента окончания Второй мировой войны и до настоящего времени ядерное оружие в международной политике выполняет в первую очередь функцию сдерживания, а не применения. Этот принцип лежит в основе всех ядерных доктрин.

Существуют две ключевые причины, почему применение ядерного оружия практически исключено:

- в условиях симметричного конфликта (например, с НАТО) это ведёт к взаимному уничтожению;
- в условиях асимметрии (как в случае с Украиной) оно не даёт стратегического преимущества, но превращает Россию в глобального изгоя и запускает необратимую эскалацию.

Ядерное оружие – это оружие, которое можно иметь, но нельзя использовать. Его мощь заключается в возможности угрозы, а не в реальном применении.

Российская элита это понимает. Она не готова умереть за Донбасс, Мариуполь или Херсон. Она хочет сохранить активы, влияние, безопасность и – по возможности – контроль над будущим.

Таким образом, ядерная угроза со стороны Путина – это инструмент, рассчитанный на страх. Его задача – удержать Запад от решительных шагов. Но этот инструмент становится всё менее эффективным. Чем дольше продолжается война, тем отчётливее проявляется: за риторикой – пустота. За угрозой – невозможность исполнения. За страхом – стратегическая слабость.

Что будет после военного поражения и падения путинского режима

Военное поражение России в войне против Украины и стран Запада станет не просто военно-политическим кризисом. Оно приведёт к системному обрушению всей конструкции государства, выстроенной на централизованной вертикали власти, фиктивной федеративности и полной административной зависимости регионов от центра.

Несмотря на формальное определение как федеративного государства, Российская Федерация по своей сути представляет собой имперскую структуру. Её устойчивость основана не на институциональном балансе интересов и субъектности регионов, а на жёсткой политической централизации, административной подчинённости и неравном распределении ресурсов.

В рамках этой модели:

- центр не делегирует полномочия – он монополизирует власть и перераспределяет ресурсы;
- регионы не участвуют в принятии решений – они исполняют указания;
- федерация существует номинально – в реальности это централизованная унитарная система.

Следовательно, в случае крушения центральной власти исчезнет и сама государственная структура в её нынешнем виде.

1. Сценарные последствия: управленческий распад и политический вакуум

Военное поражение и падение путинского режима запустят цепную реакцию внутренних процессов, среди которых наиболее вероятны:

- институциональный паралич: утрата единого центра управления и распад вертикали власти;
- дезинтеграция информационного пространства: разрыв коммуникаций между регионом и центром;
- обострение межрегиональных и этнополитических противоречий – особенно в национальных республиках, приграничных и дотационных субъектах;
- появление конкурирующих центров власти – на базе местных элит, силовых структур, этнических или криминальных группировок.

Государственный аппарат, завязанный на личную лояльность и федеральные дотации, не выдержит масштабного системного кризиса. Административная структура, построенная на страхе и вертикали, не обладает адаптивностью для кризисного управления в условиях дезинтеграции.

2. Несостоятельность путинской региональной элиты

99% российских губернаторов и глав регионов – не самостоятельные политические фигуры, а назначенцы, выдвинутые по критериям лояльности и управляемости. Их характерные черты:

- отсутствие политической субъектности;
- управленческая некомпетентность;
- полная зависимость от центра;
- отсутствие устойчивых связей с регионами, в которых они работают;
- дефицит легитимности в глазах местного населения.

Эти функционеры не обладают ни ресурсами, ни доверием, ни стратегическим мышлением, необходимыми для управления в условиях кризиса. После падения центральной власти большинство из них либо спешно покинет страну, либо окажется перед судом.

3. Появление локальных «центров силы»

На фоне распада федеральной вертикали и дезорганизации официальных институтов на первый план выйдут альтернативные структуры, обладающие реальными ресурсами влияния:

- региональные бизнес-группы, контролирующие инфраструктуру, финансы и логистику;

- местные силовые формирования – МВД, ФСБ, Росгвардия, а также их неформальные ответвления.

Эти группы будут стремиться:

- сохранить активы и влияние;
- занять вакантные властные позиции;
- перераспределить бесхозные ресурсы и собственность в свою пользу.

Фактически начнётся борьба за контроль над властью, собственностью и территорией – в условиях правового вакуума, фрагментации и отсутствия механизмов сдержек.

4. Глубинный имперский кризис как фактор распада

Путинский режим не просто удерживал власть – он цементировал империю, скрытую под фасадом федерации. Его крах повлечёт за собой:

- распад управляемости;
- утрату субъектности ключевыми институтами;
- политическую конкуренцию за ресурсы;
- рост насилия;
- радикальное изменение политической географии.

Иначе говоря, речь идёт не просто о смене власти, а о завершении существования России в её нынешнем виде – как централизованной, имперской, псевдофедеративной конструкции.

5. Как избежать хаоса: роль Запада и временных администраций

Военное поражение России и последующий распад централизованной системы власти неизбежно приведут к глубокому политическому, институциональному и гуманитарному вакууму. В условиях отсутствия легитимных институтов, разрушенных механизмов управления и полной делегитимации центра любая попытка стабилизации исключительно внутренними средствами будет обречена на провал.

Саморегуляция в построссийском пространстве столкнётся с рядом непреодолимых ограничений:

- отсутствие устойчивых демократических институтов;
- слабость гражданского общества;
- недоверие между регионами и элитами;

- высокий уровень насилия, радикализации и политической конкуренции.

Единственным реалистичным способом стабилизации переходного периода является создание в регионах бывшей Российской Федерации временных администраций с международным участием. Эти структуры должны быть частью широкой системы международного сотрудничества, основанной на опыте постконфликтного восстановления в странах, переживших коллапс государственной власти.

5.1. Зачем нужны временные администрации с международным участием

Временные администрации, сформированные при поддержке международных организаций и демократических государств, способны обеспечить:

- институциональную прозрачность и поддержку верховенства права на этапе формирования новых органов власти;
- предсказуемость политического перехода с чётким горизонтом выборов и конституционного процесса;
- защиту прав человека и предотвращение репрессий, самосудов, кланового или криминального захвата власти;
- функционирование базовой инфраструктуры – энергетики, транспорта, медицины, водоснабжения, образования;
- нейтрализацию попыток силового передела со стороны олигархических, военных или этнических группировок.

Ключевая задача таких администраций – создать условия для формирования самостоятельных, легитимных, демократических институтов в регионах, ранее интегрированных в состав Российской Федерации.

5.2. Механизмы реализации: от миротворцев до переходных институтов

Формы международного участия могут варьироваться в зависимости от условий, масштаба и готовности регионов. Среди возможных механизмов:

- временные гражданские администрации – с участием ООН, ОБСЕ, Европейского Союза, Совета Европы и отдельных государств;
- международные миссии безопасности – с мандатом на охрану правопорядка, контроль за разоружением, защиту гражданского населения;

- гуманитарно-восстановительные штабы – для поддержки критической инфраструктуры, логистики и социальной помощи;
- технические миссии по конституционному и правовому строительству – для подготовки переходных нормативных актов, запуска судов, СМИ и избирательных систем.

5.3. Ключевые направления деятельности временных администраций

5.3.1. Денуклеаризация

- локализация и полное уничтожение ядерного оружия под международным контролем;
- предотвращение появления новых ядерных держав на построссийском пространстве.

5.3.2. Демилитаризация

- расформирование остатков регулярной армии, ликвидация ЧВК;
- изъятие тяжёлого вооружения;
- формирование новых сил безопасности – под гражданским контролем, с правовым статусом и профессиональным отбором.

5.3.3. Институциональная перезагрузка

- принятие временных переходных конституций, гарантирующих базовые права и механизмы власти;
- подготовка и проведение свободных выборов под международным наблюдением;
- запуск независимой судебной системы, местного самоуправления и свободной прессы.

5.3.4. Переоценка и правовая справедливость

- люстрация лиц, активно служивших интересам авторитарного режима;
- создание механизмов международного и национального правосудия — для привлечения к ответственности организаторов репрессий и военных преступлений;
- амнистия для политических заключённых, жертв идеологического преследования, лиц, отказавшихся от службы в Российской армии и от участия в широкомасштабном вторжении в Украину.

5.3.5. Экономическая трансформация

- переход к рыночной экономике на основе частной инициативы, конкуренции и прозрачности;
- национализация государственных активов, включая собственность бывших госкомпаний, и активов, полученных преступным путём;
- прозрачная приватизация под контролем СМИ, общественности и международных аудиторов;
- реструктуризация налоговой системы, защита прав собственности, развитие предпринимательства;
- интеграция в международные финансовые и торговые механизмы – при условии соблюдения демократических норм.

Мир после Путина не построится сам. Он потребует усилий, времени и системной координации.

Если процесс постимперского перехода будет разворачиваться в условиях хаоса, конкуренции за активы и насилия – построссийское пространство рискует превратиться в архипелаг конфликтов. Если же он будет сопровождаться международным участием, легитимными временными структурами и чётким планом восстановления, у новых государств появится реальный шанс на нормальность – тот шанс, которого у Российской Федерации не было с момента распада СССР.

6. Возникновение новой карты: государства на месте бывшей Российской Федерации

Распад путинского режима и дезинтеграция Российской Федерации как централизованной государственности приведут к формированию принципиально новой политико-географической карты Евразии. На обломках империи возникнут десятки новых государственных образований, различающихся по масштабу, этнокультурной структуре, уровню политической зрелости и внешнеполитическим ориентирам.

Этот процесс будет сопряжён с множеством рисков – от насилия и конфликтов до институционального вакуума, – но одновременно он открывает историческое окно возможностей для регионов, столетиями подчинённых имперскому центру. Впервые за постсоветскую эпоху у них появится шанс на реальное самоопределение, подлинное политическое представительство и международную субъектность.

6.1. Новые государства, основанные на праве народов на самоопределение

Часть новых государственных образований будет сформирована на основе существующих национальных республик, обладающих:

- этнокультурной и языковой идентичностью;
- историческим опытом автономии;
- наличием региональных элит с политическим потенциалом;
- сформированной образовательной, культурной и административной инфраструктурой.

Международное право, включая Устав ООН и Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам (1960), предоставляет правовую основу для реализации права на самоопределение, особенно в условиях, когда предыдущее государство фактически перестаёт существовать.

Другим типом построссийских образований станут регионы и межрегиональные альянсы, объединённые по признаку географической связанности, экономических интересов и транспортной инфраструктуры. В условиях отсутствия централизованной внешней политики каждый субъект будет самостоятельно выстраивать отношения с соседями, международными организациями и транснациональными структурами.

6.2. Что объединит новые государства? Общие принципы постимперского порядка

Несмотря на различия в размерах, этническом составе и геополитических приоритетах, большинство новых образований будут объединены рядом принципов, определяющих основу новой архитектуры стабильности и развития. Эти принципы могут лечь в основу общей рамки постимперского пространства:

- Денуклеаризация – полный отказ от ядерного оружия, его демонтаж под международным контролем, исключение возможности ядерной гонки.
- Демилитаризация – запрет на агрессивную внешнюю политику, формирование оборонительных сил с прозрачным демократическим контролем.
- Децентрализация – демонтаж монополии центра (в прежнем виде – Москвы) на принятие ключевых решений.
- Демократизация – формирование институтов выборности, независимости судов, свободы прессы, защиты прав человека.

- Деколонизация – признание фактов исторического угнетения, поддержка языков и культур коренных народов, институциональное оформление независимости.
- Депутинизация – правовая и политико-культурная переоценка наследия путинизма, осуждение его преступлений, демонтаж идеологии имперского реваншизма.

Эти принципы могут стать общей точкой отсчёта для новой политической субъектности в Евразии, возникшей на месте имперского ядра.

6.3. Карта будущего – это карта возможностей

Формирование новых государств на месте бывшей Российской Федерации не следует рассматривать как катастрофу, анархию или «балканизацию». Напротив – это исторический шанс на выход из имперской матрицы и переход к модели децентрализованного, многообразного и мирного политического пространства.

При наличии международной поддержки, ясного переходного плана и вовлечённости самих регионов этот процесс способен:

- завершить эпоху колониального правления Москвы;
- стабилизировать евразийский континент;
- создать прецедент мирной и системной деконструкции диктаторской империи;
- обеспечить устойчивое развитие десятков миллионов людей, ранее исключённых из политического участия.

Речь идёт не просто о смене границ, а о формировании нового политического мировоззрения. Построссийское пространство может стать лабораторией новых демократий – если процесс будет управляемым, поддержанным и структурированным.

Заключение

Сценарий военного поражения России с последующим процессом демократизации, децентрализации, деколонизации, денуклеаризации, демилитаризации и депутинизации до сих пор воспринимается многими как крайний или даже утопический. Для тех, кто продолжает верить в возможность эволюционного превращения путинизма в «прекрасную Россию будущего», такой сценарий кажется не только маловероятным, но и нежелательным – ведь он предполагает радикальный разрыв с прежней политической, институциональной и территориальной конфигурацией.

Однако история последних столетий показывает: империи не реформируются – они распадаются. Именно так завершилось существование Османской и Австро-Венгерской империй после военных поражений. Именно так пал Советский Союз, когда центр утратил способность контролировать периферию. И, с высокой долей вероятности, именно так завершится история Российской Федерации в её нынешнем виде – как последней континентальной империи Европы.

По мере углубления внутреннего кризиса, институциональной эрозии и внешнеполитической изоляции описанный в этом докладе сценарий перестает быть гипотетическим. Он всё явственнее превращается в вероятностный – и к нему необходимо готовиться. Не только на уровне оперативных военных решений, но прежде всего – интеллектуально, институционально и морально.

В западных политических и экспертных кругах всё чаще звучат предупреждения: прямое столкновение с Россией возможно, а её распад – вероятен. Это требует не только военной готовности, но и понимания, каким должен быть мир после Путина. Недостаточно разрушить систему – нужно заранее продумать, как будет выстроен порядок на её месте.

Уже сейчас необходимо формировать будущие элиты – людей и структуры, способных взять на себя ответственность за создание устойчивых демократических государств на построссийском пространстве. Необходимы аналитические модели политического перехода, сценарии институционального восстановления, механизмы территориальной перезагрузки. Требуется чёткий, поэтапный план постимперской трансформации – с учётом опыта Югославии, Ирака, Южной Африки, Восточной Европы.

Какой бы ни была траектория ближайших лет, ясно одно: возврата к прежней России не будет. Завершается не только эпоха Путина. Завершается исторический цикл – имперский, авторитарный, милитаристский. И от того, каким будет наш ответ на этот вызов, зависит, останется ли Евразия зоной хаоса – или станет пространством новых государств, основанных на свободе, праве и достоинстве.

Часть вторая

Сценарий внезапной смерти Путина

Вступление

«Да, человек смертен, но это было бы ещё полбеды.

Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чём фокус!»

Михаил Булгаков, Мастер и Маргарита

Эта фраза Михаила Булгакова пережила своего автора и время – потому что заключает в себе безусловную правду: жизнь человека может оборваться в любой момент.

Когда мы применяем эту формулу к России, она приобретает особый смысл. Потому что Россия сегодня – это не просто государство с действующими политическими институтами, а персоналистская диктатура, построенная вокруг одной фигуры – Владимира Путина.

Вопрос о внезапной смерти диктатора в такой системе – это не вопрос биографии одного человека. Это вопрос судьбы страны, судьбы миллионов людей, судьбы соседей и мира в целом.

Путин – не просто глава государства. Он – цемент, склеивающий всю систему: силовиков, олигархов, бюрократию, пропаганду, репрессии. Его исчезновение – это не смена персон, а системный коллапс.

Цель второй части доклада Объединения «Комитет-2024» – проанализировать сценарий внезапной смерти Путина как один самых вероятных.

Мы рассмотрим:

- как устроена персоналистская диктатура Путина;
- что произойдёт после внезапного ухода диктатора;
- какие группы игроков определяют развитие событий;
- какие есть развилки: авторитарный реванш или демократизация;
- какие уроки даёт мировой опыт;
- и самое главное – какие условия и действия могут превратить этот момент из катастрофы в шанс.

Это не будет автоматический процесс. Будущее России зависит от того, кто и как будет готов действовать в самые короткие сроки – часы, дни, недели после перелома.

1. Персоналистская диктатура и роль Путина

Российская политическая система начала XXI века может быть охарактеризована как персоналистская диктатура – модель власти, в которой центральное место занимает не институт или идеология, а авторитарный лидер.

В случае России этим лидером стал Владимир Путин, де-факто занимающий пост главы государства с 2000 года. Несмотря на формальный титул президента, значительная часть российского общества, а также множество международных акторов не признают его легитимным руководителем, поскольку выборы сопровождались массовыми фальсификациями, подавлением политической конкуренции и репрессиями.

1.1. Централизация власти и роль медиатора

С начала 2000-х годов российский политический режим прошёл последовательную трансформацию: от элементов конкурентной авторитарии и олигархического плюрализма, существовавших в конце 1990-х, к модели персоналистской диктатуры.

Основным направлением изменений стала централизация власти, демонтаж независимых институтов и перераспределение ресурсов в пользу лояльных акторов.

Путин стал не просто арбитром между силовиками, олигархами, бюрократами и регионами – он стал единственным медиатором, гарантирующим соблюдение негласных контрактов внутри элиты. Это превращает его личное присутствие в системообразующий элемент, исчезновение которого ведёт не просто к смене фигуры, но к разрушению сложившегося баланса.

1.2. Обнуление институтов

Российская Конституция и институциональная архитектура сохраняли внешние признаки демократии: формально действуют парламент, суды, избирательная система, региональные органы власти. Однако их реальная функция была постепенно сведена к легитимации решений, принятых в Кремле.

После 2004 года, когда были отменены выборы губернаторов, централизация власти усилилась. Парламент стал подконтрольным, судебная

система превратилась в инструмент политических репрессий, избирательные процедуры утратили конкурентность, а медиа – независимость.

В результате к середине 2010-х годов Россия представляла собой систему, в которой все значимые решения принимались персонально диктатором и его ближайшим окружением.

1.3. Личная природа войны против Украины

Особое значение в анализе путинского режима имеет вопрос войны против Украины.

С точки зрения политической социологии, этот конфликт не может быть описан как вынужденный шаг, ответ на военную угрозу, следствие давления со стороны общественного мнения или рациональных интересов элит.

Это проект, целиком конструированный и инициированный самим Путиным – как в плане принятия ключевых решений, так и в плане формирования идеологического фундамента. Это плод его психических патологий, комплексов и параноидного расстройства.

Концепты «русского мира», «разделённого народа», «внешнего заговора», угроза утраты исторической миссии – всё это было придумано лично диктатором. Большинство элит, напротив, воспринимает войну как токсичный, экономически катастрофический и политически опасный проект, обостряющий международную изоляцию России и угрожающий её долгосрочной стабильности.

1.4. Отличие от советского режима сталинской эпохи

Сравнение с Советским Союзом сталинского периода, часто встречающееся в публичных и экспертных обсуждениях, требует аккуратного аналитического подхода.

Несмотря на схожесть в уровне жестокости, милитаризации и подавления политической оппозиции, между этими системами существуют фундаментальные различия.

Во-первых, сталинский режим обладал цельной идеологией (марксизм-ленинизм), легитимирующей власть и обеспечивающей рамки для мобилизации общества. Путинский режим идеологически эклектичен: он сочетает элементы откровенного фашизма, фальшивого показного православия и ностальгии по СССР, но не формирует цельной системы взглядов или образа будущего.

Во-вторых, Советский Союз имел партийную структуру – КПСС – обладавшую реальным организационным и кадровым ресурсом. В путинской России ведущая партия («Единая Россия») играет декоративную роль и не обладает самостоятельной субъектностью.

В-третьих, сталинская элита была связана системой идеологических и корпоративных обязательств. Путинская элита, напротив, объединяется не вокруг идей, а вокруг материальных интересов: доступа к ресурсам, распределения активов и гарантий личной безопасности.

Эти различия обуславливают высокий уровень структурной нестабильности путинского режима в случае ухода лидера: если после Сталина система смогла выработать формулу коллективного руководства, то после Путина поиск нового баланса может сопровождаться хаотичными и конфронтационными процессами.

2. Смерть Путина как точка системного коллапса

2.1. Катастрофа персоналистского режима

Особенностью персоналистских диктатур является отсутствие устойчивых механизмов передачи власти. В странах с сильными институтами смена лидера происходит в рамках формализованных процедур (например, выборов или парламентского согласования), тогда как в персоналистских системах уход лидера – особенно внезапный – запускает эффект «снятой крышки»: накопленные противоречия выходят наружу, а вся конструкция власти начинает рассыпаться.

Российская Конституция формально прописывает процедуру: в случае смерти главы государства временно исполняющим обязанности становится премьер-министр (ныне Михаил Мишустин), а в течение трёх месяцев должны пройти новые выборы. Однако на практике этот механизм никогда не испытывался. Более того, значительная часть политических акторов и общества воспринимает конституционные нормы как фикцию, не отражающую реальных центров принятия решений.

Таким образом, ключевым вопросом становится не формальное соблюдение процедур, а то, какие группы будут обладать ресурсами (материальными, силовыми, медийными) для определения исхода политического кризиса.

2.2. Крах легитимности и институциональной связки

Путинский режим держится не на законе, а на лояльности. Диктатор выступает главным источником легитимности и распределителем ресурсов: он контролирует компромиссы между силовиками и олигархами,

обеспечивает «пакты выживания» бюрократии и регионов, задаёт рамки внешнеполитического и военного курса. Его уход означает утрату фигуры арбитра.

Без Путина возникает не только вакуум власти, но и институциональная дезориентация. Элиты оказываются перед вопросом: кто теперь решает? Ответа на этот вопрос в системе не существует, поскольку централизованная модель исключила возможность функционирования механизмов коллективного принятия решений.

2.3. Силовой фактор и риск нестабильности

Особую роль в постпутинской ситуации играют силовые структуры – ФСБ, Росгвардия, МВД, армия, Следственный комитет, прокуратура. Эти институты обладают не только административными, но и реальными ресурсами насилия. При этом внутри них существуют разногласия, конкуренция и недоверие.

Отдельное значение имеет так называемый «класс войны» – совокупность акторов, чьи экономические и социальные позиции напрямую зависят от продолжающейся войны: военные, участники ЧВК, ветераны СВО, работники ВПК, Z-патриоты. Ими прекращение войны будет воспринято как угроза не только экономическим интересам, но и статусной идентичности. Эта группа способна стать источником давления на элиты, а в случае хаотичного транзита – даже инициатором вооружённых выступлений.

2.4. Экономические риски

Российская экономика, выстроенная на принципах государственного капитализма и управляемая через сеть личной лояльности, в случае утраты центра управления сталкивается с несколькими проблемами:

- конфликт элитных групп за перераспределение ресурсов;
- блокирование ключевых решений из-за отсутствия арбитра;
- угроза распада централизованного бюджетного механизма (особенно в отношениях между Москвой и регионами);
- нарастание панических настроений на финансовых рынках и ускорение оттока капитала.

Для крупных экономических игроков уход Путина означает не просто политическую турбулентность, но угрозу юридической, финансовой и физической безопасности. Без ясных гарантий перехода собственности, защиты активов и сохранения контрактов бизнес-элиты будут склонны к

максимально прагматичному, возможно циничному поведению, фокусируясь на краткосрочном сохранении позиций.

2.5. Психология элит: от страха к рациональности

В отличие от диктатора, чьи решения часто определяются иррациональными мотивами (например, параноидным расстройством личности), элиты – как силовые, так и экономические – ориентированы преимущественно на прагматические расчёты. После смерти лидера они будут решать четыре базовые задачи:

- сохранить активы;
- минимизировать риски уголовной и международной ответственности;
- обеспечить безопасность семьи и ближайшего окружения;
- сохранить управляемость в стране.

Эти задачи открывают пространство для прагматичных переговоров – как между элитами внутри страны, так и с международными акторами. Но одновременно они создают соблазн пойти по пути «силового сгущения» – то есть временного отката к ещё более жёсткой диктатуре ради защиты своих интересов.

3. Картина игроков после смерти диктатора

Анализ последствий внезапного ухода диктатора невозможен без рассмотрения конфигурации ключевых акторов. Персоналистская система, выстроенная вокруг Путина, не предполагает устойчивого институционального баланса. Однако различные группы – силовые, экономические, бюрократические и политические – обладают собственными интересами и потенциалом влияния на траекторию перехода.

В этом разделе рассмотрим основные группы, участвующие в формировании постпутинской конфигурации, с акцентом на их мотивации, ресурсы и вероятные стратегии поведения.

3.1. Силовики

Наиболее консолидированная, хотя и внутренне фрагментированная группа. Объединяются вокруг ресурсов насилия и контроля над институтами принуждения. Включают ФСБ, СВР, МВД, Росгвардию, Следственный комитет, прокуратуру, Генштаб, Министерство обороны, а также связанных с ними функционеров из Совбеза (Патрушев, Бортников, Нарышкин, Золотов, Чемезов, Сечин, Бастрыкин, Иванов).

Интересы:

- сохранение влияния;
- юридические гарантии неприкосновенности;
- контроль над транзитом власти;
- исключение пересмотра военных преступлений и коррупционных схем.

Поведение:

На начальном этапе будут стремиться к сохранению статус-кво. При угрозе утраты контроля могут инициировать силовые сценарии, включая попытки военного переворота или узурпации власти.

3.2. Государственные олигархи (госкапиталисты)

Ключевые акторы путинской экономической модели. Их богатство и влияние основаны не на предпринимательской эффективности, а на допуске к рентным потокам со стороны диктатора. Контролируют стратегические секторы экономики – энергетику, транспорт, финансы, вооружения (Миллер, Ковальчуки, Тимченко, Ротенберги, Сечин, Чемезов, Костин, Токарев).

Интересы:

- защита активов;
- недопущение приватизации или перераспределения собственности;
- сохранение бесконтрольного монопольного доступа к федеральному бюджету и госконтрактам;
- неприкосновенность собственности в международных юрисдикциях.

Поведение:

В случае потери патрона будут склонны к краткосрочным альянсам с силовиками, в ущерб реформам. Однако при угрозе международной изоляции могут поддержать прагматическую «сделку» с Западом и участие в контролируемой стабилизации.

3.3. Олигархи 1990-х годов

Представляют собой экономических акторов, сформировавшихся до прихода Путина к власти. Лишённые политических амбиций, они тем не менее сохранили международные связи, юридически устойчивые активы и опыт адаптации к изменениям режима (Керимов, Потанин, Мордашов, Дерипаска, Абрамович, Лисин).

Интересы:

- снятие санкций;

- защита активов;
- восстановление доступа к международным рынкам.

Поведение:

Предположительно будут выступать в пользу деэскалации, прекращения войны и сближения с Западом. Не склонны к участию в конфликтах за власть, могут стать союзниками в переходе к либерализации.

3.4. Технократы

Функциональный слой, обеспечивающий повседневную управляемость системы: бюджет, налоги, здравоохранение, инфраструктура, цифровые платформы. Не обладают самостоятельностью, но играют ключевую роль в обеспечении устойчивости в условиях кризиса (Мишустин, Белоусов, Силуанов, Набиуллина).

Интересы:

- минимизация управленческого хаоса;
- сохранение административного контроля;
- недопущение распада системы.

Поведение:

Будут стремиться к институциональной преемственности. Формально в случае смерти главы государства именно премьер-министр (Михаил Мишустин) становится исполняющим обязанности. Эта группа может сыграть роль «временного стабилизатора», предложив компромиссную фигуру и административный контроль над переходным этапом.

3.5. Политические менеджеры

К этой категории относятся акторы, обеспечивающие функционирование легитимационного контура: Администрация президента, партийный аппарат, парламентское большинство, ключевые губернаторы. Их роль заключается в поддержании имитационной политической системы (Кириенко, Собянин, Володин, Матвиенко, Медведев).

Интересы:

- сохранение институционального фасада;
- продолжение контроля над электоральными и идеологическими процессами;
- блокирование оппозиции и протестной активности.

Поведение:

С высокой вероятностью поддержат любую фигуру, способную обеспечить воспроизводство системы. При этом могут быть вовлечены в формирование «мягкой» адаптации под новый порядок, если он обещает политическое выживание.

3.6. Общество и структура общественного давления

Российское общество характеризуется высокой степенью атомизации и политической деполитизации. Однако внутри него выделяются как минимум три группы с различной степенью субъектности:

- **Класс войны:** наиболее активное меньшинство, состоящее из ветеранов СВО, участников ЧВК, работников ВПК и ультранационалистических активистов. Обладает высокой мобилизационной способностью и склонностью к насильственным формам протеста.
- **Апатичное большинство:** основная масса населения, демонстрирующая пассивность, выученную беспомощность и отсутствие устойчивых политических ориентаций.
- **Демократическое меньшинство:** политики, общественные активисты, независимые медиа, представители интеллектуальных и культурных сообществ. Потенциальный двигатель перемен, но ослабленный репрессиями и вынужденной эмиграцией.

Реакция общества на смерть диктатора во многом будет зависеть от того, как быстро элиты сформулируют внятную траекторию перехода и предоставят альтернативу страху и хаосу.

4. Ключевые вопросы элит: кто теперь главный и что делать с войной?

Сценарий внезапного ухода Владимира Путина запускает два ключевых вопроса, на которые должны будут ответить элиты в сжатые сроки:

- Кто займёт место центра принятия решений?
- Как поступить с войной против Украины?

Ответы на эти вопросы будут определять как краткосрочную устойчивость режима, так и долгосрочную траекторию политической трансформации России.

4.1. Кто теперь главный?

В персоналистской системе, где власть концентрируется вокруг одного человека, внезапное исчезновение лидера разрушает архитектуру распределения власти.

Несмотря на формальные конституционные процедуры (согласно которым обязанности главы государства переходят к премьер-министру Михаилу Мишустину), реальное управление будет определяться балансом интересов элитных групп, важнейшей особенностью которых, станет отсутствие единого центра.

Каждая из них обладает ограниченными ресурсами и испытывает высокую степень взаимного недоверия. Попытка одной группы захватить полный контроль почти неизбежно спровоцирует конфликт, ведущий к дестабилизации всей системы.

Таким образом, наиболее вероятным сценарием становится временный союз. Элиты вынуждены будут заключить неформальное соглашение о компромиссной фигуре, которая позволит сохранить видимость порядка, предотвратить хаос и выступить медиатором интересов.

На данном этапе ключевую роль может сыграть премьер-министр Мишустин: его фигура не вызывает резкого отторжения ни у силовиков, ни у экономических акторов, ни у бюрократии. Однако важно подчеркнуть: его статус будет исключительно техническим. Он не обладает самостоятельным политическим капиталом, а выполняет функцию антикризисного менеджера, удерживающего систему от немедленного развала.

4.2. Что делать с войной?

Второй, не менее важный вопрос – судьба войны против Украины.

Этот конфликт не является коллективным решением элит. Он результат персональной воли Путина, воплощённой в иррациональных решениях вопреки многим рациональным сигналам.

После ухода диктатора война превращается в бремя, угрожающее всем основным группам:

- силовикам – риском поражения, деморализации армии, юридического преследования;
- государственным олигархам – потерей доступа к ресурсам, продолжением международной изоляции, риском дальнейшего обесценивания активов и юридического преследования;
- технократам – управленческим коллапсом, экономическим спадом, утратой контроля, риском юридического преследования;
- политическим менеджерам – крахом систем легитимации, всплеском протестных настроений, риском юридического преследования.

Единственная группа, для которой война остаётся источником выгоды, это класс войны: ветераны СВО, ЧВК, ультранационалистические круги и Z-патриоты, военные, работники ВПК. Однако эта группа, несмотря на свою громкость и мобилизационный потенциал, не обладает достаточными политическими ресурсами для диктовки курса. Её влияние может проявляться как угроза – например, в форме вооружённых выступлений или попыток саботажа, – но не как стратегия, способная предложить устойчивую модель развития.

4.3. Концепция «большой сделки»

С учётом этих факторов возникает вероятный сценарий: заключение «большой сделки» с коллективным Западом. Её цель – не идеологическая трансформация, а прагматичное урегулирование критических вопросов:

- вывод войск со всех оккупированных украинских территорий, включая Крым;
- признание границ Украины в редакции 1991 года;
- передача арестованных валютных резервов (\$300 млрд) на послевоенное восстановление;
- освобождение политзаключённых и прекращение репрессий;
- согласие на проведение демократических реформ и новых выборов.

Эта сделка, с точки зрения элит, является инструментом:

- снятия персональных санкций;
- обеспечение личной безопасности и освобождение от ответственности;
- защиты собственности;
- возвращения в международную финансовую систему;
- сохранения управляемости внутри страны.

Она не исходит из убеждённости в необходимости реформ, а из прагматичного расчёта: что нужно отдать, чтобы сохранить как можно больше.

4.4. Динамика принятия решений

Важно учитывать, что динамика внутриэлитных переговоров будет крайне сжатой во времени.

События будут разворачиваться в режиме часов, дней и недель. Каждый актер будет оценивать риски и выгоды, исходя из:

- угрозы немедленной дестабилизации;

- возможного сценария силового конфликта;
- перспективы международной изоляции;
- долгосрочных личных гарантий.

В этом смысле западные государства и международные институты получают важный рычаг влияния: они способны предложить пакет внешних гарантий (финансовых, юридических, дипломатических), который будет восприниматься элитами как жизненно необходимый для стабилизации.

Таким образом, вопрос войны выходит за рамки военно-стратегической категории. Он становится частью сложных внутривластных переговоров, в которых международный фактор играет не менее значимую роль, чем внутренние балансы.

5. Развилка: авторитарный откат или демократизация

5.1. Структурная развилка

После заключения временного компромисса и выхода из острой фазы кризиса элиты оказываются перед стратегическим выбором:

- согласиться на продолжение демократических реформ, ведущих к глубоким изменениям политической системы;
- или свернуть реформы, зафиксировать минимальные уступки, стабилизировать ситуацию – и постепенно вернуться к привычной авторитарной практике.

Важно подчеркнуть: этот выбор не является абстрактной дилеммой. Он вытекает из структуры интересов элит, сформированных за два десятилетия персоналистского правления Путина.

5.2. Почему элиты будут бояться демократизации

В сценарии демократизации элиты сталкиваются с экзистенциальной угрозой:

- настоящие выборы означают утрату монополии на власть;
- независимые суды – риск уголовных расследований за прошлые преступления и потери активов;
- свобода слова – разоблачение коррупционных схем;
- демонтаж пропагандистского аппарата – потерю контроля над общественным мнением;
- децентрализация и расширение прав регионов – ослабление централизованного распределения ресурсов.

Путинские элиты – это не идеологические фанатики, а прагматики, ориентированные на сохранение активов, статуса и личной безопасности. Они привыкли существовать в условиях полной монополии: государственный бюджет, медиа, силовой ресурс, ключевые отрасли экономики – всё сосредоточено в руках небольшой группы акторов.

Для них демократизация означает не только потерю рычагов влияния, но и открытие ящика Пандоры, из которого выйдут силы, способные подвергнуть ревизии их собственное прошлое.

5.3. Два плана элит: минимум и максимум

В краткосрочной перспективе элиты заинтересованы в заключении большой сделки с международным сообществом (см. предыдущий раздел), которая позволит:

- снять или ослабить санкции;
- защитить активы;
- вернуть доступ к финансовым и технологическим ресурсам.

Однако на этом их готовность к уступкам может исчерпаться.

В логике большинства элит демократические реформы – это временный тактический манёвр, необходимый для нормализации отношений с Западом, но не более.

Как только внешние угрозы минимизированы, возникает соблазн «откатить» ситуацию назад – зафиксировать декоративные изменения и вернуться к авторитарной стабильности, пусть и без Путина.

5.4. Авторитарный откат: механизм

Авторитарный откат может быть реализован по следующему сценарию:

- Силовики и «класс войны» усиливают риторику об угрозе национальной безопасности.
- Политические менеджеры начинают кампанию против «деструктивных либеральных сил, руководимых Западом», обвиняя их в попытках дестабилизации.
- Государственные олигархи лоббируют свертывание реформ, опасаясь пересмотра собственности.
- Вводятся новые ограничения на свободу слова, ужесточается контроль над регионами, усиливаются репрессивные механизмы.

5.5. Исторический пример: Египет после 2011 года

Свержение Хосни Мубарака в 2011 году стало результатом массовых протестов, которые во многом напоминали волну народных движений, охвативших авторитарные режимы на Ближнем Востоке («арабская весна»). После ухода диктатора страна вступила в период демократических реформ: были проведены первые конкурентные выборы, принята новая конституция, активизировались политические партии, независимые медиа и гражданское общество.

Однако этот период оказался краткосрочным. Уже к 2013 году армия во главе с Абдель-Фаттахом ас-Сиси вернула себе контроль над государством, организовав переворот и установив режим, который по многим параметрам стал даже более жёстким, чем при Мубараке.

Анализ причин авторитарного отката показывает несколько ключевых факторов:

- слабость и разобщённость демократических сил, неспособных создать устойчивую коалицию;
- страх элит (особенно военных) перед потерей контроля над армией, экономикой и институтами;
- апатия значительной части общества, быстро уставшего от турбулентности и экономических трудностей;
- использование риторики «угрозы национальной безопасности» для оправдания репрессий.

Для российского сценария этот пример служит предупреждением: окно возможностей после падения диктатуры открывается очень ненадолго. Если демократические силы слабы и не готовы, а старые элиты сохраняют рычаги управления, то реванш почти неизбежен – и он может обернуться даже более репрессивным режимом.

5.6. Почему демократизация возможна, но требует уступок

Демократизация, с точки зрения элит, возможна только в случае очень высокого внешнего и внутреннего давления.

Она предполагает:

- смену поколений внутри элиты (уход старой верхушки с гарантиями личной безопасности и неприкосновенности капиталов);
- вхождение новых акторов в политическую систему;
- допуск реальной конкуренции и перераспределение полномочий.

Это болезненный компромисс. Он предполагает, что старая элита должна согласиться уйти, сохранив личные гарантии, но потеряв монополию на будущее. Такой сценарий, хотя и более редкий, исторически возможен.

5.7. Исторический пример: Испания после смерти Франко (1975 год)

После смерти Франсиско Франко Испания оказалась перед историческим вызовом. За плечами страны были почти четыре десятилетия авторитарного режима, массовых репрессий, строгого контроля над обществом и жестокой борьбы с политической оппозицией. При этом страна стремительно менялась социально и экономически: рос средний класс, развивалась промышленность, возникал запрос на модернизацию и интеграцию в Европу.

Ключевым элементом мирного перехода стал «Пакт забвения» – негласное соглашение между франкистскими элитами и демократическими силами, по которому:

- старая верхушка не подвергается масштабным репрессиям;
- прежние институты (например, армия, полиция) сохраняют минимальный базовый статус, но выводятся из политики;
- в обмен запускается процесс либерализации: легализация партий, проведение демократических выборов, разработка новой конституции, амнистия для политзаключённых.

Этот компромисс позволил избежать масштабного насилия и гражданского конфликта, открыв путь к построению современной демократической Испании. Однако он также имел свою цену: до сих пор тема ответственности франкистских элит остаётся болезненной, а многие преступления той эпохи так и не были расследованы.

Для России этот пример демонстрирует, что демократический переход возможен даже после долгой диктатуры – но он требует готовности к болезненным компромиссам, а также наличия политических акторов, способных удержать обе стороны от ухода в крайности.

6. Риски и возможности

Период политического транзита после падения персоналистской диктатуры сопровождается не только возможностями для реформ, но и серьёзными рисками.

Игнорирование этих рисков или недооценка масштабов вызовов способно обернуться провалом переходного процесса – либо скатыванием в хаос, либо реставрацией авторитаризма, нередко в ещё более жёсткой форме.

В этом разделе выделены основные угрозы и потенциальные возможности, открывающиеся в постпутинский период.

6.1. Основные риски

6.1.1. Авторитарный реванш

Даже если на первом этапе часть элит соглашается на уступки, внутри системы сохраняются группы, заинтересованные в реставрации контроля.

Это прежде всего:

- силовики, опасющиеся юридической ответственности;
- класс войны, утративший источник доходов, статус и перспективы;
- государственные олигархи, не желающие пересмотра прав собственности.

В случае ослабления демократических сил эти группы могут использовать риторику национальной безопасности, мобилизовать патриотические настроения и инициировать откат реформ.

6.1.2. Экономический коллапс

Политический транзит неизбежно сопровождается дестабилизацией:

- падение доверия к национальной валюте и банкам;
- бегство капитала;
- разрыв управленческих цепочек;
- стагнация бюджетных поступлений.

Без международной финансовой помощи и чёткого плана стабилизации эти процессы могут выйти из-под контроля, создавая питательную среду для радикальных и популистских акторов.

6.1.3. Вооружённые мятежи и дезинтеграция

Особую угрозу представляет фрагментация силового блока.

Частные военные компании, отдельные подразделения армии, вооружённые группировки, связанные с региональными элитами (например, армия Кадырова), могут попытаться реализовать собственные амбиции.

Это создаёт риски вооружённых столкновений и утраты централизованного контроля.

6.1.4. Ядерный риск

Россия остаётся крупнейшей ядерной державой.

В условиях хаоса возникает проблема контроля над ядерным арсеналом, командными пунктами, системами раннего оповещения.

Этот вопрос выходит за рамки национальной политики и становится предметом международной координации. Неудачная или несогласованная реакция на утрату контроля может иметь катастрофические последствия не только для России, но и для всего мира.

6.2. Окно возможностей

Несмотря на риски, транзитный период открывает уникальные возможности, которые ранее были заблокированы диктатурой:

- прекращение войны и восстановление отношений с соседями;
- признание и компенсация причинённых разрушений;
- возвращение в международную экономику (рынки, технологии, инвестиции);
- начало институциональных и правовых реформ;
- формирование новых региональных, культурных и национальных идентичностей на основе самоопределения, а не насилия.

Ключевое условие: это окно возможностей не будет открыто вечно. Исторический опыт показывает, что первые 1–2 года после падения диктатуры критически важны. Если за это время не начнутся системные изменения, вероятность авторитарного реванша или дестабилизации возрастает многократно.

7. Заключение: ключевые выводы и стратегия действий

Анализ показывает: избежать сценария авторитарного отката или дезинтеграции России можно, но для этого необходимо совпадение четырёх ключевых условий.

Это не гарантированный исход, а очень узкий коридор возможностей, который открывается только на короткое время после внезапного обрушения персоналистской системы.

Эти условия следующие:

7.1. Готовность части путинских элит к реальным реформам

Большинство российских элит – это не идейные сталинисты и не фанатичные милитаристы. Это прагматики, ориентированные на статус, безопасность и деньги.

Если они увидят, что сохранить эти блага возможно только через модернизацию, переговоры, компромиссы с обществом и Западом, они

начнут дрейфовать в сторону реформ. Но этот процесс сам собой не произойдёт: его нужно подталкивать.

Важно дать чёткий сигнал: переходите на сторону добра. Чем раньше начнётся этот дрейф, тем больше будет шансов на устойчивый переход.

7.2. Мобилизация общества

В течение многих лет российское общество целенаправленно погружалось в состояние апатии. Людей отучали участвовать в политике, голосовать, протестовать, обсуждать происходящее.

Однако в момент кризиса именно общество может сыграть ключевую роль.

Не обязательно через баррикады и массовые восстания (хотя и это не исключено), но через формирование запроса на перемены, поддержку новых политиков, давление на элиты и международные структуры.

Если общество останется пассивным, демократический переход почти гарантированно захлебнётся – его просто украдут старые элиты.

7.3. Международное участие

Запад и международные организации – это не сторонние наблюдатели. Их роль фундаментальна.

От них будут зависеть:

- дипломатическое посредничество;
- финансовая помощь;
- создание правовых рамок для репараций и компенсаций;
- гарантии безопасности;
- контроль над ядерными объектами;
- проведение первых свободных выборов;
- обеспечение права на самоопределение для регионов и национальных республик.

Нельзя ограничиваться только вопросами санкций и замороженных резервов. Уже сейчас нужно вести переговоры о правилах игры после Путина, о механизмах интеграции, о статусе новых политических образований, когда они возникнут. Международное сообщество должно быть не зрителем, а соавтором этого перехода.

7. 4. Наличие сильных демократических структур и лидеров

На сегодняшний день демократическая оппозиция, в основном находящаяся в эмиграции, разобщена, слабо организована и лишена эффективных каналов воздействия на внутрироссийскую аудиторию.

Однако именно она должна подготовить фундамент будущего:

- создать прототипы будущих партий и движений;
- сформировать кадровый резерв – подготовить людей, способных брать на себя ответственность;
- выработать объединяющую повестку, выходящую за рамки только критики Путина, и предлагать привлекательный для общества образ будущего;
- рассказать людям, что демократическая альтернатива существует и что она не ведёт к хаосу, распаду и гражданской войне, а даёт шанс на нормальную жизнь.

Без всего этого шанса повлиять на ситуацию просто не будет.

7.5. Почему нужно действовать уже сейчас

Внезапная смерть диктатора может стать для России возможностью остановить падение в пропасть.

Перед страной впервые за столетия откроется шанс: стать нормальной, свободной, безопасной – для себя и для всего мира.

Воспользуется ли Россия этим шансом – или уйдёт на новый цикл диктатуры, репрессий и деградации – зависит от того, будет ли подготовлена почва.

Никто не знает будущего. Этот перелом может наступить уже завтра.

Подготовку нужно начинать уже сегодня.

Часть третья

Северокорейская модель:

наследная диктатура и вечная война

1. Вступление

Третья часть доклада Объединения «Комитет-2024» «Мы после Путина» посвящена сценарию, который ещё недавно мог казаться фантастическим, но сегодня всё более обретает черты политической реальности – созданию в России династической диктатуры по северокорейскому образцу.

Речь идёт не о теоретической модели, а о логически вытекающем из текущей конфигурации шаге: передаче власти от Владимира Путина его дочери Марии Воронцовой и превращении режима в закрытую семейную структуру с ритуализированным культом преемственности.

Этот сценарий – продукт самой системы, выстроенной вокруг одной личности и лишённой механизмов транзита. Он рождается из страха, из недоверия к элитам, из утраты смысла вне персонального контроля. Он возможен потому, что альтернативы устранены, институты разрушены, а общество деморализовано и отучено от политики как таковой.

Цель данной части доклада – всесторонне проанализировать предпосылки, механизмы и последствия реализации династического сценария в России. Мы рассматриваем не просто передачу власти, а попытку биологического продления режима, трансформацию персоналистской диктатуры в нефеодалскую конструкцию, где лояльность измеряется родством, а стабильность – заморозкой развития.

В этой части Доклада мы рассмотрим:

- состояние российской государственности и политического строя;
- психологию и страхи позднего диктатора;
- почему для Путина единственно приемлемый формат транзита – династический транзит;
- кого Путин выберет в качестве преемника;
- политико-биографическую характеристику предполагаемой преемницы – Марии Воронцовой;
- механизмы наследственного транзита: от медийной легализации до конституционной реформы;
- возможные реакции элит, общества и международного сообщества на сценарий династического транзита.

2. Политическая структура России после 2022 года

После начала полномасштабного вторжения в Украину в феврале 2022 года политическая система России претерпела окончательную трансформацию в направлении жёсткой персоналистской диктатуры с чертами позднего тоталитаризма. Формально сохранив симулятивные атрибуты институциональной государственности – парламент, суды, выборы, СМИ, – режим де-факто демонтировал все механизмы сдержек и противовесов, заменив их пирамидой лояльности, страха и прямого подчинения единственному центру власти – фигуре Владимира Путина.

2.1. Централизация власти и устранение автономии институтов

Центральным элементом политической архитектуры после 2022 года стал не институт президентства, а именно физическая и символическая фигура Владимира Путина как «вождя» эпохи мобилизационного авторитаризма. Все институты власти – от Государственной Думы до Совета Безопасности, от судов до ЦИК – были приведены в режим абсолютной исполнительности. Их задача – не представлять общество или обеспечивать законность, а оформлять волю диктатора в правовые формы и подавлять возможные отклонения от вертикали.

Политическая конкуренция полностью уничтожена. Выборы превращены в бутафорский способ легитимации уже принятых властью персональных решений по формированию законодательных и представительных органов и замещению выборных должностей. Участие в так называемых «выборах» допускается только для структур, имитирующих оппозицию и действующих в рамках контролируемого пространства (КПРФ, ЛДПР, «Новые люди» и др.), которые фактически интегрированы в систему. Настоящая оппозиция либо находится в изгнании, либо уничтожена физически, либо брошена в тюрьмы и подвергается пыткам.

2.2. Парламент и суды: симуляция институтов

Федеральное Собрание превратилось в неодушевленный механизм легитимации решений администрации президента. Законодательные инициативы спускаются сверху, обсуждение – формально, голосование – единогласное. Отдельные случаи демонстративного несогласия служат не сигналом плюрализма, а ритуалом управляемого разнообразия.

Судебная система функционирует в логике «телефонного права», где судебные акты заранее известны, особенно по делам, касающимся оппозиции, антивоенной деятельности, свободы слова или «дискредитации армии». Конституционный суд давно утратил всякую субъектность и стал

символическим органом, оправдывающим произвол под видом правопорядка.

2.3. Репрессивный аппарат как основа стабильности

ФСБ, МВД, Росгвардия и СКР стали главными инструментами удержания власти. Их роль не ограничивается пресечением реальных угроз – они создают атмосферу страха, в которой любой акт независимого мышления может быть истолкован как экстремизм. Массовые уголовные дела по политическим мотивам, административные преследования, слежка, аресты, показательные расправы и пытки в колониях стали повседневной практикой.

Новая законодательная база — в том числе статьи о «фейках», «дискредитации армии», «иностранных агентах» и «нежелательных организациях» — создала основу для репрессирования любых форм инакомыслия. Политическое поле выжжено до основания.

2.4. Контроль над информацией и разрыв с внешним миром

После 2022 года режим перешёл к форсированной изоляции информационного пространства. Все независимые СМИ были заблокированы, закрыты или признаны «иностранными агентами».

Социальные сети ограничены, доступ к оппозиционным ресурсам запрещен или затруднен, VPN признан вне закона. Создана система цифровой цензуры и слежки, сочетающая китайские технологические практики с советскими методами идеологического контроля.

Параллельно происходит построение подконтрольной медиасреды – с телепропагандой, военной истерией, культом жертвы и сакрализацией Путина. Пропаганда превратилась в систему не просто лжи, а воссоздания реальности – подмены фактов, смысла и языка.

2.5. Мобилизационный режим: война как форма существования

С начала полномасштабной войны российское государство перешло в режим перманентной мобилизации. Не только армия, но и всё общество вовлекается в военную повестку. Война перестала быть внешнеполитическим инструментом и превратилась в основу внутреннего легитимного нарратива.

Без неё режим не способен объяснить своё существование.

Даже частичная мобилизация в 2022 году, проведённая без широкого обсуждения и вне правового поля, стала демонстрацией абсолютного контроля над обществом. Любая попытка возражения – даже в форме бегства из страны – преследуется как предательство. Государство стало машиной по производству насилия, направленного как вовне, так и внутрь.

2.6. Заключение: постинституциональная автократия

Таким образом, политическая структура России после 2022 года – это не просто автократия, а постинституциональный персоналистский режим, опирающийся не на нормы, а на страх, культ личности и образ войны как формы бытия. Исчезновение публичной политики, разложение институтов, ликвидация альтернатив и принудительная лояльность превращают этот режим в крайне устойчивую, но и крайне хрупкую конструкцию. Её устойчивость зиждется исключительно на личной физической и символической власти одного человека, и потому она может быть разрушена в момент его исчезновения или поражения.

3. Сценарий «вечной войны»: заморозка конфликта с Украиной

На фоне неспособности одержать стратегическую победу и отказа признать поражение, путинский режим всё ярвственнее движется к сценарию хронического конфликта с Украиной – сценарию «вечной войны». Это не мир и не перемирие, не победа и не поражение, а сознательно культивируемое состояние нестабильности. Война становится постоянной реальностью, встраивается в повседневную жизнь, превращается в элемент политического и социального ландшафта.

Линия фронта стабилизируется, крупные наступательные операции сходят на нет, дипломатические усилия блокированы. Международные посредники не допускаются, переговорный процесс заморожен, а любое упоминание о компромиссе табуируется российской пропагандой как «предательство».

В результате возникает замкнутая конфигурация позиционного противостояния: регулярные обстрелы, атаки дронов, диверсионные действия, локальные бои, но без стратегического сдвига. Это – война как хроническое заболевание. Она не убивает сразу, но изматывает, разрушает ткани общества, консервирует авторитаризм и подменяет собой любое развитие.

Такой сценарий политически выгоден Кремлю. Он позволяет:

- сохранить атмосферу осаждённой крепости, удерживая общество в состоянии мобилизационного гипноза;
- оправдывать экономическую деградацию, международную изоляцию и рост бедности – всё это якобы неизбежные издержки великой «борьбы с Западом»;
- легитимировать репрессии под предлогом борьбы с «внутренним врагом», «агентами Запада» и «пятой колонной»;

- поддерживать военное производство и перераспределение ресурсов, укрепляя зависимость элит от государства и военного бюджета;
- воспитать молодое поколение в логике войны – через систему образования, пропаганду, массовую культуру, военную службу.

3.1. «Вечная война» как структурная модель

Этот сценарий всё больше напоминает не только «арабо-израильский» конфликт, но и корейскую модель – то есть замороженную линию фронта, отсутствие реального мирного договора и полную милитаризацию зоны конфликта. Задача не в том, чтобы победить, а в том, чтобы не прекращать – война как форма существования режима. В этом смысле «вечная война» – это не военная, а политико-социальная конструкция, поддерживающая:

- внутреннюю дисциплину через страх и насилие,
- сакрализованный образ власти как «единственного защитника»,
- неустрашимый дефицит – не только материальный, но и смысловой.

Война превращается в универсальную метафору: она объясняет всё – от падения рубля до запрета YouTube. Каждый провал, каждая глупость, каждый шаг назад подаётся как «объективная необходимость в условиях военного времени».

3.2. Механика заморозки: как поддерживается нестабильность

Режим тщательно дозирует напряжённость:

- проводит «частичную мобилизацию», но избегает тотального призыва;
- допускает удары по приграничным районам, но не даёт им перерасти в полномасштабный конфликт внутри России;
- позволяет слухам о переговорах циркулировать, но регулярно обнуляет их и саботирует;
- стимулирует страх ядерной эскалации, не прибегая к ней напрямую.

Это – сознательная тактика управления страхом, неопределённостью и усталостью. Общество не может расслабиться, но и не может возмутиться: эмоциональные ресурсы истощены, политическая альтернатива задавлена, будущее выжжено.

3.3. Долгосрочные последствия

Если этот сценарий закрепится, то Россия рискует войти в эпоху системной стагнации с элементами милитаризированной изоляции, где:

- нормой становится бедность и дефицит;
- развитие подменяется выживанием;
- демократия забывается как анахронизм;
- политика исчезает, остаётся только бюрократия и силовики.

Это не «новый СССР». Это – Северная Корея, с тотальным контролем, адаптированным к цифровому веку.

4. Персональный ресурс и физическое состояние Владимира Путина

На момент написания настоящего доклада (апрель - июнь 2025 года) Владимир Путин демонстрирует устойчивое физическое и психоэмоциональное состояние, соответствующее его стилю авторитарного правления. Несмотря на многочисленные слухи и домыслы, сопровождающие его на протяжении последних лет, достоверных признаков тяжёлого или прогрессирующего заболевания у российского диктатора в открытом доступе не зафиксировано.

4.1. Физическое состояние и внешний образ

Наблюдаемая динамика указывает на регулярную медицинскую поддержку, наличие профессиональной команды врачей, а также систематическое применение поддерживающей терапии, включая пластические и гормональные процедуры.

Внешне Путин остаётся подвижным, участвует в публичных мероприятиях, иногда с ограничениями, но без очевидных признаков физической деградации. Его внешность, несмотря на заметные изменения (отеки, использование филлеров и ботулотоксина, резкое омоложение), представляет собой управляемую имиджевую оболочку, находящуюся под контролем. Гипертрофированная маскулинность и «бодрое» поведение соответствуют нарциссическим стратегиям компенсации возраста и слабости, но при этом выполняют и более важную функцию – сохранения иллюзии контроля и силы в глазах элит и населения.

4.2. Психоэмоциональный профиль

С психоэмоциональной точки зрения Путин демонстрирует устойчивую личностную структуру с выраженными чертами параноидного расстройства.

Это состояние характеризуется глубокой подозрительностью, тенденцией к формированию фиксированных идей о враждебности окружения, отсутствием доверия к внешним источникам информации и склонностью к построению конспирологических моделей. Эти черты не

только не ослабли, но, по всей видимости, усилились в условиях затяжной войны и изоляции.

Психологическая стабильность Путина не является синонимом ментального здоровья в классическом понимании. Напротив, стабильность его поведения обусловлена именно глубоко закреплённой патологией, делающей невозможным для него принятие реальности, в которой он утрачивает власть, контроль или личную неприкосновенность. Любой сценарий транзита воспринимается им как экзистенциальная угроза, а сам институт передачи власти – как потенциальная ловушка, в которой он окажется либо устранённым, либо уничтоженным. Это делает сценарий добровольного ухода с поста – в том числе под предлогом здоровья – крайне маловероятным.

4.3. Политические последствия психофизической стабильности

Следует подчеркнуть: на текущий момент нет никаких оснований полагать, что состояние здоровья Владимира Путина объективно препятствует его дальнейшему пребыванию у власти. При стабильной медицинской поддержке и в условиях полной изоляции от любых внешних раздражителей он вполне может продолжать управлять страной ещё в течение 10–15 лет, что, с учётом его возраста (72 года по состоянию на май 2025 года), укладывается в рамки физиологического ресурса современных автократов.

Таким образом, сценарий естественного ухода с политической сцены в обозримой перспективе остаётся маловероятным.

Для понимания будущего России важно учитывать, что режим Путина не содержит институциональных механизмов преемственности, кроме тех, которые он сам персонально санкционирует. Внутренняя логика режима исключает транзит власти как норму. Любая передача управления – это, с точки зрения параноидальной психики Путина, катастрофа, открывающая шлюзы хаоса, измены и расплаты. Именно поэтому идея наследования власти становится не политической спекуляцией, а логическим продолжением клинической реальности – попыткой Путина обмануть смерть, передав власть «своей крови».

Таким образом, личное здоровье Путина и его психическая структура не только не являются фактором нестабильности, но, напротив, цементируют нынешнюю конфигурацию власти. Это укрепляет сценарий династической передачи полномочий и одновременно исключает любой иной формат транзита, не сопряжённый с принуждением или насильственным устранением главы государства.

5. Психология диктатора: страх предательства и культ абсолютного контроля

Поздний путинский режим – это не просто автократия, лишённая механизмов транзита власти. Это система, выстроенная вокруг одного человека, его страхов, навязчивых идей и внутренней потребности контролировать всё и всех. Чем ближе к финалу его правления, тем сильнее политическая структура начинает напоминать не государство, а психологическую проекцию – модель мира, в которой контроль приравнен к выживанию, а малейшее проявление самостоятельности трактуется как угроза.

5.1. Паранойя как фундамент политической стратегии

Путин не просто не доверяет – он изначально исходит из презумпции предательства. Его политическая стратегия – это не про делегирование, не про институты, не про преемственность. Это про бесконечную нейтрализацию. Любая фигура, которая потенциально может обрести самостоятельность, оказывается сначала ограничена, потом дискредитирована, а затем устранена. Не обязательно физически – достаточно политически.

Так было с премьер-министрами, которые оказывались слишком заметны. Так было с Медведевым, которого Путин в 2008 году формально сделал президентом, но в действительности лишь использовал как буфер, как временную тень. Когда Медведев начал проявлять признаки субъектности – говорить о модернизации, делать заявления в духе «оттепели» – началась тихая кампания по его демонтажу.

Его окружение расчищали, инициативы сворачивали, публичный образ последовательно ослабляли. В итоге, после 2012 года, он оказался в положении, близком к политическому кастрату: технический премьер, лишённый воли и влияния.

Это был не первый и не последний случай. Путин, по сути, не способен мириться с автономией другого, особенно вблизи от трона. Он воспринимает любой центр силы как потенциальный заговор. Он не делит власть – он её упрятывает, замыкает, растворяет в своей тени.

5.2. Родство как единственный гарант лояльности

В этом параноидальном устройстве мира одна категория людей сохраняет к нему доступ – кровные родственники. Для Путина родство – это не просто социальный факт, это эмоциональный гарант. Он убеждён, что тот, кто связан с ним кровью, не предаст. Это глубоко архаическое, почти

феодалное восприятие власти, в котором личная преданность важнее компетентности, а происхождение заменяет доверие.

Передача власти одной из дочерей – это не просто шаг в сторону династии. Это форма психологического самоспасения. Путин не способен отпустить контроль, но он способен симулировать уход, если рядом будет тот, кто «продолжит его дело» буквально как плоть от плоти. Такой сценарий позволяет ему остаться в роли великого наставника, отца нации, даже после формального ухода с поста. В этом сценарии он не исчезает – он возносится. Он превращается в миф, а одна из его дочерей – в аватар, фигуру, которая не может предать, потому что сама – часть его.

Связь с дочерьми – особый случай. На протяжении десятилетий они находились в публичной тени, почти в подполье: без интервью, без заявлений, с подчищенными биографиями и фальшивыми именами. Эта жизнь в скрытности – своего рода обряд инициации. Через неё они доказали, что умеют молчать, умеют быть невидимыми, умеют подчиняться ритуалам безопасности. В глазах Путина одна из них – та, кто выдержал экзамен абсолютного послушания.

5.3. Контроль как лекарство от страха

В конечном счёте всё, что делает Путин на последних этапах своего правления, продиктовано не стратегией, а страхом. Это страх не только перед реальными врагами, но и перед пустотой. Перед тем, что без власти он никто. Перед тем, что его собственное творение – режим абсолютного контроля – может обернуться против него. Перед тем, что без него система рухнет, а он останется не отцом нации, а в лучшем случае – стариком в изоляции, забытым и ненужным. В худшем – на скамье подсудимых.

Для человека, который построил всё на личной воле, потеря этой воли равна смерти. Поэтому никакого «после Путина» в его голове не существует. Есть только продолжение Путина – в той форме, в какой он сам решит. Через дочь, через культ, через страх. Но всегда – под его негласным контролем.

6. Прецеденты предательства и утраты контроля: почему Путин никому не доверяет

Решение Владимира Путина не передавать власть кому-либо из ближайшего окружения или управленческой элиты обусловлено не только его личными чертами, но и логикой автократического выживания.

В персоналистских режимах передача власти равна передаче судьбы – и, как показывает опыт, даже тщательно подобранные и формально лояльные фигуры часто начинают играть собственную игру, как только получают ресурсы.

6.1. Случай Березовского: патрон, ставший изгнанником

Наиболее значимый и личный для Путина пример – история его восхождения к власти при участии Бориса Березовского. Именно Березовский, будучи неформальным куратором ельцинской преемственности, в 1999 году продвигал Путина как компромиссную фигуру: малопубличного, управляемого, лояльного.

Однако уже в течение первого срока Путин не просто дистанцировался от патрона, но и полностью уничтожил его политико-медийное влияние. Березовский лишился контроля над ключевыми активами, был вынужден покинуть страну, а затем подвергся уголовному преследованию и убит Путиным. Этот случай стал для Путина фундаментальным политическим уроком: нельзя быть обязанным никому, даже тому, кто тебя возвёл на трон. Преемник, если он не полностью под контролем, почти неизбежно становится угрозой.

6.2. Казахстан: Назарбаев и Токаев – «управляемый» преемник, лишивший власти создателя системы

Нурсултан Назарбаев в течение десятилетий выстраивал персоналистскую систему, где все ключевые элементы власти подчинялись ему. В 2019 году он инициировал транзит, передав пост президента Касым-Жомарту Токаеву – опытному дипломату, не обладающему собственной силовой базой.

Модель предполагала сохранение власти Назарбаева через Совбез, «титул Елбасы» и контроль над элитами. Однако в течение последующих лет Токаев постепенно перехватил инициативу, а в ходе январских протестов 2022 года – ликвидировал влияние Назарбаева, устранил его клан и вернул себе полный контроль над силовыми структурами. Даже символическое наследие первого президента было демонтировано: столица вернула название Астана, культ «отца нации» исчез из медиаполя.

Этот кейс – важнейший для Кремля сигнал. Путин лично наблюдал за тем, как «технический преемник» в течение двух лет не просто вышел из-под влияния, но и полностью аннулировал политическое наследие патрона. Вывод: передача власти – даже под внешним контролем и при сохранении силовой поддержки – не гарантирует лояльности. И чем дальше от биологической связи, тем выше риск.

6.3. Китай: ошибка Ху Цзиньтао и возвышение Си Цзиньпина

Ещё один важный пример – внутрипартийный транзит власти в КНР. В 2012 году Ху Цзиньтао, придерживавшийся модели коллективного руководства, передал пост Генерального секретаря КПК Си Цзиньпину.

Ожидалось, что Си продолжит курс на ограничение сроков, баланс кланов и институциональную ротацию. Однако уже к 2016 году стало ясно: Си концентрирует власть, запускает антикоррупционные чистки, демонтирует принципы ротации и устраняет противников.

К 2018 году он отменил ограничение по числу президентских сроков, а в 2022 году на пленуме КПК Ху Цзиньтао был фактически насильственно удалён из зала, что символизировало полную утрату влияния предшественника.

В глазах Путина этот случай – прямое подтверждение риска. Даже внутренний, партийный, системный преемник может стать самостоятельной фигурой, изменить систему, устранить патрона – и сделать это быстро, жёстко и без оглядки.

6.4. Вывод: преемник – это всегда потенциальный разрушитель системы

Для Путина все эти случаи формируют одну политическую аксиому: передача власти вне круга кровных доверенных – почти гарантированное самоубийство режима. Даже если формально соблюдаются все договорённости, даже если преемник публично клянётся в лояльности, он всегда подвержен влиянию новых элитных групп, внешнего давления, личных амбиций.

Отсюда – установка:

- никому не передавать власть, кроме человека, биологически связанного,
- максимально затянуть сам момент транзита,
- встроить преемника в сакральную вертикаль – не как сменщика, а как носителя линии, продолжателя культа.

7. Почему Путин выберет преемницей старшую дочь Марию Воронцову?

В российском контексте потенциальной фигурой наследования становится Мария Воронцова – не политик, не силовик, не администратор, а «дочь отца нации», связанная кровью, а не договором. Именно она, а не вторая дочь – Екатерина Тихонова, – оказывается предпочтительной кандидатурой по нескольким важным причинам.

Во-первых, Воронцова – старшая дочь, а в логике персоналистской диктатуры с явными элементами сакрализации власти это обстоятельство приобретает символическое значение. В традиционалистском,

квазимонархическом воображаемом, которое Путин последовательно конструирует, старшинство означает приоритет, даже если оно не подкреплено юридически. Это продолжение имперского и патриархального архетипа: первенец – наследник.

Во-вторых, её публичный образ выстраивается как максимально «нейтральный» и аполитичный. Она врач, эндокринолог, учёный, куратор медицинских и благотворительных проектов. Эта биография контрастирует с токсичной повесткой, окружающей элиты, силовиков и чиновников. Отсутствие ассоциаций с репрессиями, коррупцией, политикой или госконтрактами делает Воронцову удобной фигурой для символической легитимации – «чистым листом», который можно представить как «разумное» будущее, лишённое груза насилия и лжи. Её профессия (медицина) дополнительно усиливает этот образ – как сферы, ассоциирующейся с заботой, восстановлением, спасением.

В-третьих, Мария Воронцова демонстрирует признаки именно контролируемого и сдержанного публичного поведения, важного для династического сценария, в котором главная задача – не управлять, а олицетворять преемственность. В отличие от Тихоновой, Воронцова не демонстрирует политических амбиций, не связана напрямую с влиятельными корпоративными группами и не ассоциируется с силовым блоком. Екатерина Тихонова, напротив, уже встроена в инфраструктуру власти: она возглавляет научно-технологические проекты, близкие к ВПК и ФСБ, её фигура окружена гораздо более плотным слоем связей, интересов и возможных конфликтов. Это делает её менее гибкой, менее управляемой и потенциально более опасной – как в глазах Путина, так и для окружения, которое предпочитает предсказуемость.

Таким образом, именно Мария Воронцова, с её «врачебной» дистанцией от системы, старшинством и символическим «человеческим лицом режима», становится более удобной и безопасной фигурой для сценария династического транзита – не как субъект власти, а как её гарантированное продолжение.

8. Кто такая Мария Воронцова?

8.1. Биография

Мария Владимировна Воронцова (род. 28 апреля 1985 года, Ленинград) – старшая дочь Владимира Путина и Людмилы Путиной (в браке до 2013 года). До конца 1990-х годов её биография оставалась практически неизвестной. В период президентства Путина информация о дочерях скрывалась, а их личности не подтверждались официально. Однако в 2010-х

годах в результате журналистских расследований стали доступны подтверждённые данные о её образовании и профессиональной деятельности.

По данным открытых источников:

- Воронцова начала обучение на биофаке Санкт-Петербургского государственного университета, затем перевелась в МГУ.
- В 2011 году окончила факультет фундаментальной медицины Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
- В 2013 году поступила в клиническую ординатуру при Национальном медицинском исследовательском центре эндокринологии Минздрава России.
- В 2016 году защитила кандидатскую диссертацию по теме дефицита гормона роста у детей.
- В её активе – публикации в российских и международных научных журналах по эндокринологии, педиатрии и молекулярной медицине. Её научные статьи индексируются в базе Scopus.

Также известно, что она принимала участие в междисциплинарных исследованиях, связанных с детской онкологией и редкими наследственными заболеваниями. Сотрудничала с Институтом медико-биологических проблем (ИМБП РАН), известным своей работой в области космической и стрессовой медицины.

С 2020-х годов Воронцова вовлечена в реализацию крупных федеральных программ по развитию генетических технологий и персонализированной медицины. В частности:

- участвовала в продвижении Национальной программы по генетической безопасности, утверждённой в 2019 году;
- представляла один из проектов на Совете по стратегическому развитию и нацпроектам в 2021 году;
- выступала куратором отдельных направлений в рамках инициатив «генетического паспорта» и «цифрового контура здоровья».

Кроме того, Воронцова входила в совет директоров компании «Номеноко» (группа «Согаз»), занимающейся строительством медицинского кластера в районе Лахта-Центра в Санкт-Петербурге – объекта, связанного с интересами ближнего круга Владимира Путина.

Таким образом, Мария Воронцова обладает подтверждённой академической квалификацией, реальным опытом научной и клинической работы, а также вовлечённостью в масштабные государственные проекты. В публичной стратегии Кремля её фигура может использоваться как олицетворение «технократического обновления» и «гуманитарного

преемника» – символически дистанцированного от репрессивного ядра режима.

8.2. Публичная траектория.

Несмотря на внешнюю непубличность, начиная с 2024 года Кремль начал реализовывать сценарий управляемой медийной легализации Воронцовой. Её образ начали постепенно внедрять в лояльные Telegram-каналы и федеральные СМИ. Упор делался на подчеркнутую «скромность», «служение науке» и «преданность Родине».

В январе 2024 года, в период президентской избирательной кампании, российские пропагандистские каналы синхронно написали о большом видеоинтервью Марии Воронцовой, в котором она говорила о детстве, мечтах, медицине и науке.

В феврале 2025 года появился первый ярко выраженный сигнал: в провластных пабликах была распространена информация о том, что «дочь Путина спасала раненых бойцов в зоне СВО». Этот вброс был пробным – с целью тестирования общественной реакции и степени допустимого перехода к её публичной роли.

Реакция оказалась предсказуемо сдержанной: оппозиционные каналы восприняли публикацию как очередную пропагандистскую манипуляцию, но в массовом сознании она не вызвала ни раздражения, ни резкого отторжения. Это дало сигнал, что её можно постепенно вводить в политическое поле – как «естественного» преемника, лишённого медийного и коррупционного багажа.

8.3. Еще раз: почему именно она?

Решение о потенциальной передаче власти Марии Воронцовой выглядит логичным в контексте внутренней логики режима Путина:

- параноидальное недоверие ко всем элитам – Путин не верит никому, кроме членов своей семьи. После 25 лет у власти он больше не видит в окружении никого, кому можно доверить страну.
- идея кровной легитимности – Воронцова представляет собой прямое биологическое продолжение лидера. В условиях авторитарной сакрализации власти именно родство становится наивысшей формой лояльности.
- уникальный публичный имидж – она позиционируется как внеполитическая фигура: «врач», «учёная», «женщина, посвятившая себя служению». Этот образ выгодно контрастирует с фигурами заезженных чиновников и дискредитированных силовиков.

- полная управляемость – у Воронцовой нет собственной политической команды, амбиций или харизмы, что делает её идеальным «контейнером» для сохранения системы с помощью кукловодов из старой гвардии.
- контроль над всей траекторией жизни – с детства Воронцова была окружена спецслужбами, обучалась и жила в условиях полной изоляции от внешнего мира. Все её социальные связи проверены, окружение – фильтровано. Она – продукт искусственного выращивания.
- символ мягкого перехода – женский, мирный, якобы гуманистический образ Воронцовой позволяет Кремлю предложить нарратив «обновления без катастрофы». Это должно нейтрализовать страхи элит и западных наблюдателей перед «вакуумом власти» и хаосом.

В глазах Путина Мария – не просто дочь. Это его биологический и символический двойник. Смена фамилии на «Воронцова» – не случайна: она создаёт иллюзию дистанции, но одновременно позволяет в нужный момент раскрыть родство как акт «преемственности по крови».

Её фигура идеально вписывается в концепт «вечной России» – страны без перемен, где даже трансфер власти превращается в ритуал семейной преемственности.

Кроме того, её кандидатура блокирует любые притязания со стороны представителей элит: силовики, губернаторы и чиновники не могут заявить о праве на власть, не будучи обвинёнными в измене «отцу нации». В этом смысле Воронцова – не альтернатива режиму, а его сакральное продолжение в женской оболочке.

8. Формирование династии: как будет происходить передача власти

Как мы уже сказали, российская политическая система при Владимире Путине утратила любые механизмы институциональной смены власти. В таких условиях любой транзит власти возможен только по неформальной, персоналистской логике, подкреплённой административным ресурсом, контролем над силовыми структурами и пропагандой.

Вариант назначения преемника из числа элит невозможен из-за недоверия. Возможность передачи власти по партийной или бюрократической линии исключена из-за отсутствия устойчивых институтов. Единственный оставшийся ресурс – династическая модель, где преемник получает легитимность от самого Путина как символической фигуры.

8.1. Механизмы и этапы наследственного транзита

Формирование династии не происходит одномоментно. Оно требует предварительной работы на нескольких уровнях:

8.1.1. Медийная подготовка: ввод фигуры в публичное пространство

С конца 2024 – начала 2025 года Кремль начал тестировать возможность мягкого вхождения Марии Воронцовой в публичное поле. Вбросы в контролируемых Telegram-каналах, статьи в лояльных медиа, истории о её «героизме без слов» – это метод социологического зондажа.

Цель – выявить чувствительность общества, реакцию элит, активность оппозиции.

Параллельно с этим начнётся создание визуального архетипа: врач, учёный, гуманист, женщина, не втянутая в политику, но глубоко патриотичная. Этот образ потенциально привлекателен для усталого и деморализованного общества: он не угрожает, не мобилизует, но и не позволяет думать о переменах.

8.1.2. Легализация присутствия: назначение на формальные должности

Следующим этапом в сценарии династического транзита станет институционализация фигуры Марии Воронцовой – её включение в официальную инфраструктуру власти. Этот процесс должен быть выстроен максимально осторожно, без риска компрометации ни самой Воронцовой, ни Владимира Путина.

Это не будет назначение на ключевые посты в исполнительной вертикали: участие в высоких должностях несёт слишком много репутационных рисков.

Во-первых, это моментально активизирует общественное восприятие «семейственности» и «непотизма» – именно тех ассоциаций, которых Путин избегал все годы своего правления.

Во-вторых, работа в структурах реального государственного управления в условиях нарастающего системного кризиса будет скорее минусом, чем плюсом: исполнительная власть сегодня токсична, и любой её представитель, кроме самого Путина, потенциально ответственен за все провалы власти и выступает в качестве разменной монеты. Воронцова не должна оказаться среди них.

В то же время, для династического сценария необходим публичный статус. Воронцова должна быть постепенно выведена в зону официальной видимости – как государственный и общественный деятель с легальной

биографией и «позитивным» послужным списком. Поэтому наиболее вероятными шагами станут назначения, не связанные напрямую с исполнительной властью, силовым или карательным блоком, но при этом дающие формальную легитимность.

Рассматриваются несколько возможных направлений:

- Государственная Дума – мандат депутата, с последующим занятием поста председателя профильного комитета, а затем – заместителя председателя Госдумы (курирующим здравоохранение, науку и демографию). Это создаёт образ «профессионала во власти» и закрепляет её в публичной институции без политической остроты.
- Совет Федерации – тот же карьерный трек, но с добавлением сценария «сенатора от региона», связанного с семейным родом Путиных (например, Санкт-Петербург). Эта должность позволяет сохранить имидж умеренности и дистанции от партийных игр и политической конкуренции.
- Общественная палата РФ – один из самых безопасных и символических вариантов. Должность председателя Палаты позволит выстроить её как «голос общества» – надпартийную, эмоционально окрашенную фигуру, не несущую ответственности за решения власти, но якобы влияющую на «гуманитарную» повестку.

Ключевая задача на этом этапе – сформировать образ Воронцовой как самостоятельного, но «чистого» государственного деятеля, чья репутация не запятнана репрессиями, пропагандой или бюрократическими провалами. Её будущий статус должен опираться не на фамилию, а на якобы личные заслуги и публичное признание. Только в этом случае к моменту возможного транзита её присутствие в политическом пространстве не будет воспринято как шок, а будет выглядеть как логичное и «естественное» развитие карьеры.

8.1.3. Создание преемственного нарратива

В информационной среде начнёт формироваться идея:
– «Путин не вечен, но дело его должно быть продолжено»,
– «Нам нужен лидер, которому доверяет Путин и на кого он указал».

Образ «передачи заветов» будет оформлен в идеологическую рамку – как преемственность курса, а не замена лидера.

Сам Путин, сохранит за собой символический статус «Лидер нации», по примеру КНДР.

8.1.4. Трансформация государственного устройства

Сценарий династического транзита будет происходить при жизни Путина – в управляемых условиях, с максимально жёстким контролем над процессом.

Главная цель такого транзита – не уход, а *инсценировка продолжения* власти в новом формате, способном стабилизировать систему в момент её наивысшей уязвимости. Это будет сделано с учётом двух задач:

1) сохранить внутренний баланс между элитными группировками и исключить их борьбу за власть, и 2) адаптировать внешнеполитическую риторику к новой реальности, в которой можно будет представить транзит как «естественную эволюцию» режима, а не как его крушение.

Для этого потребуется конституционная реформа – предельно прагматичная, лишённая пафоса, но глубоко структурная. В её рамках, например, может быть существенно усилена роль Совета Безопасности или Государственного Совета, одного из существующих «надстроечных» органов. Путин станет формальным главой этой новой инстанции, сохранив за собой полный контроль над исполнительной властью, силовым блоком, армией и внешнеполитическим курсом.

Такая реформа даст возможность оформить передачу президентских полномочий как технический процесс, не нарушающий сакральности «отца нации». Новый глава государства будет не преемником в политическом смысле, а исполнителем «воли наследия», носителем миссии, переданной лично.

Таким образом, транзит будет представлен не как перемена, а как закрепление стабильности в новых институциональных формах. Конституционная архитектура будет адаптирована под логику персональной власти, превращённой в «семейную» – с сохранением центра принятия решений в руках Путина даже после его ухода с формального поста.

8.1.5. Примерный сценарий поэтапной передачи

2025–2030 – этап создания широкой узнаваемости и «мягкая легализация»: продолжение медийного тестирования образа Марии Воронцовой в общественном сознании, участие в гуманитарных и просветительских проектах, расширение публичной активности под видом научной и благотворительной деятельности. Запуск институционального трека: назначение Воронцовой на формальные, но безопасные должности в сфере общественного представительства (Госдума, Совет Федерации, Общественная палата). Формирование образа «незапятнанного государственного деятеля».

2030–2032 – этап институционального закрепления: подготовка и проведение конституционной реформы, направленной на перераспределение властных функций в пользу органа, который Путин сможет возглавить в новой конфигурации.

2032–2033 – этап формализации транзита: переход Путина на вновь сконструированную позицию стратегического центра власти (Совбез, Госсовет и др.). Проведение управляемых президентских «выборов», на которых Воронцова побеждает в обстановке полной институциональной и медийной поддержки. Формальное оформление её как главы государства, при одновременном сохранении Путиным статуса национального лидера, гаранта преемственности и верховного арбитра.

9. Реакция элит, общества и внешнего мира на транзит власти

9.1. Реакция российских элит.

Передача власти Марии Воронцовой станет для элит не столько неожиданностью, сколько рациональным компромиссом. Несмотря на абсурдность сценария наследования власти в XXI веке, именно такой вариант будет восприниматься как наименее разрушительный для правящей корпорации.

Ключевые факторы.

9.1.1. Отсутствие альтернативных кандидатов

На сегодняшний день в окружении Владимира Путина нет ни одной фигуры, обладающей одновременно необходимой легитимностью, харизмой и устойчивым ресурсом поддержки, чтобы выдвинуться в качестве преемника. Политическое поле зачищено настолько тотально, что любая попытка самостоятельного позиционирования воспринимается не как проявление инициативы, а как вызов лично Путину.

В условиях персоналистской диктатуры любая независимая амбиция трактуется как измена. Даже намёк на готовность к политическому переходу превращается в акт нелояльности с потенциально фатальными последствиями. Именно поэтому никто из влиятельных фигур – ни в силовом, ни в административном, ни в технократическом блоке – не рискнёт претендовать на власть без санкции самого Путина. В лучшем случае такой шаг закончится политическим самоубийством. В худшем – физическим устранением.

Таким образом, отсутствие альтернативных кандидатов – не результат естественного отбора, а следствие сознательной зачистки пространства. Путин выстроил систему, в которой никто не может стать преемником по логике института – только по личной воле «лидера». Именно это делает сценарий династической передачи наиболее вероятным: не потому, что он рационален, а потому, что других возможностей просто не осталось.

9.1.2. Инстинкт приспособления

Как только в публичное или околополитическое пространство просочатся устойчивые сигналы о возможности династического транзита, в системе мгновенно сработает базовый инстинкт – инстинкт приспособления. В среде российских элит, лишённых автономии, идеологии и горизонтальных связей, выживает не тот, кто сопротивляется, а тот, кто первым распознаёт новые правила игры и своевременно демонстрирует лояльность, присягает.

С момента появления слухов о преемнице начнётся волна опережающей верности. Будут переформатированы медийные акценты, появятся «эксперты», обосновывающие целесообразность женского лидерства. Лоялисты начнут занимать места в предполагаемом будущем окружении преемницы, создавая видимость широкого и спонтанного одобрения. Запустится процесс формирования нового сакрального образа – не как политического лидера, а как продолжения Путина. Это будет новый культ личности, культ преемственности – наследственной, метафизической, династической.

По мере естественного ослабления и последующего ухода Путина начнётся переконфигурация каналов влияния, перераспределение доступа к телу, формирование новых неформальных центров. Старые группы влияния постараются встроиться в эту конструкцию, присягнув «дочери» с тем же ритуализмом, с каким ранее присягали «отцу». Это будет не борьба за власть, а борьба за место в её новой архитектуре. И, как всегда в подобных режимах, победят не самые сильные, а самые гибкие.

9.2. Реакция российского общества

Реакция российского общества на сценарий династической передачи власти будет определяться не уровнем протестной готовности, а степенью деполитизации, эмоционального истощения и адаптации к авторитарной реальности. К началу 2030-х годов общественное состояние будет характеризоваться хронической усталостью от многолетней турбулентности, войны, репрессий и страха перед будущим.

Основные социально-психологические характеристики этого состояния:

- глубокая адаптация к авторитарной норме как «естественному порядку вещей»;
- сильная материальная зависимость от государства (пенсии, субсидии, госслужба и ВПК как основной источник дохода для миллионов);
- тотальная эрозия каналов политического участия, выжженное поле медиа, институтов и диалога;
- отсутствие опыта организованного коллективного действия, разрушенного десятилетиями репрессий и пропаганды.

На этом фоне фигура Марии Воронцовой – женщины, врача, «патриотки» без прямого участия в насилии – будет восприниматься не как узурпатор или олицетворение режима, а как нечто политически нейтральное. Общество, истощённое и разуверившееся в возможности перемен, скорее отреагирует на её выдвижение с равнодушием, апатией или даже с мягким любопытством, чем с протестом. Её дистанция от карательной системы и отсутствие ассоциаций с пропагандой и войной сыграют ключевую роль: Воронцова будет подана как «новое лицо» режима – якобы гуманное, внеидеологичное, «без груза крови».

В этих условиях массовое сопротивление практически исключено. Либеральная оппозиция – маргинализирована, подавлена, загнана в эмиграцию – уничтожена в прямом или переносном смысле этого слова. Радикальные группы – изолированы или интегрированы в управляемые конструкции.

Общественная реакция сведётся к дальнейшему уходу в частное, к стратегической апатии и внутренней эмиграции. Доминирующей формой будет не протест, а отстранение – молчаливое принятие очередного акта имитации, за которым всё меньше людей будут искать подлинную политику.

9.3. Реакция международного сообщества.

На внешнем контуре реакция на династический транзит будет амбивалентной. Формально западные правительства, международные организации и правозащитные структуры сохранят скепсис и сдержанную риторику, подчёркивая нелегитимность передачи власти по наследственному признаку. Однако в практической политике не исключён постепенный сдвиг – от принципиального неприятия к прагматическому «тестированию» нового лица.

Сценарий уже знаком:

- проверка на готовность к переговорам;
- использование «мягкого образа» Воронцовой для возобновления замороженных дипломатических каналов;
- поиск лазеек для нормализации отношений, особенно если новая фигура будет сопровождаться символическими жестами – осторожной риторикой, показной открытостью, «косметической» либерализацией.

При наличии минимальных признаков гибкости или смены тона, западные столицы могут рассматривать Воронцову как «окно возможностей» – пусть и ограниченное, но всё же позволяющее уйти от конфронтации и перейти к формату «переходного режима». Это может привести к фактической легитимации династического транзита – не через признание, а

через деловую коммуникацию, визиты, соглашения и участие в международных форматах.

Такой курс чреват серьёзными последствиями:

- смыванием персональной ответственности Владимира Путина и его окружения за военные преступления и преступления против человечности;
- размыванием повестки справедливости, в которой принципы будут вытеснены дипломатическими удобствами;
- укреплением автократии в новом обличье, где диктатура не демонтируется, а «обновляется» под внешние ожидания.

Режим, выдавший преемницу за «новое поколение» и «женское лицо перемен», будет стремиться использовать международный соблазн к нормализации в собственных интересах. Парадоксальным образом именно мягкость и дистанция Воронцовой от военной риторики могут стать инструментом её признания – при том, что сама она будет не субъектом, а продолжением власти Путина, просто в иной упаковке.

10. Заключение.

Сценарий династической передачи власти в постпутинской России – не просто один из возможных путей развития, а выражение логики режима, выстроенного на страхе, подозрении и культуре личного контроля.

Северокорейская модель – с её герметичной автократией, перманентной мобилизацией и сакрализацией власти – становится в этом контексте не гипотезой, а политической проекцией внутреннего мира самого Владимира Путина. Он не верит ни в институты, ни в элиты, ни в общество.

В этом сценарии передача власти Марии Воронцовой – это будет попытка забетонировать режим, продлить его биологически, имитировать стабильность в условиях необратимой деградации.

Путин уже не скрывает, куда ведёт Россию. И если сценарий наследной диктатуры будет реализован, то на политической карте мира появится ещё одна Северная Корея. Только с ядерным оружием, фашистской идеологией и имперским бредом.

Часть четвертая

От анализа к действию: стратегия сопротивления и перехода

Аналитический раздел: состояние, структура и проблемы антипутинского сопротивления

1. Введение

В предыдущих частях доклада мы рассмотрели три ключевых сценария падения путинского режима:

- 1) Военное поражение и дезинтеграция России – наиболее вероятный вариант, при котором режим теряет власть в результате военного поражения, распада государства и внешне управляемого посткризисного перехода.
- 2) Сценарий внезапной смерти Путина – при котором его окружение пытается сохранить контроль над системой и избежать ответственности через прекращение войны, устранение её последствий, нормализацию международных отношений и имитацию демократизации.
- 3) Северокорейский сценарий – при котором война становится постоянным фоном существования, страна превращается в закрытую мобилизационную диктатуру, а власть передаётся дочери Путина Марии Воронцовой.

Эти сценарии описывают возможные траектории крушения режима, но во всех трёх случаях инициатором перемен, как правило, выступают либо внутрисистемные элиты, либо внешние факторы. Российская оппозиция на данном этапе объективно не является самостоятельным триггером начала трансформации. Однако в любой из описанных конфигураций она может оказаться востребованной в дальнейшем – как кадровый, институциональный, экспертный или политический ресурс.

Именно поэтому необходим отдельный анализ текущего состояния антипутинского сопротивления: его структуры, направлений деятельности, потенциала, конфликтов и международных позиций. Без понимания

внутренней конфигурации оппозиционного пространства невозможно оценить его роль в постпутинском переходе и перспективы политического участия в будущем устройстве России, а также выработать рекомендации для усиления роли российской оппозиции в период транзита власти и её трансформации в полноценное антипутинское сопротивление как значимого субъекта российской политики.

1.1. Оппозиция как неизбежный, но не центральный фактор

Антипутинская оппозиция за 25 лет правления Путина почти потеряла влияние на жизнь страны, пережила репрессии, маргинализацию, эмиграцию и внутренние расколы. Она была лишена легальных форм участия в политике и вытеснена из легального медиа-поля.

Тем не менее, её роль не исчезла. Оппозиция выполняет три критически важных функции:

- Носитель альтернативного языка – в условиях системной лжи именно оппозиционные политики, медиа и активисты сохраняют привилегию говорить правду;
- Хранитель институциональной памяти – в ситуации демонтажа государственности именно независимые группы сохраняют практики гражданского действия, организованности, инициативы;
- Площадка для сценарного моделирования будущего – оппозиция предлагает возможные формы устройства постпутинской России, формируя конкурирующие концепции, институты и персоналии.

Даже если она не может сегодня повлиять на начало трансформации, она будет влиять на её качество и вектор.

1.2. Цель раздела

Цель настоящего раздела – не дать политическую или этическую оценку тем или иным фигурам или проектам, а провести аналитическую инвентаризацию форм сопротивления, существующих сегодня. Мы попытаемся понять:

- Кто и как борется с режимом – в политике, на фронте, в регионах, в правозащите и на международной арене;
- Какие инициативы сохраняют субъектность и ресурсы;
- Каковы основные конфликты и препятствия для консолидации усилий;
- Какие формы сопротивления оказываются наиболее жизнеспособными и эффективными в условиях войны, диктатуры, эмиграции и репрессий;

- И какие стратегии могут позволить этому сопротивлению сыграть конструктивную роль в пострежимной России.

Также мы поднимем вопрос об ответственности международного сообщества:

- какую реальную помощь может и должна оказывать демократическая коалиция,
- и как избежать ситуации, в которой поддержку получают неэффективные или формально легитимные игроки, а не те, кто реально работает с обществом и сопротивляется диктатуре.

По итогам анализа мы предложим набор стратегических рекомендаций – не отдельным группам, а по пяти ключевым направлениям сопротивления:

1. политическому,
2. информационному,
3. военному,
4. регионалистскому
5. и международному.

Речь пойдёт о том, что именно в этих сферах требует усиления, институционализации, поддержки и переосмысления – чтобы антипутинское сопротивление стало не только моральным жестом, но и реальной политической силой.

1.3. Почему это важно

Мы не питаем иллюзий: ни одно сопротивление не способно победить диктатуру в одиночку, без кризиса внутри самой системы, военного поражения или международного давления. Но и без сопротивления пострежимная трансформация либо не состоится вовсе, либо будет реализована без участия общества – по логике элитного переворота, силовой стабилизации или внешней оккупации.

Поэтому говорить о сопротивлении – значит говорить о будущем. Не как о мечте, а как о политической возможности. Возможности, которая зависит от того, что делают и не делают конкретные люди – уже сегодня.

2. Современная российская оппозиция: структура, ресурсы, тенденции

2.1. Общая характеристика: в изгнании и в изоляции

Современная российская оппозиция – это, по сути, двойная структура, расколота географией и условиями существования:

- С одной стороны – внутренняя оппозиция, состоящая из отдельных активистов, политзаключённых и правозащитников, которые остались в России, но не имеют возможности вести открытую деятельность из-за риска ареста, насилия и полной правовой изоляции.
- С другой стороны – эмигрантская оппозиция, основная часть которой была вынуждена покинуть страну после начала полномасштабной войны в 2022 году и живёт в условиях частичной свободы, но с утратой прямого доступа к российской аудитории, политической инфраструктуре и легальным механизмам влияния.

Большинство действующих политиков, журналистов, аналитиков и правозащитников оказались в изгнании. Некоторые из них уехали ещё в 2014–2020 годах, многие – после февраля 2022 года. В первые месяцы эмиграции наблюдался всплеск активности: создавались новые инициативы, запускались проекты, формировались сообщества. Были релоцированы независимые медиа, правозащитные организации, IT-платформы, коллективы аналитиков и координаторов кампаний. Появились десятки новых каналов в Telegram и YouTube, новые паблики, независимые структуры.

Однако уже к середине 2023 года стало очевидно: начальный подъём сменился спадом. Политическая активность снизилась, часть инициатив прекратила работу или перешла в спящий режим.

2.2. Причины спада активности

Основные причины снижения активности эмигрантской оппозиции – структурные:

- Бытовая неустроенность. Большинство активистов оказались в эмиграции без статуса, с трудностями в поиске жилья, дохода, без знания языка. Это подорвало возможности для продолжения политической деятельности.
- Отсутствие устойчивых источников финансирования. Программы грантов западных фондов оказались недоступны для большинства инициатив. Причины:
 - необходимость юридически оформленных организаций с историей, отчётностью и рекомендациями;
 - ориентация фондов на «безопасные» проекты (образование, исследования, архивирование), не предполагающие политического воздействия;

- приоритет ранее встроенных в западную систему структур.

В результате до 90% новых инициатив остались без внешней поддержки, а значит – без возможности профессионального функционирования. Исключения составляют единичные случаи — проекты, связанные с крупными фигурами, имеющими репутационный капитал и доступ к институциональным каналам на Западе.

2.3. Последствия: отток, фрагментация, выгорание

На фоне нехватки ресурсов и отсутствия координации:

- большинство эмигрантов перешли в режим личного выживания;
- активизм стал второстепенным занятием, доступным лишь для тех, кто имеет стабильный доход или спонсора;
- добровольные пожертвования (donate-модель) почти прекратились – в условиях бедности и неопределённости люди не готовы финансировать даже символические структуры;
- усилилась фрагментация и конкуренция: за внимание медиа, за гранты, за репутацию, за западную аудиторию.

Фактически сложился парадокс: сообщество антипутинских россиян в изгнании – многочисленно, но только малая часть из него сохраняет политическую субъектность. Остальные либо растворились в эмигрантском ландшафте, либо полностью ушли в частную жизнь.

3. Ключевые центры антипутинской оппозиции

3.1. Военное сопротивление

3.1.1. Общая характеристика

Военное сопротивление путинскому режиму представляет собой наиболее радикальную форму борьбы, требующую максимальной личной вовлечённости и готовности к жертвам. Оно выражается в участии российских граждан в вооружённых подразделениях, сражающихся на стороне Украины против российской армии. Эти формирования не только ведут боевые действия, но и символизируют наличие в России граждан, готовых не на словах, а на деле активно противостоять путинской диктатуре.

Военные добровольцы играют уникальную роль в структуре сопротивления. Эти подразделения демонстрируют субъектность граждан России, готовых участвовать в будущем своей страны не как подданных, а как освободителей.

3.1.2. Основные формирования

- 1) Русский Добровольческий Корпус (РДК)

Подразделение добровольцев из России, также входит в состав Интернационального легиона Вооруженных Сил Украины. Основан в 2022 году, состоит преимущественно из граждан России с ультраправыми, но антипутинскими взглядами. РДК провёл несколько рейдов на территорию России (в Брянскую, Белгородскую, Курскую области), став первой структурой, физически перенёвшей сопротивление на российскую территорию.

Основными военно-политическими целями РДК являются:

- Защита и восстановление территориальной целостности Украины в границах 1991 года;

- Свержение правящего в Российской Федерации режима;

По достижению основных целей, РДК поддерживает и призывает к:

- Организации международного трибунала в отношении всех лиц, причастных к развязыванию, ведению и поддержке агрессивной войны против Украины;

- Отказу РФ от территорий, фактически аннексированных в ходе агрессивных войн;

- Полному реформированию государственной системы Российской Федерации;

- Гарантированию национальной свободы русского народа;

- Признанию и соблюдению права народов, проживающих на территории Российской Федерации, на самоопределение.

Бойцы РДК придерживаются право-консервативных политических взглядов и традиционалистских убеждений.

2) Легион «Свобода России»

Подразделение добровольцев из России, также входит в состав Интернационального легиона территориальной обороны Украины. Основан в марте 2022 года. Позиционирует себя как будущая армия новой России, открыто выступает против режима Путина и за построение демократического государства.

Также, как и РДК, Легион «Свобода России» участвовал в рейдах в Белгородскую и Курскую области.

В «манифесте» легиона говорится о необходимости борьбы против Владимира Путина, установившего диктатуру, «уничтожившего не только нашу экономику, благосостояние народа, но и возможность развиваться и

иметь право на счастливое будущее» и «убивающего свободных русских» и «тысячи гражданских и сотни детей на Украине», что легион борется против «ущемления демократических ценностей, тотальной коррупции, ущемления прав человека» и «несёт ценности Свободного человека Новой России – свободу слова, свободу волеизъявления, свободу выбрать своё будущее».

3) Сибирский батальон

Подразделение добровольцев из России, также входит в состав Интернационального легиона территориальной обороны Украины. Формируется из представителей коренных народов Сибири, Поволжья и Урала. Создан в октябре 2023 года.

Также, как и РДК, Легион «Свобода России» участвовал в рейдах в Белгородскую и Курскую области.

От других подразделений российских добровольцев Сибирский батальон отличает антиколониальный дискурс. Так, входящие в батальон этнические татары, якуты и буряты и представители других народов, заявляют, что намерены бороться за "самоопределение народов России" и добиться независимости от Москвы, а победу Украины в войне рассматривают как шаг к этой цели.

Существуют и другие небольшие подразделения и инициативы, однако все они сталкиваются с единым набором проблем: низкая численность, сложности с набором, ограниченный доступ к ресурсам и строгая проверка со стороны украинских структур.

3.1.3. Проблемы и ограничения

- Численность: по различным оценкам, численность антипутинских вооружённых формирований (в первую очередь – РДК и Легиона «Свобода России») составляет около 3 000 бойцов. Несмотря на это, их доля по сравнению с общей численностью Вооружённых сил Украины (около 880 000 военнослужащих на начало 2025 года) остаётся крайне небольшой – примерно 0,34%. Это подчёркивает символическое, а не стратегическое значение этих сил в масштабах войны, но не умаляет их политической и моральной значимости.
- Очень сложная система отбора: абсолютное большинство обратившихся россиян не может попасть в подразделения из-за строгих фильтров безопасности.
- Ограничения со стороны Украины: в силу политических, юридических и военных причин украинское командование не готово

массово вооружать граждан России, особенно для операций на российской территории.

- Отказ от создания плацдарма: решение не задействовать российских добровольцев в масштабной и успешной операции на территории Курской области в 2024 году фактически лишило российское вооруженное сопротивление возможности институционализироваться и создать символическую территорию освобождения, как это делала, например, Турция в Сирии (Идлиб).

3.1.4. Политическое значение

Хотя масштабы вооруженного сопротивления остаются ограниченными, его значение выходит далеко за рамки численности. Оно выполняет сразу несколько важных политических и символических функций:

- демонстрирует, что среди граждан России существует самостоятельный антипутинский субъект;
- подрывает кремлёвский миф о монолитном единстве народа и армии;
- служит точкой притяжения и организационного оформления для наиболее решительно настроенной части оппозиции;
- формирует представление о будущей России не как о продолжательнице имперских и милитаристских традиций, а как о государстве, строящем свою идентичность на осознании трагедии войны и сопротивлении агрессии.

3.1.5. Заключение

Вооруженное сопротивление – самая рискованная и яркая форма борьбы с режимом. Его численность пока ограничена, а политический потенциал — не реализован в полной мере. Но само его существование показывает: антипутинское сопротивление — это не только слова, петиции и митинги. Это оружие в руках тех, кто осознанно делает выбор в пользу свободы и новой России.

Поддержка этих формирований, их политическая легитимация и включение в стратегию сопротивления – важнейший и необходимый шаг для всей российской оппозиции и международного сообщества.

3.2. Команда Навального (ФБК)

Фонд борьбы с коррупцией (ФБК), объединяющий команду Алексея Навального, остаётся наиболее влиятельным, структурированным и институционально зрелым центром российской оппозиции. После отравления, заключения, а затем гибели Навального в феврале 2024 года,

команда сумела сохранить целостность, расширить международное влияние и удержать статус символического ядра сопротивления путинскому режиму. Ни одна другая оппозиционная структура не обладает сопоставимой комбинацией организационного ресурса, репутации, медийной инфраструктуры и политической субъектности.

3.2.1. Основные направления деятельности ФБК в 2024 году

1) Антикоррупционные расследования

ФБК продолжает выпускать системные расследования, нацеленные на разоблачение коррупционных связей в верхах режима. В 2024 году опубликованы материалы об отдельных региональных чиновниках, о репрессиях в силовом блоке, а также специальные выпуски, посвящённые фальсификациям выборов и структурам, ответственным за репрессии. В марте 2024 года команда провела расследование, позволившее польским властям задержать предполагаемого организатора нападения на Леонида Волкова. В июне 2025 года ФБК опубликовал расследование о зарубежной недвижимости и других активах родственников главы корпорации "Вертолёт России", входящей в структуру "Ростеха", Николая Колесова.

2) Международная адвокация и санкционная политика

ФБК играет важную роль в международной делигитимации путинского режима. В феврале 2024 года, после смерти Алексея Навального, организация инициировала принятие резолюции Европарламента, признавшей российские власти ответственными за его гибель. ФБК продолжает составление и продвижение персональных санкционных списков (в том числе «списка 6 февраля»), участвует в работе с парламентами и правозащитными структурами ЕС, США, Канады и Великобритании. Представители ФБК регулярно выступают на международных форумах, парламентских слушаниях и в структурах ООН.

3) Правовая и юридическая работа

Юридическая команда ФБК продолжает сопровождать кейсы политзаключённых, ведёт работу по международным правовым направлениям, в том числе:

- подготовка жалоб в ЕСПЧ (по делам о пытках, репрессиях, незаконном лишении свободы);
- участие в процессах по делу Magnitsky Act;
- сотрудничество с международными правозащитными организациями (Amnesty International, Human Rights Watch, UN Human Rights Council);

- правовой анализ санкционного механизма и международного преследования преступлений путинского режима.

4) Поддержка политзаключённых

ФБК координирует крупнейшие инициативы по поддержке репрессированных: кампания «Он не один», мемориальная кампания в память о Навальном, программа «Письма», публикации историй узников, сборы помощи для семей заключённых. Юлия Навальная лично курирует часть гуманитарных и адвокационных программ, продолжая линию персонализированной поддержки жертв режима.

5) Исследовательская и аналитическая работа

ФБК регулярно публикует собственные социологические опросы (совместно с «Хорошим опросом» и другими независимыми структурами), отслеживая изменения общественного мнения внутри России. В 2024 году опубликованы данные об отношении к Путину, выборам, войне и репрессиям. Кроме того, команда выпускает аналитические обзоры по санкционной политике, международной правовой практике и стратегии давления на режим.

6) Медиаплатформа и информационные кампании

ФБК создал и развивает одну из самых мощных сетей независимого медиаприсутствия:

YouTube-каналы:

- *Навальный LIVE* – более 3,5 млн подписчиков. Прямые эфиры, интервью, расследования, мобилизационные кампании;
- *Популярная политика* – 2,9 млн. Ежедневные новостные стримы, аналитика, синхроны, взаимодействие с региональными активистами.

В других социальных сетях созданы и работают сеть пабликов в Telegram; Instagram; TikTok; X (Twitter); Facebook и Threads.

Кроме того, 4 июня 2025 года начал свое вещание спутниковый канал «Россия будущего». На нем будут транслироваться передачи, которые выходят на каналах ФБК — «Навальный LIVE» и «Популярная политика».

7) Региональная инфраструктура

ФБК – единственный центр российской оппозиции, обладающий разветвлённой сетью региональных активистов и медиаресурсов, сохранившихся от сети штабов Навального, созданной во второй половине

2010-х годов. Несмотря на ликвидацию юридических структур внутри России, эти штабы продолжают работу в полуподпольном или эмигрантском формате. У них:

- есть работающие региональные сайты, Telegram-каналы и базы данных протестнонастроенных граждан;
- сохранились каналы финансирования и взаимодействия;
- наработана экспертиза в работе с населением;
- устоявшаяся стратегия: освещение местной повестки, критика местной власти, разоблачения.

Многие координаторы и активисты штабов прошли обучение в западных политтехнологических школах и используют современные инструменты политического менеджмента. Эти региональные ячейки – единственная инфраструктура, способная оперативно масштабировать кампанию в случае проведения свободных выборов в России. У ФБК уже есть готовая кадровая и медийная база для превращения в полноценную политическую силу.

8) Роль Юлии Навальной

После гибели Алексея Навального Юлия Навальная стала публичным лицом ФБК, сохранив команду, ресурсы и политическую легитимность. В марте 2024 года она инициировала проведение международной конференции о будущем России, где собрались представители диаспоры, западных правительств, политиков и правозащитников. Её публичная позиция – не замещать, а продолжать дело Навального – обеспечивает фонд моральной преемственностью, международной поддержкой и устойчивостью. Она регулярно представляет ФБК на внешнеполитическом уровне, в том числе в Европарламенте, Сенате США, ООН и других структурах.

9) Финансовая структура

ФБК продолжает функционировать в условиях дефицита и нестабильности бюджета, несмотря на усилия по диверсификации источников финансирования и рост доходов в 2024 году. Согласно опубликованным данным:

- Общий доход фонда в 2024 году составил \$6,260,000.
- Структура поступлений распределена следующим образом:
 - 33% – институциональные доноры;
 - 30% – краудфандинг от частных лиц;

- 29% – крупные индивидуальные доноры;
- 8% – монетизация медиаплатформ, в основном YouTube.

Таким образом, около 60% бюджета по-прежнему формируется за счёт индивидуальных пожертвований, что подчёркивает важность краудфандинговой модели, но и уязвимость перед колебаниями донорского интереса и политическим давлением.

Основные статьи расходов в 2024 году:

- Фонд оплаты труда: \$3,881,200 (62% бюджета). Эти средства включают зарплаты сотрудникам, занятым в производстве медиаконтента, юридической и аналитической работе, координации региональных проектов и международной адвокации.
- Организация мероприятий и командировки: \$438,000 (7%). Эти расходы отражают международную активность фонда, включая участие в конференциях, адвокатские туры и внутренние стратегические сессии.
- Аренда офисов и техническое обслуживание: \$375,600 (6%). ФБК содержит несколько рабочих площадок в ЕС и инфраструктуру для удалённой работы команды.
- Поддержка политзаключённых и оплата штрафов: \$313,000 (5%). Эта статья включает помощь семьям репрессированных, выплаты по решениям российских судов и экстренную юридическую поддержку.

Также фонд продолжает использовать средства, полученные через европейское юридическое лицо (*Posterum*), которое за 2022–2023 годы получило 8,9 млн евро, включая 4,5 млн в 2023 году. Эти ресурсы направляются на техническую и коммуникационную инфраструктуру в ЕС, а также на гуманитарные программы.

Коммерческая деятельность ФБК остаётся незначительным источником средств. За два года фонд заработал около 600 тыс. евро на продаже мерча и сопутствующих товаров, однако эти средства полностью ушли на покрытие себестоимости, доставки и платформенных расходов – прибыли не было.

3.2.2. Критические замечания и ограничения стратегии ФБК

ФБК остаётся крупнейшей и наиболее структурированной оппозиционной организацией, обладающей самой сильной политической, информационной, юридической и кадровой инфраструктурой.

Но несмотря на очевидную значимость ФБК как крупнейшей и наиболее системной оппозиционной структуры, на протяжении последних лет – особенно в 2024 году – деятельность фонда подвергалась критике со стороны части экспертного сообщества, гражданских активистов и независимых наблюдателей. Ниже представлены ключевые стратегические и организационные ограничения, которые фиксируются как уязвимости в текущей модели работы фонда.

1) Ошибочная тактика во время президентских «выборов» 2024 года

Одним из наиболее острых эпизодов стал подход ФБК к президентским выборам 2024 года. Вместо мобилизации на бойкот, разоблачение механизма легитимации или организацию протестной активности, ФБК выступил с кампанией «Полдень против Путина» – призывом к гражданам идти на участки и голосовать за одного из кандидатов, предложенных Путиным.

Ни один из этих кандидатов не был оппозиционным, не осуждал Путина и не выступал против войны. Кампания сопровождалась нелепым призывом выбирать кандидата с помощью «фотонной пушки».

На практике итогом стало вовлечение части протестной аудитории в имитации выборной процедуры и способствовало ее легитимации.

В момент, когда режим был уязвим, а общество – деморализовано, крупнейшая оппозиционная структура, обладающая миллионами подписчиков и тысячами активистов, не использовала даже десятой части своего потенциала.

Дополнительное разочарование вызвал тот факт, что в разгар президентских псевдовыборов ФБК сосредоточил часть ресурсов на внутренней оппозиционной полемике, выпустив фильм «Предатели», критически пересматривающий события 1990-х и фактически содержащий обвинения в адрес Михаила Ходорковского. В глазах многих наблюдателей это выглядело как уход от реальной политической борьбы в пользу междоусобных конфликтов с другим оппозиционным центром.

2) Централизованная и иерархическая структура, закрытость процессов

Несмотря на публичный имидж оппозиционной демократической сети, ФБК по своей внутренней архитектуре остаётся жёстко централизованной вертикально подчинённой структурой, с минимальным уровнем горизонтального взаимодействия.

Несмотря на регулярную публичную отчётность, стратегические решения (включая кампанию по выборам, контентные приоритеты, международные инициативы) принимаются без открытого обсуждения с

экспертным и гражданским сообществом. Решения принимаются узким кругом руководителей, внутренняя дискуссия ограничена или полностью исключена, а попытки общественного влияния или предложения как правило блокируются.

Отсутствие формализованных каналов обратной связи затрудняет вовлечение новых акторов и ограничивает институциональное развитие ФБК.

3) Ограниченность политической повестки и осторожность в формулировках

После начала полномасштабной войны ФБК занял чёткую антивоенную позицию, но избегает прямой поддержки вооружённого сопротивления, не высказывается в поддержку партизанских действий внутри России и сдержан в формулировках в адрес радикальных антипутинских сил. В результате часть активной диаспоры и гражданского общества воспринимает фонд как структуру, не готовую к реальному действию, а сконцентрированную на имитации сопротивления.

Это ограничивает возможности для широкой коалиции, отталкивает более некоторые сегменты оппозиции и снижает способность к мобилизации в кризисных ситуациях.

3.2.3. Вывод

Критика ФБК не отменяет его центральной роли в российском сопротивлении. Однако, как и любой политической структуры с устойчивой иерархией, ФБК необходимо пересматривать методы, открываться для внешних инициатив и гибко реагировать на вызовы времени.

Стратегические ошибки, такие как кампания по участию в псевдовыборах, централизованность управления и недостаток транспарентности – всё это требует осмысления и коррекции. В условиях нарастающего давления и возможной дестабилизации режима общество вправе ожидать от наиболее ресурсной оппозиционной силы не только символического лидерства, но и стратегической зрелости.

3.3. Команда Ходорковского/Невзлина

3.3.1. Общая характеристика

Команда Михаила Ходорковского и Леонида Невзлина представляет собой вторую по значимости после Фонда борьбы с коррупцией оппозиционную платформу в изгнании, обладающую мощным медийным ресурсом, международными связями, институциональной инфраструктурой и амбициозной внешнеполитической стратегией. Её особенности – относительная автономия от краудфандинга, ориентация на западные

правительства и формирование имиджа единого представительства антивоенной эмиграции.

В отличие от ФБК, опирающегося на антикоррупционную повестку, структура Ходорковского/Невзлина ориентирована на внешнеполитическое влияние и международные элиты. С 2022 года команда выстраивает разветвлённую сеть инициатив, в том числе Антивоенный комитет России, Европейский центр анализа и стратегий (CASE), проект «Ковчег», исследовательские и медиаресурсы.

3.3.2. Антивоенный комитет России

Учреждённый 27 февраля 2022 года, Антивоенный комитет России (АКР) стал символическим и организационным ядром альянса Ходорковского/Невзлина. В отличие от закрытого от посторонних ФБК Комитет позиционируется как открытая координационная сеть, включающая политиков, общественных деятелей, предпринимателей, интеллектуалов и активистов, выступающих против режима Владимира Путина и войны в Украине.

1) Персональный состав:

Михаил Ходорковский, Дмитрий и Геннадий Гудковы, Екатерина Шульман, Юлия Латынина, Виктор Шендерович, Елена Лукьянова, Артур Смольянинов, Евгений Киселёв, Михаил Козырев, Марат Гельман, Анастасия Шевченко, Константин Чумаков, Евгений Чичваркин, Сергей Алексащенко, Михаил Касьянов и другие.

2) Ассоциированные организации:

АКР тесно сотрудничает с десятками диаспоральных инициатив и объединений «свободных россиян» в Европе и Северной Америке. Среди них:

- La Asociación de Rusos Libres (Испания)
- Russian Democratic Society (Лондон),
- Russie-Libertés (Франция),
- Russian America for Democracy in Russia (США),
- Демократическое сообщество русскоязычных в Финляндии,
- Freies Russland NRW (Германия),
- Russi contro la guerra (Италия),
- Associação de russos livres (Португалия),

- Центр «Образ будущего» и др.

Эти объединения координируются через форумы и кампании АКР, включая проект «Ковчег» (гуманитарная помощь и логистика), «Консулы» (юридическая защита), «Рассвет» (помощь Украине) и инициативу «Комитет действия».

3) Стратегия международной монополизации

Команда Ходорковского/Невзлина последовательно выстраивает модель институциональной монополии на представительство российской эмиграции на международной арене. Это выражается в следующих действиях:

- Интеграция ключевых ассоциаций россиян за рубежом под зонтичную координацию Антивоенного комитета.
- Привлечение в свою эко-систему наиболее известных политиков и селебрити-оппозиционеров (Дмитрий и Геннадий Гудковы, Евгений Киселёв, Максим Кац, Екатерина Шульман), формируя образ «большой антипутинской коалиции».
- Организация международных мероприятий с участием западных политиков, включая Сергея Лагодинского (Европарламент, Германия) и Эрика-Нилеса Кросса (Эстония), – создавая тем самым канал прямой легитимации.
- Формирование у западных структур убеждения, что именно эта группа говорит от имени «всей» антивоенной эмиграции.

3.3.3. Возможный юридико-финансовый мотив

Создается впечатление, что эта стратегия репрезентационной монополии важна не только с точки зрения политического влияния, но и как рычаг давления в деле о компенсации бывшим акционерам ЮКОСа. Международный арбитраж присудил им сумму в размере более \$50 миллиардов, и вопрос о том, кто будет признан легитимным представителем постпутинской России, напрямую связан с перспективой получения этих средств (пока существует путинский режим эти средства получить невозможно). Таким образом, возможно, что стремление к контролю над институциональной оболочкой оппозиции – это не только борьба за влияние, но и за активы.

3.3.4. Медийная структура

Команда Ходорковского/Невзлина обладает одной из наиболее мощных и профессионально выстроенных медиасетей:

- YouTube-канал «Ходорковский LIVE» – около 3 млн подписчиков, ежедневно выходят эфиры, аналитика, интервью, выступления Ходорковского и его союзников.
- YouTube-канал «Михаил Ходорковский» – 1,4 млн подписчиков, личный канал Михаила Ходорковского.
- Центр «Досье» – профессиональные расследования связей российского режима, спецслужб, коррупционных схем. Используется западными медиа и политиками.
- Телеграм-каналы:
 - «Можем объяснить» – около 466 тыс. подписчиков, новости, аналитика, разоблачения;
 - «ЧТД» – около 460 тыс., политический дайджест и «инсайды»;
 - SOTA – 115 тыс. подписчиков, новостной канал;
 - Михаил Ходорковский – 185 тыс. подписчиков;
 - Леонид Невзлин – 55 тыс. подписчиков.

Медийная стратегия акцентирует умеренность, внятность, профессиональный тон, что делает её более приемлемой для западной аудитории и среднестатистического «либерального эмигранта».

3.3.5. Проекты

- CASE (Европейский центр анализа и стратегий) – под руководством Дмитрия Гудкова. Занимается подготовкой докладов, стратегий, опросов. Фокус: санкции, эмиграция, реформы.
- Проект «Ковчег» – крупнейшая гуманитарная инициатива для новых эмигрантов. Предоставляет логистику, юридическую помощь, жильё, консультации.
- Программы «Консулы» – правовая защита антивоенных россиян;
- «Энергия для жизни» – сбор средств для школ и больниц Украины.

3.3.6. Роль Невзлина и украинский вектор

Леонид Невзлин выстраивает параллельный, менее формализованный, но не менее важный канал влияния – через непосредственные связи с отдельными представителями украинского руководства и силовых структур. Также известно о фактах материальной поддержке Невзлиным РДК.

Таким образом, у Невзлина формируется более радикальный и военизированный вектор влияния – в отличие от осторожной и дипломатической линии Ходорковского, что можно расценивать как некую диверсификацию в рамках общей цели команды.

3.3.7. Конфликт с ФБК

В сентябре 2024 года команда Навального (ФБК) опубликовала расследование, в котором прямо обвинила Леонида Невзлина в организации нападения на Леонида Волкова. В расследовании фигурировали электронные переписки, косвенно указывающие на координацию атаки со стороны людей, связанных с медиапроектами, финансируемыми Невзлиным. Невзлин назвал обвинения абсурдными, обвинив ФБК в провокации и дезинформации. Этот и предыдущие конфликты между ФБК и Командой Ходорковского/Невзлина стали одним из самых острых кризисов в эмигрантской оппозиции, выявив взаимное недоверие и личную неприязнь между двумя крупнейшими центрами оппозиции.

3.3.8. Критика и ограничения стратегии Команды Ходорковского/Невзлина

Несмотря на масштабность инфраструктуры и амбициозную международную активность, Команда Ходорковского/Невзлина демонстрирует целый ряд системных ограничений, снижающих его эффективность как центра сопротивления путинизму.

1) Отсутствие содержательной повестки и стратегии борьбы

На фоне затяжной войны и углубления репрессий в России, структура, претендующая на лидерство, не предложила ни внятной стратегии сопротивления режиму, ни содержательной повестки трансформации страны. Большинство резолюций, опубликованных Антивоенным комитетом, носят декларативный характер и не включают механизмов политического действия. Обсуждения сводятся к общим призывам, без какой-либо конкретики, институционального дизайна, сценарного моделирования или оперативной политической работы.

2) Номинальный характер инициатив

Большая часть проектов в действительности имеют ограниченную результативность. Они формально существуют, но редко демонстрируют реальные достижения. Пресс-релизы, отчёты и внешняя активность несопоставимы конкретным результатам. Это создаёт эффект институциональной имитации – структура функционирует, но не генерирует системных изменений.

3) Отсутствие эффективной стратегии на псевдовыборах 2024 года

В период президентских псевдовыборов 2024 года Команда Ходорковского/Невзлина не смогла предложить какой-либо эффективной стратегии активного сопротивления. Вместо активного противодействия очередному этапу узурпации власти в России команда выступала с призывами участвовать в голосовании за любого кандидата, кроме Путина. При этом ни один из зарегистрированных кандидатов не был оппозиционным, не осуждал войну и не обладал собственной субъектностью.

3.3.9. Вывод

Команда Ходорковского/Невзлина – это важный элемент оппозиционной инфраструктуры в изгнании, обладающий разветвлённой сетью, значительными собственными финансовыми ресурсами, доступом к международным кругам и влиянием в публичном пространстве. Её вклад в развитие медийного давления, дипломатических связей, а также в координацию отдельных инициатив на уровне диаспор – значим.

Однако эта структура не способна в текущем виде выполнять функцию политического штаба антипутинского сопротивления. Отсутствие содержательной повестки и чёткой стратегии, имитационный характер большинства проектов, конфронтационность с другими центрами оппозиции (в первую очередь – ФБК), всё это существенно ограничивает её потенциал.

Сегодня эта платформа успешнее справляется с ролью институционального представительства перед Западом, чем центра реальной мобилизации и управления российским сопротивлением. Возможно, так изначально и задумывалось.

3.4. Free Russia Foundation

3.4.1. Общая характеристика

Free Russia Foundation (FRF) – одна из наиболее устойчивых и институционально выстроенных оппозиционных организаций в эмиграции. Основанная в 2014 году в Вашингтоне группой российских эмигрантов, она занимается международной адвокацией, правозащитной деятельностью, поддержкой гражданского общества в России и аналитической работой.

Фонд отличается высокой степенью институционализации, регулярными контактами с правительствами США, стран ЕС и международными структурами, а также акцентом на индивидуальную ответственность путинской элиты за преступления режима. FRF не является политической структурой в классическом смысле: её роль – генерировать

экспертное давление, формировать санкционную повестку и поддерживать репрессированных.

Ключевые лица и структура

- Наталья Арно – президент и сооснователь Free Russia Foundation. Бывшая глава московского офиса Национального фонда поддержки демократии (NED) до изгнания из России. Арно выстраивает стратегию фонда, является его публичным лицом в США, отвечает за институциональные связи, выступает в Конгрессе, Европарламенте, ООН.
- Владимир Кара-Мурза – политик, историк, один из первых лиц FRF, бывший политзаключенный. Его фигура стала символом личного мужества и правозащитной повестки фонда. Кара-Мурза активно участвует в международной адвокации, выступал в Сенате США, был соавтором Акта Магнитского, помогал расследованию убийства Бориса Немцова, поддерживал политику персональных санкций.
- Владимир Милов – экономист, политик, эксперт, экс-замминистра энергетики РФ. После начала полномасштабной войны стал одним из главных спикеров FRF на международной арене. Участвует в подготовке аналитических докладов, выступает в Европарламенте и на других международных площадках, формулирует экономические сценарии постпутинской трансформации.

Фонд действует как зарегистрированная некоммерческая организация в США. Кроме головного офиса в Вашингтоне, у FRF есть постоянные представители и партнёрства в ряде других стран.

3.4.2. Финансирование и грантовая политика

Free Russia Foundation обладает серьезной ресурсной базой. Например, согласно данным за 2023 год, годовой бюджет организации составил около \$5,06 млн, из которых \$4,73 млн были израсходованы. Из этой суммы \$1,72 млн было направлено на гранты другим организациям и инициативам.

Фонд активно выступает в роли грантодателя, перераспределяя средства от западных фондов и правительств другим инициативам и структурам – включая совместные проекты с ФБК и отдельными правозащитными организациями. Однако эта функция почти не освещается, отсутствуют публичные отчёты о критериях, объёмах и результатах поддержки, что лишь усиливает эффект непрозрачности.

Однако, следует отметить, что по некоторым данным финансовые возможности Фонда были сильно урезаны в 2025 году после сокращения финансирования USAID.

3.4.3. Основные направления деятельности

1) Международная адвокация и санкционная политика

FRF играет одну из ведущих ролей в продвижении персональных санкций против представителей российского режима. Её сотрудники взаимодействуют с:

- Государственным департаментом США;
- офисами сенаторов и конгрессменов;
- комитетами Европарламента;
- профильными структурами ООН и ОБСЕ.

Фонд вносил предложения по спискам «Магнитского», санкциям против российских пропагандистов, судей, бизнесменов, представителей оккупационных администраций.

2) Докладная и экспертная работа

FRF публикует регулярные аналитические отчёты на английском и русском языках. Среди тем:

- коррупционные схемы и экспорт грязных денег;
- использование энергетики как оружия;
- трансформация авторитарных режимов;
- политическая экономика путинской России;
- поддержка политзаключённых.

Доклады фонда цитируются в резолюциях Европарламента, отчётах Госдепа США, академических исследованиях. В их подготовке участвуют приглашённые эксперты из числа бывших политиков, экономистов, правозащитников.

3) Поддержка репрессированных и гражданских инициатив

FRF участвует в программах правовой, финансовой и публичной поддержки политзаключённых и жертв репрессий в России. Среди направлений:

- публикация свидетельств преследований;

- адвокационные кампании за освобождение заключённых;
- поддержка законопроектов о гуманитарной визовой политике для россиян;
- участие в коалициях правозащитных организаций.

4) Образовательная и публичная деятельность

FRF регулярно организует:

- публичные лекции и дискуссии;
- вебинары и брифинги для дипломатов, журналистов, студентов;
- мемориальные мероприятия, посвящённые Борису Немцову, Анне Политковской и др.;
- пресс-турне по США и странам Европы.

Фонд строит мосты между российской оппозицией и западным политическим классом – особенно в США и странах Балтии.

3.4.4. Критика и ограничения

Несмотря на институциональную стабильность, высокую международную репутацию и устойчивое финансирование, структура Free Russia Foundation сталкивается с рядом существенных ограничений, снижающих её общественно-политическую эффективность:

1) Закрытость и ограниченная публичность деятельности

Free Russia Foundation располагает серьёзным финансированием, однако масштаб и направление использования средств остаются непрозрачными. Несмотря на статус одного из крупнейших эмигрантских НКО, фонд редко сообщает о конкретных результатах или инициативах, поддержанных за счёт внешнего финансирования, что может вызывать недоверие.

2) Слабое присутствие в медийном и общественном поле

Free Russia Foundation не делает акцент на медийной работе, паблики организации крайне малочисленны, что демонстрирует отсутствие у фонда устойчивой платформы для взаимодействия с российской оппозиционной аудиторией.

Проекты фонда зачастую воспринимаются как внутренние доклады для партнёров и грантодателей, а не как инструменты публичного давления или мобилизации. Представляется, что такая модель снижает уровень доверия и

делает фонд отстранённым от процессов реального сопротивления, особенно в глазах широкой оппозиционной аудитории.

3) Формальная грантовая деятельность

Free Russia Foundation активно выступает в роли грантодателя, перераспределяя средства от западных фондов и правительств другим инициативам и структурам – включая совместные проекты с ФБК и отдельными правозащитными организациями. Однако эта функция почти не освещается, труднодоступны публичные отчёты о критериях, объёмах и результатах поддержки, что лишь усиливает эффект непрозрачности.

3.4.5. Вывод

Free Russia Foundation – это одна из наиболее профессионализированных и дипломатически встроённых структур российской эмиграции, действующая на стыке правозащиты, международной адвокации и экспертного лоббизма. Благодаря усилиям Натальи Арно и команды, фонд стал союзником ключевых игроков оппозиции – включая ФБК – и важным каналом продвижения санкционной, гуманитарной и правозащитной повестки на международной арене.

Однако его институциональная модель, ориентированная на донорскую отчётность и взаимодействие с западными структурами, делает FRF закрытым и малозаметным для широкой оппозиционной аудитории. Слабое медийное присутствие, ограниченный охват, дефицит публичной отчётности по финансам и поддерживаемым инициативам препятствуют тому, чтобы фонд стал точкой притяжения для массового антипутинского сопротивления.

Сегодня значение FRF заключается прежде всего в его влиянии на западные правительства, способность генерировать санкционную и правозащитную повестку, а также в символическом капитале, связанном с фигурой Владимира Кара-Мурзы. В условиях постпутинского транзита эта структура может сыграть ключевую роль в диалоге с международными институтами по вопросам санкций, репараций, правосудия и прав человека – при условии большей открытости и подключения к реальным процессам сопротивления.

3.5. Форум свободной России

3.5.1. Общая характеристика

Форум свободной России (ФСР) – ключевая платформа российской оппозиции в изгнании, основанная в 2016 году Гарри Каспаровым и Иваном Тютриным. С момента своего появления ФСР стал узнаваемым символом политического сопротивления путинскому режиму и одним из немногих

институтов, выстроенных за пределами России на принципах антипутинизма, солидарности с Украиной и непримиримого отношения к диктатуре.

Цель Форума – консолидация эмигрантской оппозиции, формирование интеллектуальной альтернативы нынешнему режиму и выработка концепций будущего демократического переустройства России. На его площадке выступали десятки известных аналитиков, политиков, правозащитников, военных добровольцев, культурных деятелей и международных экспертов.

3.5.2. Организационная структура и Совет Форума

Форум не имеет зарегистрированной юридической структуры, действует как публичная платформа с открытыми заседаниями и координируется через Совет Форума, в который входят:

- Эйва Айраксинен
- Борис Голант
- Андрей Горин
- Геннадий Гудков
- Михаил Долиев
- Гарри Каспаров
- Анастасия Кириленко
- Евгений Киселёв
- Альфред Кох
- Михаил Крутихин
- Александр Морозов
- Наталья Пелевина
- Николай Полозов
- Александр Скобов
- Иван Тютрин
- Наталья Фройденберг
- Евгения Чирикова
- Игорь Эйдман

Это одно из самых репрезентативных и авторитетных объединений российской оппозиции в изгнании, в котором представлены политики, публицисты, юристы, активисты и эксперты из разных направлений.

3.5.3. Последняя активность и текущее состояние

13-й Форум прошел 4–5 октября 2024 года в Вильнюсе. С тех пор прошло уже восемь месяцев (на июнь 2025 года), и о подготовке следующего форума или конференции ФСР не сообщалось. Нарушение привычной регулярности указывает на снижение организационной активности и институционального ресурса.

На последнем заседании Форума обсуждались вопросы деколонизации России, роли добровольцев в войне, международной поддержки Украины и отказа от государственной символики РФ в пользу новой символики Свободной России. Важным решением стало принятие резолюции о политической и моральной недопустимости использования государственной символики путинской России в будущем устройстве страны.

3.5.4. Ключевые достижения и принципы

1) Прямая поддержка вооружённого сопротивления Украины

ФСР занимает жёсткую и принципиальную позицию по войне: он не только осуждает агрессию России, но и поддерживает победу Украины как необходимое условие освобождения России. Форум – один из немногих, кто прямо выражает солидарность с ВСУ и российскими добровольцами, сражающимися на стороне Украины. В 2023 году был организован благотворительный аукцион в поддержку украинской армии.

2) Бойкот псевдовыборов 2024 года

Форум чётко заявил о неприемлемости участия в выборах под диктатурой и призвал к бойкоту. Это отличало его от других структур, занявших абсолютно нелогичную и слабую позицию.

3) Список Путина

ФСР продолжает формировать и продвигать персональные санкционные списки лиц, ответственных за репрессии, агрессию и поддержку режима. Этот проект стал важным инструментом международного давления.

4) Альтернативная политическая идентичность

Решение об отказе от государственной символики РФ – шаг в сторону создания новой идентичности, необходимой для построения постпутинского государства. Форум поднимает темы деколонизации, переходного

правосудия и международного контроля над дезинтеграцией авторитарного центра.

5) Международный авторитет

Форум активно работает с западными политиками, фондами, парламентами и экспертами. Особую роль в этом играет Гарри Каспаров – международно признанный борец с авторитаризмом, имеющий огромный авторитет и личную узнаваемость.

3.5.5. Кризис устойчивости и ограничения

1) Нарушение регулярности и кризис институциональной устойчивости

Форум не собирается уже восемь месяцев, что ставит под сомнение его способность выполнять функцию координационного центра. Регулярность мероприятий ранее была основой узнаваемости и авторитета ФСР.

2) Слабая информационная стратегия и отсутствие серьезного медиаресурса

ФСР практически не ведёт активной информационной работы:

- в социальных сетях – минимальная активность,
- YouTube-канал Форума ([youtube.com/@freerussia](https://www.youtube.com/@freerussia)) имеет 137 тысяч подписчиков и ограничивается только прямыми трансляциями (в основном с маленькими просмотрами), новых видео не выкладывалось уже более 5 месяцев.

Это говорит о дефиците ресурсов и отсутствующей, в связи с этим, медиастратегии. Заявления, доклады и инициативы Форума остаются мало замеченными широкой аудиторией, в том числе в эмигрантской среде. Такой медийный вакуум резко снижает политический потенциал ФСР.

3.5.6. Вывод

Форум свободной России остаётся морально значимой и политически важной институцией, чётко выражающей антипутинскую и антивоенную повестку. Его сила – в репутации, международных связях, последовательной позиции и фигуре Гарри Каспарова. Однако организационная стагнация, информационный провал и медийная незаметность ставят под угрозу его дальнейшее развитие.

Форум нуждается в глубокой перезагрузке: институциональной реструктуризации, усилении медиаприсутствия, открытости для новых участников. Без этих шагов он рискует утратить не только влияние, но и собственную политическую релевантность.

3.6. Съезд народных депутатов

3.6.1. Общая характеристика

Съезд народных депутатов – это политическая платформа, инициированная в 2022 году бывшим депутатом Госдумы Ильёй Пономарёвым и целым рядом других известных политиков. Съезд позиционирует себя как протопарламент и некий прообраз легитимной переходной власти, альтернативной путинскому режиму. В отличие от экспертных и дискуссионных площадок, Съезд делает ставку на институционализацию: формирование «законодательного органа в изгнании» и выработку законов будущей России.

3.6.2. Идеологические принципы и цели

Ключевая идея Съезда – депутаты, избранные до аннексии Крыма и начала тотальной зачистки политического поля, обладают мандатом представлять интересы народа и формировать альтернативную государственность. Платформа основывается на следующих установках:

- отказ от признания легитимности путинского режима;
- поддержка суверенитета и территориальной целостности Украины;
- поддержка вооружённого сопротивления;
- формирование системы законов будущей Свободной России;
- создание переходного парламента в изгнании.

3.6.3. Институциональная оформленность

Съезд структурирован как протопарламент:

- действует Совет Съезда (президиум);
- сформированы комитеты по ключевым направлениям (оборона, конституционные реформы, международные отношения и т.д.);
- проводятся сессии с участием делегатов, где происходит голосование по проектам законов;
- подготовлен первый проект новой Конституции Свободной России.

3.6.4. Связь с вооружённым сопротивлением

В отличие от большинства оппозиционных структур в изгнании Съезд сразу с момента своего основания начал прямо позиционировать себя как политическое крыло вооружённому сопротивлению путинскому режиму. С

этим связана публичная поддержка Легиона «Свобода России», а также действий ряда боевых групп, действующих на территории РФ.

В риторике платформы ключевыми словами стали "восстание", "освобождение", "власть в изгнании". Однако, в последствии, в связи с некоторыми ограничениями, акцент был сделан на законотворчестве.

3.6.5. Сильные стороны

1) Попытка институционализации

Съезд – это уникальная среди оппозиционных платформ попытка создать имитацию будущей законодательной власти с процедурами, комитетами, голосованием и проектами нормативных актов. Это делает его важным экспериментом в построении переходных структур.

2) Поддержка вооружённой борьбы

Сегодня уже многие оппозиционные центры осознают ключевую роль вооруженного сопротивления. В отличие от более осторожных игроков, Съезд с самого своего основания не боялся говорить языком революции, а его участники признавали легитимность насильственного сопротивления и строили всю политическую конструкцию на его основе.

3) Международная активность

Проведение заседаний в Варшаве и приглашение на сессии Съезда известных западных политиков, открытие в Вашингтоне проекта «Free Peoples of Russia House» позволило СНД заявить о себе на международной арене. Илья Пономарёв активно работает с западными СМИ, политиками, экспертами, продвигая образ будущей свободной России.

3.6.6. Ограничения и проблемы

1) Слабая легитимность и ограниченный мандат

Критики проекта отмечают, что Съезд опирается на довольно условную преемственность от прошлых депутатских выборов. Большинство участников – бывшие муниципальные и региональные депутаты, утратившие мандаты задолго до войны.

2) Негативный информационный фон

Проект регулярно становится объектом критики со стороны других оппозиционных структур за радикальную позицию и близость к вооружённому сопротивлению. В ноябре 2024 года произошёл раскол. Часть делегатов провела альтернативное собрание, хотя это не помешало в том же месяце провести основную, седьмую сессию съезда, под председательством

Ильи Пономарева. Но кризис активно освещался в медиа, принадлежащих Леониду Невзлину, в результате чего был создан определённый негативный фон вокруг проекта.

3) Медиа и коммуникации

Несмотря на активную личную медийность Ильи Пономарёва, сам Съезд не обладает известными спикерами и медийной активностью. Медиаинфраструктура Съезда поставлена на паузу. Ютуб-канал «Утро Февраля» лишен финансирования. Паблики в других социальных сетях не обновляются.

4) Снижение активности

Последняя сессия Съезда прошла в ноябре 2024 года, с тех пор организация не проводила заседаний.

3.6.7. Вывод

Съезд народных депутатов представляет собой смелую, но спорную попытку институционализации российской оппозиции в изгнании. Его ставка на легитимизацию вооружённого сопротивления, создание переходных парламентских процедур и публичное представительство делают проект уникальным на фоне других оппозиционных инициатив.

Однако отсутствие медийной устойчивости, снижение активности и репутационные конфликты ограничивают влияние Съезда и ставят под сомнение его способность стать подлинной основой будущей власти, если кризис не будет преодолен в ближайшее время.

3.7. Объединение «Комитет-2024»

3.7.1. Общая характеристика

Объединение «Комитет-2024» – одна из новых структур, появившихся в российской оппозиционной среде в 2023 году. В отличие от многих других организаций, Комитет сразу выбрал многоуровневую модель деятельности, сочетая политические заявления, аналитическую работу и практические проекты. Структура ориентирована на разработку конкретных стратегий противодействия путинскому режиму и проведение кампаний, оказывающих прямое воздействие на позиции власти.

В состав Совета Комитета входят:

- Сергей Антонов - председатель;
- Алексей Барановский, заместитель председателя;
- Владимир Шведа, заместитель председателя;
- Виталий Гинзбург;

- Николай Суворов;
- Денис Угрюмов;
- Илья Пономарев;
- Дмитрий Ушацкий;
- Наталья Новоселова;
- Сергей Медведев;
- Полина Зоммер;
- Леонид Берес;
- Павло Жовниренко;
- Дмитрий Чуликов;
- Дмитрий Миропольцев;
- Олег Мозальков;
- Анастасия Бенидзе.

3.7.2. Основные направления деятельности

Работа Комитета строится по трем ключевым направлениям:

- Политическая активность – организация антипутинских акций, публичных заявлений, международной адвокационной работы, постоянная поддержка Украины;
- Аналитическая работа – подготовка стратегических докладов и методических материалов для оппозиционной среды. Среди наиболее значимых публикаций: доклад «О стратегии российской оппозиции на президентских псевдовыборах» и масштабный аналитический труд «МЫ после Путина»;
- Прикладные проекты – реализация юридических и общественных кампаний, включая мониторинг нарушений на президентских псевдовыборах 2024 года и правовое преследование нарушителей, проект «СтопРашизм» (анализ и экспонирование фашистской природы путинского режима), а также международную кампанию памяти о жертвах войны в Украине «Ангелы в наших сердцах».

Особенностью подхода Комитета является концентрация усилий на конкретных практических действиях, позволяющих наносить точечный репутационный и юридический ущерб путинскому режиму.

3.7.3. Деятельность на президентских псевдовыборах 2024 года

На фоне организационного паралича и отсутствия стратегии у большинства оппозиционных структур в период президентских псевдовыборов 2024 года, именно Комитет-2024 стал фактически единственной силой, которая предприняла системное сопротивление

избирательной кампании Путина, а точнее очередному этапу узурпации власти в стране:

- подано 320 юридически обоснованных жалоб в ЦИК РФ по фактам нарушений избирательного законодательства, по итогам чего было удалено более 250 агитационных материалов в поддержку Путина в российских соцсетях;
- поданы официальные заявления об отказе в регистрации и об аннулировании регистрации Владимира Путина в качестве кандидата;
- после подведения итогов псевдовыборов в Верховный суд РФ подан коллективный иск об отмене итогов голосования по совокупности нарушений закона и отсутствию права Путина участвовать в выборах на пятый срок. Были пройдены все судебные стадии обжалования внутри страны и подготовлен материал для обращения в международные инстанции;
- инициирована процедура подачи жалоб о нарушении избирательных прав в Комитет по правам человека при ООН.

3.7.4. Преследование со стороны режима

Практически сразу после создания Комитет-2024 столкнулся с масштабным давлением со стороны российских властей:

- через три месяца после начала деятельности организация была признана «нежелательной»;
- значительное число участников Комитета получили статус «иностранных агентов» и «террористов»;
- в отношении ряда участников Комитета возбуждены уголовные дела, объявлены федеральные и международные розыски.

3.7.5. Ограничения и проблемы

Несмотря на высокую интенсивность деятельности, эффективность Комитета ограничена рядом факторов:

- 1) Отсутствие финансирования: организация практически не располагает устойчивыми источниками финансовой поддержки, что затрудняет расширение масштабов деятельности.
- 2) Информационная изоляция: деятельность Комитета игнорируется или намеренно замалчивается в значительной части российских

оппозиционных медиа, находящихся под влиянием других политических группировок.

- 3) Постоянное давление спецслужб: статус «нежелательной организации» и уголовное преследование участников создают серьёзные риски безопасности и организационные трудности.

3.7.6. Вывод

Комитет-2024 стал одним из немногих примеров системной политической структуры, которая при крайне ограниченных ресурсах продолжает целенаправленно вести кампании против путинского режима, сочетая политические, юридические и информационные методы. Его деятельность демонстрирует важность прикладной и стратегической составляющей оппозиционной работы в условиях репрессий и фрагментации эмигрантской среды.

В то же время дальнейшее развитие Комитета будет во многом зависеть от преодоления ресурсных и организационных ограничений, а также от готовности оппозиционной среды к институционализации общего сопротивления.

3.8. Регионалистские и освободительные движения

3.8.1. Общая характеристика

Одним из важнейших направлений антипутинского сопротивления, которое набрало особую силу после начала войны в Украине, стали движения за независимость национальных республик и регионов от Российской Федерации. Эти движения формируют постимперскую, антиколониальную повестку и открыто ставят своей целью полный выход своих территорий из состава России. Речь идёт не о федерализации или реформировании системы, а о демонтаже империи и восстановлении суверенитета народов, подвергшихся ассимиляции, репрессиям и культурному стиранию.

Большинство таких организаций действуют из эмиграции, но опираются на национальные диаспоры, историческую память, язык и локальные сети внутри республик. Их повестка становится особенно актуальной в свете высокой смертности среди представителей национальных меньшинств на войне, несправедливого распределения ресурсов и культурного доминирования Москвы.

Несмотря на ограниченные ресурсы, эти движения создают альтернативную рамку будущего, в которой распад России рассматривается не как катастрофа, а как путь к восстановлению справедливости и

построению демократических государств в границах исторических территорий.

3.8.2. Обзор ключевых движений и организаций

1) Правительство Чеченской Республики Ичкерия в изгнании

Правительство Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ) в изгнании – одна из наиболее институционально оформленных и исторически легитимных структур внутри деколонизационного крыла российского оппозиционного пространства. В отличие от большинства других национальных движений, Ичкерия обладает опытом фактической независимости в 1990-е годы, наличием конституции, государственной символики, правопреемственности и международной дипломатической истории.

Политическим лидером и премьер-министром правительства в изгнании остаётся Ахмед Закаев – один из наиболее известных представителей чеченского сопротивления, последовательный противник путинского режима, находящийся в эмиграции в Великобритании. Под его руководством ЧРИ в изгнании последовательно отстаивает позицию о незаконности аннексии Чечни Российской Федерацией, квалифицируя происходящее как колониальную оккупацию.

Ключевые направления деятельности правительства включают:

- политическое и дипломатическое представительство Чеченской Республики как независимого субъекта международного права;
- участие в международных форумах, правозащитных организациях, дискуссиях о деколонизации России;
- продвижение темы российской агрессии против Украины как части общего имперского проекта Москвы;
- сохранение и развитие независимой чеченской государственности в правовом, историческом и культурном измерении;
- информационную деятельность через собственную медиа-инфраструктуру.

Особую роль в работе правительства играет YouTube-канал I NEWS, на котором регулярно публикуются выступления, интервью, аналитические материалы, посвящённые как текущей международной ситуации, так и внутренним вопросам чеченского сопротивления. Канал стал основным информационным ресурсом структуры, обеспечивая регулярную связь с широкой чеченской и кавказской аудиторией, а также с международной

общественностью. На июнь 2025 года канал насчитывает около 96 тысяч подписчиков.

Правительство ЧРИ в изгнании является одним из ключевых участников международной коалиции деколонизационных движений народов России, участвуя в работе различных платформ, включая Лигу Свободных Наций и Форум Свободных Народов постРоссии.

2) Правительство Независимого Татарстана в изгнании

Правительство Независимого Татарстана в изгнании – одна из наиболее институционально оформленных структур татарского национального движения за пределами России. Организация была создана в эмиграции группой политических активистов, представляющих татарскую диаспору, и выступает с позиций полного отказа от легитимности российской власти на территории Татарстана.

Структура правительства включает председателя, представителей различных комитетов, координирующие и экспертные группы, ответственные за политическую деятельность, международные связи, информационную и просветительскую работу. Председателем Правительства является Рафис Кашапов – давний оппонент путинской политики в отношении национальных республик, политэмигрант, участник ряда международных правозащитных инициатив.

Правительство в изгнании ставит своей задачей:

- международное представительство интересов татарского народа как отдельного политического субъекта;
- формирование правовой и политической базы для будущей независимости Татарстана;
- продвижение темы деколонизации России в международной повестке;
- информационное и образовательное просвещение татарской диаспоры;
- участие в международных форумах, конференциях и правозащитных платформах, включая взаимодействие со структурами ООН, Европарламента, ПАСЕ.

Организация последовательно добивается включения татарского вопроса в общий международный дискурс о деколонизации постимперского пространства России. Одной из ключевых тем в работе правительства стала защита культурных, языковых и образовательных прав татарского народа,

которые систематически ограничиваются российским государством внутри страны.

3) Комитет Башкирского Национального Движения за рубежом

Комитет Башкирского Национального Движения за рубежом – ключевая структура башкирского национального движения в эмиграции, формирующая политическую и идеологическую повестку независимости Башкортостана. Организация возникла как самостоятельный центр политической активности башкирских эмигрантов, объединяя сторонников суверенитета республики, находящихся за пределами России.

Руководителем Комитета является Руслан Габбасов – один из наиболее известных представителей башкирского сопротивления, активный участник международных дискуссий о деколонизации России, публичный критик российской политики репрессий и ассимиляции в национальных республиках.

Ключевые направления деятельности Комитета включают:

- продвижение идеи полной политической независимости Башкортостана от Российской Федерации;
- развитие международных контактов, участие в форумах, правозащитных и адвокационных площадках;
- информирование международного сообщества о фактах репрессий, языковой ассимиляции и разрушения башкирской идентичности внутри России;
- информационно-просветительская работа среди башкирской диаспоры;
- участие в коалиционных проектах и форумах деколонизационных движений народов России.

Комитет активно взаимодействует с международными структурами, включая Форум Свободных Народов постРоссии, Лигу Свободных Народов и отдельные западные экспертные центры. Одним из приоритетов организации остаётся формирование правовой и политической базы для будущего суверенного башкирского государства, а также подготовка кадровой и экспертной базы для построения институтов независимого Башкортостана в будущем постпутинском пространстве.

4) Свободная Ингрия

Движение «Свободная Ингрия» представляет собой одну из наиболее известных регионалистских инициатив в эмигрантском крыле российской

оппозиции. Его цель – политическое самоопределение и независимость исторической Ингерманландии, включающей Санкт-Петербург и Ленинградскую область. Движение базируется в эмиграции и формирует собственную повестку выхода региона из состава постимперской России.

В основе идеологии движения – отказ от идентичности, навязанной имперским центром, и акцент на европейской цивилизационной принадлежности региона. Представители движения подчёркивают исторические и культурные связи Ингерманландии с Европой, опираясь на её многонациональное прошлое, включая наследие финского, шведского, карельского и ижорского присутствия.

Ключевые направления деятельности включают:

- формирование концепции независимой Ингерманландской республики как части европейского политического пространства;
- разработку политических и правовых основ возможного суверенитета региона;
- участие в международных дискуссиях по вопросам деколонизации России;
- организацию публичных дискуссий, образовательных мероприятий и экспертных круглых столов;
- подготовку манифестов, программных документов и заявлений, направленных на развитие дискуссии о будущем статуса региона;
- активную информационную работу в социальных сетях и на специализированных международных площадках.

Движение участвует в коалиционных инициативах вместе с другими регионалистскими и национально-демократическими организациями народов России. Свободная Ингрия рассматривает распад имперской структуры Российской Федерации как исторический шанс для регионов обрести подлинную политическую субъектность и перестроить свои отношения с Европой на принципах равенства и международного права.

5) Свободная Удмуртия

Движение «Свободная Удмуртия» (сопредседатели Николай Суворов и Сергей Антонов) – также заметная инициатива в ряду регионалистских и деколонизационных проектов регионов России.

Организация выступает с позиций права Удмуртской Республики на политическую независимость и государственный суверенитет,

последовательно критикуя колониальный характер отношения федерального центра к национальным республикам внутри РФ.

Вскоре после создания движение быстро стало объектом репрессий со стороны российских властей и уже в 2024 году было официально признано экстремистской организацией на территории России, а в 2025 году – террористической. Тем не менее, несмотря на жесткое преследование, структура продолжает активную деятельность за пределами страны.

Ключевые направления деятельности движения включают:

- разработку политической и социально-экономической программы построения независимого и демократического государства Удмуртия;
- акцент на построение будущей республики как многонационального и инклюзивного государства, в котором равные права обеспечиваются для всех групп населения вне зависимости от этнической принадлежности;
- активную работу в социальных сетях и информационных платформах, направленную на просвещение, политическую мобилизацию и формирование дискуссии о деколонизации;
- участие в международных форумах, адвокационных и правозащитных инициативах, построение диалога с западными экспертными центрами, правозащитными организациями, структурами ООН и Европейского союза;
- подготовку аналитических, экспертных и образовательных материалов, раскрывающих политическую, правовую и экономическую природу колониального положения республик в составе Российской Федерации.

«Свободная Удмуртия» активно участвует в международных и коалиционных проектах деколонизационного движения, выстраивая долгосрочную стратегию международной поддержки права народов России на самоопределение как составной части будущей постимперской трансформации РФ.

б) Форум свободных народов постРоссии

Форум свободных народов постРоссии (основатель Олег Магалецкий) представляет собой коалиционную платформу, объединяющую широкий спектр национально-освободительных, регионалистских и деколонизационных движений, отстаивающих право народов, регионов и республик на выход из состава Российской Федерации и формирование

собственных независимых государств. Форум стал одним из главных центров консолидации идей деколонизации и демонтажа имперской архитектуры России в эмиграционном сообществе.

Ключевые направления деятельности Форума включают:

- организацию регулярных международных конференций и сессий, в которых принимают участие представители национальных движений, правозащитных организаций, международных экспертов, юристов и политиков;
- выработку совместных политических деклараций, меморандумов и аналитических документов, обосновывающих необходимость демонтажа нынешней федеративной структуры РФ как колониальной и легитимизирующих право народов России на самоопределение;
- разработку проектов будущего государственного устройства постимперского пространства, включая создание межгосударственных союзов, формирование системы гарантий безопасности, выстраивание новых региональных и международных связей;
- информационную и просветительскую работу, направленную как на международную аудиторию, так и на русскоязычное пространство, с целью повышения понимания сущности деколонизационного проекта.

Форум свободных народов постРоссии выполняет важную координационную функцию, создавая постоянную площадку взаимодействия между различными региональными движениями, от Северного Кавказа до Урала, от Поволжья до Дальнего Востока. Внутри Форума ведётся работа по согласованию подходов к принципам границ, правовых оснований независимости, международных гарантий, а также по вопросам демилитаризации, денацификации и демонтажа репрессивных структур.

7) Лига свободных наций

Лига свободных наций – коалиционное объединение национальных движений, последовательно отстаивающее право народов, входящих в состав Российской Федерации, на самоопределение и выход из состава постимперского государства.

В состав Лиги входят представители различных регионов – от Калмыкии, Татарстана и Башкортостана до Карелии, Идель-Урала, Бурятии и Сибири. Лига стала одной из площадок, обеспечивающих постоянную международную легитимность деколонизационной повестки на глобальном уровне.

Ключевые направления деятельности Лиги включают:

- международную адвокацию – взаимодействие с западными политиками, парламентариями, правозащитными организациями и международными форумами для продвижения идеи признания права народов на самоопределение;
- участие в экспертных мероприятиях и дискуссиях по вопросам постпутинской трансформации России и судьбы её регионов;
- выработку общих деклараций, заявлений и аналитических документов, фиксирующих недопустимость сохранения унитарной, централизованной структуры России в её нынешних или видоизменённых границах после демонтажа режима;
- активную информационную работу, направленную на донесение до международной общественности аргументов о неизбежности деколонизации России как части глобальной безопасности и предотвращения новых витков российской агрессии;
- координацию усилий между национальными движениями для согласования позиций и выработки единой политической повестки в рамках общего деколонизационного проекта.

Лига свободных наций стала одним из заметных субъектов международной экспертной дискуссии о будущей трансформации России. Её участники открыто заявляют о невозможности сохранения единого российского государства после падения путинского режима и необходимости международного признания многонациональной структуры постимперского пространства в формате независимых государств.

3.8.2. Сильные стороны

- Постимперская альтернатива: дают радикально отличный от московцентричной оппозиции взгляд на будущее – не реформа, а демонтаж империи.
- Локальное укоренение: опора на язык, культуру, региональную идентичность и историческую память.
- Диаспоральная поддержка: наличие сетей в эмиграции, особенно в Европе, позволяет вести системную работу.
- Информационная активность: ведут сайты, телеграм-каналы, выпускают обращения и участвуют в международных мероприятиях.

3.8.3. Проблемы и ограничения

- Отсутствие финансирования: большинство движений существуют исключительно за счёт самофинансирования.
- Кадровый дефицит: нехватка специалистов, организаторов, юристов, аналитиков.
- Организационная слабость: за исключением нескольких структур, отсутствуют устойчивые институты, ресурсы, связи с территориями.
- Риски этнического радикализма: отдельные активисты склоняются к этнонационализму, что может оттолкнуть русское и смешанное население регионов и сыграть на руку кремлёвской пропаганде.

3.8.4. Заключение

Национально-освободительные и регионалистские движения – важная, хотя и недооценённая часть антипутинского сопротивления. Они ставят вопрос о будущем России не как о едином государстве, а как о множестве народов, наций и республик, которым необходимо дать шанс на самоопределение.

Игнорировать эти движения – значит воспроизводить имперскую оптику, которая уже привела к войне и сотням лет подавления и репрессий против целых народов. Признание их субъектности, вовлечение в процесс транзита власти, а также поддержка с точки зрения правозащиты и информации – стратегическая задача демократических сил. Их голос должен быть услышан не только в эмиграции, но и на переговорах о будущем после Путина.

Движения за независимость – это не угроза стабильности, а шанс на восстановление справедливости после веков колониального насилия. Без них будущая архитектура постпутинского мира будет ущербной и несправедливой, в основе которой будет заложен новый виток насилия.

4. Конфликты и войны внутри антипутинской оппозиции

4.1. Природа конфликтов

Российская оппозиция за пределами страны представляет собой не единую силу, а совокупность конкурирующих политических, медийных, идеологических и сетевых центров. Это отражает не только естественные различия в подходах, но и глубинную институциональную слабость: отсутствие горизонтальных связей, координирующих структур, культуры альянсов и общего стратегического плана.

Причины расколов:

- Конкуренция за ресурсы – финансирование, аудиторию, внимание западных партнёров;
- Идеологические различия – от центристского либерализма до левого и правого радикализма;
- Личные амбиции и взаимная неприязнь лидеров;
- Разный политический опыт и уровень институциональности: от хорошо структурированных организаций (ФБК, Free Russia Foundation) до разрозненных инициатив.

4.2. Основные линии раскола

4.2.1. ФБК против всех

Одним из наиболее острых и устойчивых конфликтов внутри российской оппозиции в изгнании стал раскол между командой Фонда борьбы с коррупцией (ФБК) и остальной частью эмигрантского оппозиционного сообщества. Этот конфликт приобрёл системный характер, существенно влияя как на внутреннюю динамику антипутинского сопротивления, так и на его международные позиции.

ФБК изначально выстраивает модель жёстко централизованной структуры, в которой вся политическая и организационная активность подчинена единому центру принятия решений, контролируемому ближайшим окружением Алексея Навального. Организация не скрывает своей установки на политическую монополию, исходя из убеждения, что остальные оппозиционные проекты:

- либо не обладают достаточной эффективностью,
- либо дискредитированы старыми связями с элитами,
- либо ведут компромиссную или неактуальную повестку.

ФБК сознательно избегает участия в коалиционных инициативах, фактически игнорирует существование большинства других политических и аналитических центров оппозиции, а любое объединение без своего лидерства рассматривает как неприемлемое.

Переломным моментом стало начало открытой информационной войны в 2024 году. Эскалация противоречий началась с выхода фильма ФБК «Предатели», в котором Михаил Ходорковский и его ближайшие соратники были представлены как лица, утратившие политическую легитимность из-за их причастности к несправедливой приватизации, участия в «семибанкирщине» и причастности к передаче власти Владимиру Путину.

Этот фильм стал не просто медиапродуктом, а программным заявлением о фактическом отказе ФБК от любого партнёрства с командами и структурами, ассоциирующимися с Ходорковским.

Вскоре после выхода фильма последовали жёсткие персональные обвинения в адрес Леонида Невзлина, что окончательно институционализировало конфликт между двумя центрами — ФБК и Командой Ходорковского/Невзлина.

С этого момента противостояние приобрело устойчивую и публичную форму. Оно проявляется:

- в отсутствии любых совместных инициатив и координации,
- в информационной войне через медиаресурсы обеих сторон,
- в поляризации сторонников в русскоязычном медиапространстве эмиграции,
- в борьбе за международные контакты, источники финансирования и контроль над международной легитимностью оппозиционной повестки.

Этот конфликт ослабляет общую способность российской оппозиции к выработке единой стратегии, формированию широких международных коалиций и разработке совместных дорожных карт для будущей постпутинской трансформации. При отсутствии механизмов согласования и институционального арбитража раскол между ФБК и остальной частью оппозиции остаётся одним из главных факторов фрагментации антипутинского движения.

4.2.2. Регионалисты против централистов

Одним из ключевых идейных и стратегических конфликтов внутри российской эмигрантской оппозиции остаётся противостояние между сторонниками деколонизационной модели трансформации и сторонниками сохранения пусть и демократической, но единой и неделимой Российской Федерации. Этот раскол носит не только теоретический, но и сугубо практический характер, определяя направления деятельности многих организаций, содержание международной адвокации и перспективы послепутинского устройства пространства бывшей РФ.

Сторонники сохранения единой России, даже после демонтажа путинского режима, опираются на несколько основных аргументов:

- Демократизация возможна в рамках сохранённой федерации, при реставрации конституционных норм и перераспределении полномочий в пользу регионов.
- Распад государства приведёт к хаосу, межэтническим конфликтам, угрозе гражданской войны и усилению влияния третьих стран.
- Международное сообщество не готово поддерживать идею распада ядерной державы с непредсказуемыми последствиями для глобальной безопасности.
- Россия должна сохраниться как единый субъект международного права для участия в глобальной архитектуре безопасности, контроля над ядерным оружием и выполнения международных обязательств.

Эта линия активно продвигается большей частью либеральной эмиграции, отдельными экспертными группами, рядом медийных проектов, а также частью западных аналитических центров, ориентированных на сохранение геополитического статус-кво.

Движения, выступающие за деколонизацию, исходят из диаметрально противоположной логики:

- Российская Федерация изначально представляет собой не федерацию, а имперскую конструкцию с централизованным авторитарным управлением.
- Историческое существование России строилось на насильственной экспансии, подчинении, ассимиляции и подавлении регионов и народов.
- Демократизация невозможна без демонтажа самой архитектуры имперского государства и признания права на самоопределение для народов и регионов.
- Единство России — это форма сохранения доминирования этноцентрического московского ядра над остальной страной, а не основа равноправного сосуществования.
- Только создание новых независимых государств способно обеспечить реальные демократические институты, безопасность народов, долгосрочную стабильность, а также денуклеаризацию и демилитаризацию.

Этот конфликт проявляется:

- в противостоянии между разными политическими проектами и медийными платформами эмиграции;

- в борьбе за международную повестку и внимание западных правительств;
- в формировании коалиций внутри оппозиционной среды;
- в попытках одних акторов маргинализировать и дискредитировать другие группы.

По сути, речь идёт о двух принципиально разных моделях будущего:

- либо трансформированная демократическая Россия как продолжатель правопреемства нынешнего государства (модель «демократической федерации»),
- либо демонтаж имперского центра и возникновение на его месте множества независимых государств (модель «постимперской деколонизации»).

4.3. Информационные войны

Значительная часть внутриопозиционных конфликтов выходит за пределы закрытых дискуссий и приобретает публичный характер. Они сопровождаются взаимными обвинениями, информационными кампаниями дискредитации, срывами совместных мероприятий и публичными полемиками. Всё это оказывает деструктивное влияние на общее состояние сопротивления, ослабляя его институциональную и репутационную устойчивость.

Последствия этих информационных войн проявляются в нескольких ключевых направлениях:

- создаётся устойчивая картина глубокой разобщённости и неспособности оппозиции к выработке единой стратегии;
- западные партнёры и потенциальные союзники утрачивают доверие к субъектам оппозиции, предпочитая минимизировать свою вовлечённость и ограничивать предоставление поддержки;
- сторонники внутри России, ориентирующиеся на эмиграционные структуры, оказываются дезориентированы происходящими конфликтами, что подрывает их веру в возможность системной трансформации;
- сам процесс борьбы с путинским режимом оказывается вторичным по отношению к борьбе между оппозиционными группами, что смещает акценты в общественной дискуссии.

В условиях диктатуры, где возможности внутренней политической конкуренции полностью подавлены, публичное саморазрушение оппозиционных структур в эмиграции создаёт эффект стратегической слабости и служит дополнительным инструментом кремлёвской пропаганды для дискредитации всей антипутинской коалиции.

4.4. Влияние на международное восприятие

Одним из наиболее серьёзных последствий внутренней фрагментации оппозиции стало деформированное международное восприятие российской антипутинской эмиграции.

Доступ к западным политическим, экспертным и дипломатическим кругам оказался фактически монополизирован ограниченным числом фигур – прежде всего, представителями ФБК, Free Russia Foundation, Командой Ходорковского/Невзлина. Эти структуры выстроили стабильные контакты с западными государственными структурами, парламентами, правозащитными организациями и медиа, формируя там доминирующую версию оппозиционной повестки.

В то же время целый ряд других субъектов сопротивления – регионалистских движений, деколонизационных инициатив, менее институционализированных политических и экспертных групп – остаются практически исключёнными из международной коммуникации. Их позиции, стратегии и аргументация оказываются неизвестными или недостаточно представленными в западных экспертных и политических кругах.

В результате складывается эффект информационного искажения:

- решения западных правительств, парламентов и международных организаций принимаются на основании ограниченной и нередко ангажированной картины о состоянии российской действительности;
- формируется завышенное представление о влиянии отдельных оппозиционных групп при недооценке широкой и разнообразной палитры сопротивления;
- деформируется международная повестка дискуссии о будущем устройства России, в том числе по вопросам деколонизации, права на самоопределение и архитектуры постпутинского перехода.

4.5. Парадокс пользы конфликтов

При всей деструктивности внутривнутриполитических конфликтов в эмиграционной оппозиции они несут в себе и определённый элемент политического развития. Политика невозможна без конкуренции, и в

условиях эмиграции, где отсутствует полноценная демократическая институциональная жизнь, конкуренция хотя бы в миниатюре формирует элементарные навыки политического взаимодействия.

Конфликты выполняют несколько полезных функций:

- обеспечивают частичную прозрачность: в ходе взаимных обвинений в публичное пространство попадают сведения о финансировании, источниках влияния, организационных механизмах и внутренних управленческих практиках различных оппозиционных структур;
- создают практику политической конкуренции, дебатов и полемики, которая в будущем неизбежно потребуется в условиях демократического процесса при построении новых государственных институтов в постпутинском пространстве;
- позволяют формировать запрос на институционализацию и разработку общих правил взаимодействия между политическими субъектами.

Таким образом, несмотря на очевидную деструктивность, внутривполитическая конкуренция может при правильных институциональных формах стать школой политического взросления оппозиции.

4.6. Заключение

Внутренние конфликты российской эмигрантской оппозиции отражают не только личные амбиции или частные разногласия, но в первую очередь – отсутствие единой стратегии, общего проекта перехода и институциональных механизмов координации. Пока не будет выработана система согласованных правил игры, общих целей и процедур взаимодействия, сопротивление останется фрагментарным, а его способность воспользоваться возможностями будущего постпутинского транзита – ограниченной.

В то же время наличие конкуренции, полюсов и идеологических разногласий может стать основой политической зрелости оппозиционной среды – при условии, что конкуренция будет институционализована и встроена в будущую архитектуру поставторитарного демократического порядка.

Архитектура нового антипутинского сопротивления

1. Введение

В первой части аналитического раздела Четвертой части Доклада мы подробно рассмотрели текущее состояние российского антипутинского сопротивления: его структуру, центры активности, направления работы, сильные и слабые стороны, конфликты и ограничения. Диагноз ясен: оппозиция существует, но разобщена; сохраняет потенциал, но испытывает дефицит ресурсов; обладает международными каналами, но теряет связь с широкой российской аудиторией.

Однако сегодня перед сопротивлением стоит куда более масштабная задача. Речь идёт не просто о координации уже существующих инициатив, а о построении совершенно новой архитектуры, способной обеспечить долговременную политическую субъектность, международную легитимность и устойчивость к внешним и внутренним угрозам. Без такой архитектуры сопротивление не сможет стать силой, способной влиять на сценарии трансформации России после краха путинского режима.

В этом разделе мы переходим от анализа к действиям: предлагаем стратегическую модель создания институциональной инфраструктуры антипутинского сопротивления. В её основе – формирование Специального международного фонда поддержки демократии в России, который должен стать связующим звеном между международной поддержкой и внутренним потенциалом сопротивления.

Этот Фонд – не просто инструмент финансирования. Он задуман как системообразующий центр, обеспечивающий:

- инвентаризацию и легализацию антипутинских структур;
- новую систему поддержки, ориентированную на эффективность и открытость;
- социальную и правовую поддержку политических активистов;
- подготовку политических кадров и развитие партийного сектора;
- создание представительного органа – Международной Ассамблеи сопротивления;

- развитие международной инфраструктуры поддержки вооружённого сопротивления;
- массовую поддержку медийных, информационных и аналитических проектов;
- институционализацию регионалистских движений и моделей децентрализации.

Цель этого раздела – не только выдвинуть рекомендации, но и обозначить чёткую стратегию перехода от стихийного протеста к организованному сопротивлению.

Данные рекомендации не являются программой отдельной группы. Это попытка описать общую логику консолидации антипутинского сопротивления как единого политического фактора, способного стать реальным субъектом будущего политического устройства постпутинской России.

2. Смена международной парадигмы: стратегический вызов России

2.1. Необходимость фундаментальной переоценки характера российской угрозы

На протяжении значительной части постсоветского периода международное сообщество выстраивало свою политику в отношении Российской Федерации, исходя из предположения о её встроенности в общую архитектуру мировой системы – пусть и с отклонениями, но в рамках общей логики суверенного государства, участвующего в функционировании международных институтов, соглашений и форумов. Россия воспринималась как сложный, но потенциально партнёрский субъект: в экономике, глобальной безопасности, энергетике, ядерном разоружении, борьбе с терроризмом.

Этот подход определял не только межгосударственную политику, но и логику взаимодействия с российским обществом, включая проекты "народной дипломатии", образовательные и гуманитарные программы, грантовую деятельность и диалоговые площадки.

Однако 2022 год окончательно разрушил этот консенсус. Российская агрессия против Украины, широкомасштабная война, сопровождаемая геноцидными практиками, массовыми военными преступлениями, принудительной депортацией детей, ударами по гражданской инфраструктуре, гибридными атаками против Европы, ядерным шантажом и прямыми угрозами всему цивилизованному миру – зафиксировали качественный разрыв между Россией и международной системой.

Сегодня Россия больше не является «одним из сложных участников мировой системы». Она стала центральным источником международной дестабилизации и представляет собой системную угрозу существованию международного порядка в его базовых категориях.

2.2. Западная ошибка логики «региональной проблемы»

Несмотря на радикализацию российской политики, значительная часть западных политических элит до сих пор продолжает мыслить в рамках прежней системы координат, рассматривая агрессию России:

- либо как «один из конфликтов» в череде региональных кризисов наряду с ситуацией на Ближнем Востоке или в Африке;
- либо как продолжение исторической «особости» российской политической культуры, требующей особого дипломатического подхода;
- либо как внутрироссийскую проблему, разрешение которой должно происходить внутри самой страны.

Такое восприятие позволяет избегать стратегических решений, заменяя их ситуативным реагированием, дипломатическими манёврами, балансированием интересов и ограниченными санкционными мерами. В результате создаётся опасная иллюзия управляемости кризиса, в то время как реальная динамика ведёт к его экспоненциальному углублению.

2.3. Россия как экзистенциальная угроза

Реальность куда более радикальна. Россия Путина – это государство:

- перешедшее в стадию перманентной внешней агрессии как инструмента собственного выживания;
- выстраивающее полную милитаризацию экономики, идеологии и внутренней социальной структуры;
- разрушающее остатки международного права, нарушающее фундаментальные нормы безопасности;
- превращающее ядерное оружие из средства сдерживания в инструмент системного шантажа.

По сути, мы имеем дело не с «авторитарной державой», а с уже сложившейся военно-террористической моделью государственного устройства, обладающей следующими качествами:

- тотальная несменяемость власти;

- отрицание любых форм политической оппозиции;
- репрессивный террор внутри страны;
- демонстративное разрушение суверенитета соседних государств;
- идеологическое оправдание насилия как государственного принципа;
- разрушение границ между мирным временем и постоянной войной.

События 2022–2025 годов окончательно зафиксировали трансформацию путинской России в угрозу, превосходящую масштаб советской угрозы периода поздней Холодной войны. Современный режим лишён даже тех сдерживающих балансов, которые существовали в советской партийной системе. Политическая, силовая, экономическая и информационная власть сконцентрированы в руках узкой группы лиц, действующих в условиях практически полной безнаказанности.

2.4. Прогнозируемая эскалация угрозы

Генеральный секретарь НАТО Марк Рютте, ряд европейских лидеров и ключевые аналитические центры уже фиксируют реальную вероятность прямого военного столкновения России с НАТО в горизонте 3–5 лет. Это перестает быть лишь теоретической проекцией и постепенно трансформируется в рабочий сценарий военного планирования.

Однако подготовка к этому сценарию на уровне военных бюджетов – необходимая, но не исчерпывающая мера. Сам по себе рост оборонных расходов не способен устранить первопричину угрозы – функционирование путинского режима.

2.5. Необходимость комплексной стратегии нового типа

Главный урок Холодной войны заключается в том, что победа над тоталитарной системой достигается не только на поле военного сдерживания, но в первую очередь через подрыв внутренней устойчивости агрессора.

Именно комплексный симбиоз:

- военного давления;
- политической изоляции;
- экономических санкций;
- поддержки диссидентских и оппозиционных сил;
- масштабной идеологической и информационной работы

– обеспечил поражение Советского Союза.

Сегодня Запад вновь стоит перед необходимостью формирования аналогичной многослойной стратегии в отношении путинской России – стратегии постепенного внутреннего демонтажа режима с опорой на формирующееся антипутинское сопротивление как внутри России, так и в эмиграции.

2.6. Антипутинское сопротивление как стратегический актив

Внутреннее российское сопротивление – в любых его формах: политической оппозиции, гражданских активистов, правозащитников, медийных проектов, вооружённого сопротивления, региональных движений – представляет собой уникальный потенциал для трансформации конфигурации российской угрозы изнутри.

- Это ресурс делегитимации путинского режима в глазах собственного населения.
- Это кадровый резерв для формирования будущей демократической власти.
- Это политико-идеологическая альтернатива внутри самой российской цивилизационной традиции.
- Это фактор дестабилизации силового монополизма внутри российской элиты.
- Это дополнительный источник международной легитимности демократической альтернативы.

Однако в нынешней архитектуре международной политики этот потенциал остаётся в значительной мере неиспользованным.

3. Создание Специального Фонда Поддержки Демократии в России

3.1. Зачем необходим Фонд: ликвидация институционального вакуума

На сегодняшний день одной из ключевых проблем антипутинского сопротивления является отсутствие постоянной, стабильной и институционально оформленной инфраструктуры международной поддержки. Совокупность разрозненных грантовых программ, гуманитарных инициатив, частных фондов и индивидуальных договорённостей не формирует целостной системы, способной:

- гарантировать устойчивое финансирование широкого спектра антипутинских структур;

- обеспечивать координацию между различными секторами сопротивления;
- действовать вне зависимости от внутривнутриполитических предпочтений или личных симпатий отдельных западных политиков, институтов или фондов;
- поддерживать институциональный баланс и равноудалённость между различными российскими оппозиционными группами.

Фрагментарность текущей системы создаёт сразу несколько рисков:

- монополизацию ресурсов узкими группами, обладающими привилегированным доступом к западным структурам;
- искажение реальной картины российского сопротивления на международной арене;
- выведение за рамки поддержки значительной части активных антивоенных и антипутинских групп, не вписавшихся в существующие каналы;
- зависимость от краткосрочных политических циклов в странах-донорах.

Создание Специального Фонда Поддержки Демократии в России призвано ликвидировать эти системные изъяны.

2.2. Мандат и задачи Фонда

Мандат Фонда – институционально обеспечить международную поддержку российского антипутинского движения в широком спектре его организационных, политических, военных, правозащитных, информационных и образовательных форм.

Фонд не является грантовым агентством в классическом понимании. Он должен стать:

- операционным центром организационной консолидации российского сопротивления;
- финансовым стабилизатором для широкого спектра антипутинских инициатив;
- инструментом международной координации в работе с российской проблематикой;
- площадкой формирования легитимной альтернативной политической субъектности;

- каналом кадровой подготовки для будущей постпутинской трансформации.

2.3. Страны-учредители Фонда

В текущей международной конфигурации наиболее естественными учредителями Фонда должны стать государства, обладающие:

- наибольшим непосредственным интересом к стабилизации евразийской безопасности;
- историческим опытом работы с проблематикой российского авторитаризма;
- политической волей к активной поддержке антипутинского сопротивления.

В качестве первичных учредителей Фонда целесообразно рассматривать страны Европейского Союза плюс Норвегию, Великобританию, Канаду, Австралию, Японию и другие демократии.

Особое внимание следует уделить консолидации европейских государств в условиях пока недостаточной готовности США к принятию стратегических решений в российском вопросе. Учитывая внутриполитические процессы в Вашингтоне, Фонд должен создаваться как минимум на первом этапе вне зависимости от участия США, с возможностью их присоединения в последующий период.

Финансирование деятельности Фонда должно формироваться за счет государственных взносов стран-учредителей.

2.4. Управление Фондом: независимость, транспарентность, неподкупность

Ключевым принципом работы Фонда должна стать его полная независимость от любых российских политических, общественных, медийных и финансовых группировок.

Руководство и управление Фондом осуществляют:

- исключительно иностранные граждане, не вовлечённые в деятельность российских оппозиционных структур и равноудаленные от них;
- независимый международный Наблюдательный совет, формируемый из представителей стран-учредителей;

- обязательный международный аудит финансовой деятельности, с полной прозрачностью отчетности для общественности и институтов стран-учредителей.

Любые формы неформального лоббизма, кулуарного влияния или политической протекции со стороны российских акторов должны быть принципиально исключены из логики функционирования Фонда.

3. Функциональные направления деятельности Специального Фонда Поддержки Демократии в России

Создание Фонда открывает возможность впервые за весь период существования российской антипутинской оппозиции выстроить не разрозненные, автономные и конкурирующие между собой проекты, а единую многокомпонентную архитектуру сопротивления, интегрированную в общую международную стратегию противостояния путинской угрозе.

Фонд должен выполнять семь ключевых функциональных направлений:

3.1. Инвентаризация и легализация антипутинских структур

3.1.1. Проблема текущего состояния

Одной из главных слабостей нынешнего антипутинского движения является отсутствие полной и верифицированной картины реального состава, масштабов, кадрового ресурса, направлений деятельности и организационного потенциала оппозиционных, правозащитных, информационных, региональных и иных антивоенных инициатив.

Существующие реестры носят крайне ограниченный, фрагментарный и зачастую политически искажённый характер. Они отражают скорее степень близости тех или иных структур к отдельным центрам влияния, чем объективную картину сопротивления.

Отсутствие системной инвентаризации ведёт:

- к неэффективному распределению ресурсов;
- к маргинализации значительного числа проектов и активистов;
- к монополизации доступа к западным каналам поддержки узким группами;
- к стратегическому искажению картины антипутинского движения в глазах международных партнёров.

3.1.2. Задачи Фонда на этом этапе:

- Организация всесторонней международной переписи всех реально действующих антипутинских структур – вне зависимости от их текущей публичности, размера, близости к медийным центрам или известности лидеров.
- Создание единого верифицированного реестра сопротивления, включающего информацию о:
 - организационной структуре каждой инициативы,
 - кадровом составе,
 - заявленных целях и направлениях деятельности,
 - степени институциональной зрелости,
 - источниках финансирования.
- Проведение проверки соответствия демократическим критериям (антивоенная позиция, отказ от коллаборационизма, соблюдение прав человека, отсутствие связей с российскими спецслужбами и коррупционными структурами).
- Предоставление всем включённым в реестр организациям официального статуса легитимного субъекта сопротивления в рамках международной поддержки.

3.1.3. Результат:

- прозрачная, верифицированная база всех реально работающих антипутинских сил;
- ликвидация монополизации отдельных групп;
- равенство стартовых условий для участия в международной инфраструктуре поддержки;
- создание организационного каркаса для дальнейшего политического и институционального роста всего движения.

3.2. Финансирование инициатив: новая система грантов

3.2.1. Слабости традиционной грантовой модели

Действующие сегодня международные грантовые механизмы:

- громоздки и бюрократичны;
- ориентированы на формальные отчёты, а не на фактическую эффективность;

- не способны учитывать специфику работы в условиях войны и авторитарного давления;
- приводят к стагнации в развитии организаций, специализирующихся на освоении грантов ради самих грантов.

В результате складывается система, где небольшая группа акторов получает основную часть финансовой поддержки, а значительное число реально работающих инициатив оказывается за пределами финансирования.

3.2.2. Новая модель финансирования через Фонд

Задача – построить оперативную, гибкую и результативно-ориентированную систему поддержки, основанную на следующих принципах:

- Простота процедур подачи заявок. Упрощённая и быстрая регистрация новых проектов через личные кабинеты организаций.
- Чёткие, но выполнимые КРІ. Главный критерий – не объём заполненной отчётности, а фактический общественный и информационный результат деятельности.
- Разнообразие типов проектов. Финансирование доступно как для крупных системных инициатив, так и для небольших сетевых проектов, независимых медиа, региональных групп, образовательных и кадровых программ.
- Гибкая корректировка уровней финансирования в зависимости от результатов предыдущих этапов.
- Жёсткий аудит при минимальных бюрократических барьерах. Контроль идёт не по количеству документов, а по оценке достигнутого эффекта.

3.2.3. Критерии отбора проектов:

- антивоенная и антипутинская позиция;
- соответствие демократическим принципам;
- независимость от структур российского режима;
- наличие реальной аудитории и практического результата;
- укоренённость в профессиональной и/или общественной среде.

3.2.4. Цель

Перестроить логику международной поддержки:

- от бюрократической отчетности – к реальному результату;

- от олигархической монополии – к системной поддержке широкой сети активистов;
- от политических симпатий западных кураторов – к равным институциональным правилам.

3.3. Социальная и правовая поддержка активистов сопротивления

3.3.1. Суть проблемы

Многие активисты антипутинского движения, покинувшие Россию по политическим мотивам, оказываются в сложнейшем положении:

- отсутствие легального статуса в стране пребывания;
- ограниченные возможности для получения ВНЖ и разрешения на работу;
- отсутствие медицинского страхования и социальной защиты;
- финансовая нестабильность и психологическая неуверенность в будущем;
- уязвимость к преследованию со стороны российских спецслужб и агентов влияния.

В результате значительная часть антивоенного и антипутинского потенциала деградирует, маргинализируется или полностью выпадает из активной деятельности. Более того, эта социальная нестабильность часто становится фактором для внутренних конфликтов, взаимной конкуренции и дезорганизации оппозиционной среды.

3.3.2. Стратегическая задача

Сопротивление не может формироваться только как совокупность идей и проектов. За каждой организацией стоят конкретные люди. Без системной защиты их прав, легализации их нахождения и обеспечения минимального социального пакета невозможно формирование долгосрочно устойчивой структуры антипутинского движения.

3.3.3. Механизмы поддержки через Фонд

1) Централизованная система легализации активистов

- Обеспечение координированного оформления вида на жительство (ВНЖ) или специальных статусов защиты на территории стран-участников Фонда.
- Создание унифицированных международных критериев признания статуса антипутинского активиста.

- Упрощённые визовые процедуры для членов их семей.

2) Медицинская и социальная защита

- Гарантированное медицинское страхование на территории стран-участников.
- Базовый социальный пакет – жильё, образовательные программы для детей, доступ к базовой социальной инфраструктуре.
- Психологическая помощь и сопровождение.

3) Юридическая защита

- Обеспечение правовой защиты от преследования со стороны российских структур.
- Защита от попыток экстрадиции, политического шантажа и угрозы со стороны Кремля.
- Поддержка в вопросах статуса, правовых процедур, взаимодействия с государственными органами стран пребывания.

4) Финансовая поддержка

- Выделение стипендий и компенсаций активистам, вовлечённым в деятельность сопротивления.
- Обеспечение минимума финансовой стабильности, позволяющей сконцентрироваться на работе, а не на выживании.

3.3.4. Результат

- Формирование стабильной социальной базы антипутинского сопротивления в эмиграции.
- Снятие главных демотивирующих факторов и обеспечение кадрового потенциала.
- Превращение политической эмиграции в полноценный резерв будущей российской демократической трансформации.

3.4. Создание института представительства: Международная Ассамблея Российского Сопротивления

3.4.1. Отсутствие субъектности как стратегическая уязвимость

Ключевая политическая проблема нынешнего российского антипутинского движения – отсутствие институциональной субъектности. За пределами медийных фигур и разрозненных группировок в настоящее время не существует:

- централизованного органа, способного вести от имени всего сопротивления диалог с международными структурами;
- легитимного представителя, способного участвовать в потенциальных будущих переговорных процессах о трансформации российской государственности;
- признанного партнёра для западных правительств, способного выступать носителем политического мандата от российской антиавторитарной части общества.

Эта ситуация создаёт стратегический вакуум, которым уже сейчас активно пользуется путинский режим. В международной риторике Кремль утверждает, что:

- никакой реальной альтернативы существующей власти не существует;
- «оппозиция» состоит из разрозненных маргинальных групп, неспособных ни к консолидации, ни к ответственному управлению;
- любые альтернативные переговоры с иными субъектами внутри России не имеют легитимности.

Пока антипутинская оппозиция не обладает признанной институциональной формой коллективного представительства, этот нарратив Путина продолжает оставаться рабочим аргументом в международных кругах.

3.4.2. Почему невозможно простое «лидерство одного центра»

Опыт последних лет показал, что попытки создания "главных оппозиционных центров", выстраиваемых вокруг отдельных оппозиционных групп или лидеров, приводят к повторению тех же патологий, которые привели к деградации российской политической культуры:

- монополизация ресурсов;
- замыкание на личной лояльности к фигуре лидера;
- вытеснение альтернативных инициатив;
- отсутствие сменяемости и процедурной ответственности.

Такая модель не только не способна к устойчивому развитию, но и не устраивает большинство активистов и общественных групп сопротивления. Она неизбежно воспроизводит внутри оппозиции имитацию кремлёвской вертикали в миниатюре.

Западные страны, поддерживающие антипутинскую оппозицию, также не заинтересованы в поддержке самопровозглашенных "лидеров", которые не отражают полноты спектра российского сопротивления.

3.4.3. Международная Ассамблея как альтернатива вождизму

Формат Международной Ассамблеи Российского Сопротивления должен стать принципиально новым институтом антипутинской субъектности:

- инклюзивным – включающим весь спектр антипутинских, антивоенных и демократических сил, соответствующих критериям участия;
- процедурным – работающим на основе заранее определённых демократических регламентов;
- сменяемым – с постоянной ротацией и ограничением сроков полномочий;
- многоуровневым – обеспечивающим представленность как крупных, так и малых инициатив, включая региональные и тематические группы;
- надпартийным – исключая доминирование любой из существующих политических группировок.

3.4.4. Организационная архитектура Ассамблеи

Механизм формирования:

- Все участники, включённые в Реестр Фонда, обладают правом делегировать представителей.
- Делегаты избираются по смешанной модели, учитывающей как численность организаций, так и их институциональную активность.
- Каждая организация получает пропорциональное количество голосов, но с ограничением предельного максимума для предотвращения олигополий.

Принципы процедурной работы:

- Публичность всех регламентов.
- Ограниченный срок полномочий делегатов (например, 1 год с правом одного переизбрания).
- Международный наблюдательный совет обеспечивает независимый контроль за соблюдением процедур.

Политическая функция:

- Выработка согласованных позиций российского сопротивления по ключевым вопросам транзита власти.
- Участие в международных консультациях и переговорах.
- Поддержание постоянной коммуникации с правительствами стран-учредителей Фонда, ЕС, ООН и международными организациями.

3.4.5. Стратегический смысл Ассамблеи

Создание Ассамблеи решает сразу несколько критических задач:

- формирует международно признанную альтернативу путинскому режиму;
- превращает сопротивление из совокупности политических и медийных групп в политический субъект;
- создает механизм политического отбора и обучения будущей демократической элиты России;
- минимизирует внутривнутриполитические конфликты через институциональные правила игры;
- демонстрирует населению России реальную альтернативу не в виде «новых вождей», а в виде новой модели политической культуры.

Ключевой итоговый тезис:

Международная Ассамблея – это не техническая структура координации, а политико-институциональная база постпутинского транзита. Она создаёт субъектность там, где сегодня господствует политический вакуум.

3.5. Международная поддержка военного компонента сопротивления

3.5.1. Военное сопротивление как необходимый ресурс международной антипутинской коалиции

Ведущей формой прямого силового давления на путинский режим на сегодняшний день остаётся борьба Украины за освобождение своей территории. Эта война носит характер экзистенциального противостояния не только двух государств, но двух цивилизационных моделей.

В этой борьбе участие самих граждан России, выступающих против режима Путина, приобретает двойное значение:

- военное – как ресурс кадрового пополнения для Украины и союзных структур;
- политическое – как демонстрация, что сопротивление путинскому режиму существует не только за пределами страны, но и готово принимать на себя реальные риски и издержки вооружённого противостояния.

3.5.2. Ограниченность текущих возможностей ВСУ по приему российских добровольцев

Несмотря на растущий поток россиян, готовых добровольно вступить в вооружённую борьбу против режима:

- ВСУ объективно ограничены в способности проводить надлежащие проверки, отбор и подготовку российских граждан;
- контрразведывательные фильтры обоснованно работают в режиме повышенного риска из-за опасности диверсионного проникновения;
- финансовые, административные и кадровые ресурсы Украины не позволяют организовать масштабную систему индивидуальной работы с добровольцами из РФ;
- сами украинские органы не несут прямых международных обязательств по социальной поддержке российских добровольцев и их семей.

В этих условиях значительная часть потенциальных добровольцев оказывается вне системного отбора и не реализует свой потенциал участия в войне.

3.5.3. Международная инфраструктура – как решение проблемы узких горлышек

Именно поэтому задача создания международной институциональной инфраструктуры по подготовке российских добровольцев приобретает особую актуальность.

Эта система должна взять на себя:

- первичную селекцию, проверку и отбор добровольцев на территории третьих стран;
- подготовку и обучение в соответствии с международными стандартами боевой подготовки;
- оформление правового, миграционного и социального статуса добровольцев и их семей;

- финансовое обеспечение этапа подготовки, полностью снимая эти расходы с Украины.

Тем самым создаётся «внешняя система предмобилизационной подготовки», разгружающая кадровые и контрразведывательные ресурсы Украины.

3.5.4. Логика двухуровневого контрактного механизма

Для обеспечения полной юридической определенности система должна строиться на двухконтрактной модели:

- Первый контракт заключается добровольцем с Международным центром подготовки (под патронажем Фонда), охватывая:
 - проверку благонадежности;
 - программу подготовки;
 - оформление социальных гарантий (ВНЖ, страховка, проживание, поддержка семьи).
- Второй контракт (предконтрактное обязательство) доброволец подписывает одновременно на этапе вступления в Центр подготовки – обязываясь после прохождения обучения:
 - либо вступить на военную службу в составе ВСУ;
 - либо при согласии сторон – в составе совместных миротворческих или оборонительных сил союзных государств Украины (потенциально: Польша, страны Балтии, Канада и др.).

Такой подход:

- снимает правовую неопределённость дальнейшего трудоустройства добровольца;
- заранее регулирует статус семьи и социальные пакеты;
- позволяет интегрировать этих людей в международную систему коллективной обороны Восточной Европы в случае расширения конфликта.

3.5.5. География создания центров

Ключевыми странами для размещения Центров подготовки российских добровольцев могут стать: Литва, Латвия, Эстония, Польша, Германия, Финляндия, Швеция, Норвегия.

Размещение центров подготовки в странах НАТО/ЕС:

- обеспечивает полную безопасность процесса подготовки;
- создаёт международную легитимность проекта;
- включает союзников Украины в практическую поддержку формирования антипутинского кадрового ресурса.

3.5.6. Финансирование, контроль, безопасность

- Все расходы берёт на себя Фонд – полностью снимая финансовую нагрузку с Украины.
- Контроль за подготовкой и безопасностью осуществляется спецслужбами стран-участников;
- Контингент добровольцев проходит строгую многоуровневую верификацию: личные данные, психофизиологическое тестирование, проверка финансовых и социальных связей, контрразведывательные процедуры.

3.5.7. Масштабирование: кадровый резерв нового типа

В перспективе созданная система позволит:

- кратно увеличить приток подготовленных российских добровольцев;
- обеспечить их высокую профессиональную квалификацию;
- сформировать постоянный кадровый резерв военно-обученного персонала, который в будущем может быть востребован и при стабилизации самой России после падения режима.

Кроме того, данные Центры могут в перспективе стать школой профессиональной подготовки новых кадров для будущей демократической армии постпутинской России.

3.5.8. Политическое значение для Запада

- Это даёт возможность странам НАТО и союзникам Украины впервые перейти от пассивной помощи к формированию активного резервного ресурса внутри самого российского сопротивления.
- Снимает политически чувствительный вопрос о прямой западной мобилизации россиян – вся работа идёт через международную инфраструктуру и в интересах союзников.

- Превращает российских добровольцев из "маргинального элемента" в структурную часть международной антипутинской коалиции.

Итоговый тезис:

Создание международной инфраструктуры подготовки российских добровольцев – это ключевой шаг по переводу моральной поддержки сопротивления в практическую системную мобилизацию, не обременяющую Украину и создающую фундамент для будущей безопасности Восточной Европы.

3.5. Поддержка информационных, аналитических и медийных проектов

3.5.1. Информационная экспансия как ключ к стратегическому перелому

В условиях тотальной внутренней цензуры и подавления независимой информации внутри России, информационное сопротивление приобретает роль самостоятельного фронта борьбы. Путинский режим не может быть свергнут исключительно военными или дипломатическими средствами.

Информационное давление – это необходимая составляющая постепенной эрозии лояльности, идеологической оболочки и управляемости путинской системы.

Однако при всей активности отдельных проектов, текущее информационное сопротивление страдает от одного ключевого недостатка – катастрофического дефицита масштаба.

3.5.2. Основная проблема – не качество, а недостаток массовости

Сегодня информационное антипутинское поле представлено ограниченным числом:

- известных YouTube-каналов,
- отдельных блогеров,
- сетевых активистов,
- исследовательских проектов.

Даже при высокой активности этих лидеров мнений, общая совокупная охватность российских аудиторий остаётся крайне ограниченной по сравнению с масштабами пропагандистской машины Кремля.

При этом вне существующих проектов остаются:

- тысячи потенциальных авторов, блогеров, журналистов, исследователей;

- активисты в регионах России и в эмиграции;
- носители уникальных тем, локальной экспертизы и новых форматов донесения информации.

Главная причина их невовлечённости – отсутствие финансовых ресурсов для начала и развития собственной работы.

3.5.3. Стратегическая цель Фонда – запуск массовой информационной экосистемы

Ключевая задача Фонда – не создание нескольких "флагманских" медиаструктур, а запуск сотен и тысяч новых точек производства контента.

- Каждый новый блогер, канал, проект – это дополнительный охват, новая аудитория, дополнительное тематическое окно.
- Массовая экосистема неизбежно создаёт естественный отбор, в котором наиболее успешные авторы будут наращивать аудитории, тем самым расширяя общее информационное давление.
- Широкая база авторов позволит охватывать разные возрастные, региональные, профессиональные, культурные и социальные слои – как внутри России, так и в русскоязычной диаспоре.

3.5.4. Как должна работать система поддержки информационного сопротивления

Сегодня борьба с путинским режимом ведётся не только на фронтах – но и в информационном пространстве. Именно независимые российские медиа, расследовательские проекты, блогеры и сетевые каналы выполняют ключевые функции:

- демифологизируют кремлёвскую пропаганду;
- обеспечивают моральную и информационную поддержку внутреннего антивоенного движения;
- документируют преступления режима и раскрывают системную коррупцию;
- формируют адекватную картину происходящего для международной аудитории;
- противодействуют дезинформационным кампаниям Кремля за рубежом.

Однако подавляющее большинство этих инициатив работают в условиях крайней уязвимости: нестабильное или отсутствующее

финансирование, высокая кадровая текучка, отсутствие правового статуса и постоянная угроза прекращения деятельности.

Модель институциональной поддержки через Фонд

Фонд должен предложить не грантовую, а полноценную институциональную модель поддержки информационного сопротивления – как одного из ключевых направлений антипутинской борьбы.

Основные принципы этой модели:

- Уведомительная регистрация. Любая медиа-инициатива, соответствующая базовым демократическим критериям, должна получить доступ к системе поддержки после регистрации на платформе Фонда – без конкурсного отбора, в уведомительном порядке.
- Инклюзивность. Поддержка должна быть доступна не только крупным медиа и известным журналистам, но и небольшим блогам, сетевым каналам, региональным исследовательским группам и начинающим коллективам, демонстрирующим профессиональные стандарты работы и наличие собственной аудитории.
- Официальное оформление. Вместо краткосрочных грантов – система официальных контрактов:
 - стабильная заработная плата на уровне средней по стране пребывания;
 - предоставление ВНЖ для сотрудников и их семей;
 - право на официальную трудовую деятельность;
 - медицинская и социальная страховка.

Эта модель позволяет превратить разрозненные авторские инициативы в устойчивые структуры с кадровой, правовой и финансовой стабильностью.

Принципы ответственности и оценки эффективности

Наряду с открытым доступом к системе поддержки, должна быть внедрена жёсткая система ответственности, основанная на индивидуальных показателях эффективности:

- Индивидуальные КРІ – количественные и качественные метрики, адаптированные к типу платформы и профилю проекта (аудитория, просмотры, вовлечённость, рост подписчиков, качество контента).

- Ежегодная переоценка. Финансирование должно подтверждаться ежегодно – по итогам отчётности и независимой экспертной оценки, с возможностью корректировки объёма поддержки.
- Принцип исключения имитации. Система должна исключать возможность паразитирования – медиа, не демонстрирующие фактической активности и результата, не могут рассчитывать на продолжение финансирования.

Стратегическое значение

Поддержка независимого информационного фронта – это не вспомогательное направление. Это полноценный стратегический фронт антипутинской борьбы, от которого напрямую зависит:

- моральное состояние и устойчивая мотивация антивоенного сопротивления;
- международная поддержка Украины и легитимация российской оппозиции;
- разрушение имперской идеологической матрицы внутри самой России;
- формирование образа альтернативного будущего – за пределами путинской пропаганды.

Информационное сопротивление – это тот инструмент, который ежедневно подрывает легитимность режима и сохраняет связь с обществом, даже в условиях тотальной цензуры. Именно поэтому его институциональная поддержка должна стать приоритетом в деятельности Фонда.

3.5.5. Эффект массового запуска

В отличие от традиционной схемы – "несколько больших грантов – узкий круг получателей" – новая логика массового запуска даёт:

- взрывной рост общего объёма антипутинского контента;
- появление новых тем, новых лиц, новых форматов;
- охват ранее недоступных нишевых аудиторий;
- ускоренное формирование новой волны антипутинской медийной элиты, выросшей не из кулуарной селекции, а из реального взаимодействия с аудиторией.

3.5.6. Стратегический эффект для борьбы с режимом

- Постепенное перехватывание информационной повестки у Кремля даже внутри России.
- Создание масштабного альтернативного информационного поля в русскоязычном мире.
- Долгосрочное формирование новой общественной атмосферы, в которой демонтируется культ путинской власти и формируется устойчивый запрос на перемены.
- Подготовка кадровой базы для будущей демократической медийной системы постпутинской России.

Итоговый тезис:

Массовая поддержка антипутинских авторов – это запуск параллельной медийной реальности, которая из информационного подполья перерастёт в систему общественного влияния, способного подрывать легитимность путинского режима каждый день.

3.6. Развитие регионалистских и освободительных движений

3.6.1. Имперская природа российской государственности как источник системного кризиса

Российская государственная конструкция – это не федерация в западном понимании, а имперская вертикаль, основанная на:

- подавлении региональных политических субъектов;
- экономическом перераспределении в пользу центра;
- управляемом подавлении локальных идентичностей и автономий;
- насильственной унификации политической культуры.

Эта структура оказалась одним из главных источников внутренней неустойчивости, производящей циклы насилия, кризисов и распадов.

3.6.2. Новая региональная реальность

- Усиление регионального и национального самосознания;
- Рост социальной и экономической фрустрации на местах;
- Формирование первых самостоятельных национальных и региональных движений в эмиграции;
- Рост числа интеллектуальных и политических проектов по переосмыслению судьбы регионов.

3.6.3. Ошибка старой логики – централизованный постпутинский транзит

Часть российской оппозиции пытается мысленно транслировать кремлёвскую вертикаль в новое постпутинское устройство – лишь заменив фамилии путинской элиты на свои.

Этот сценарий заведомо обречён:

- он не снимает имперского конфликта центра и регионов;
- создаёт почву для будущих этно-социальных взрывов;
- ведёт к перезапуску авторитарных практик уже под другим лозунгом.

3.6.4. Задачи Фонда по работе с регионами

1) Создание условий равного доступа

- Основная угроза: монополизация поддержки отдельными уже существующими региональными группами, претендующими на исключительное представительство.
- Задача Фонда – построить равные стартовые условия для всех потенциальных политических сил, движений, инициатив, экспертов и общественных групп в каждом регионе.
- Поддержка предоставляется на основе демократических критериев, а не политической близости к отдельным фигурам.

2) Поддержка разработки региональных моделей будущего

- По каждому региону необходимо провести комплексную работу:
 - картографирование существующих политических сил, идей, программ;
 - инвентаризация активных акторов и инициатив;
 - сбор предложений по будущей организационной модели власти на местах;
 - экспертное обсуждение форм будущего государственного устройства.
- Это создаст основу для будущего институционального строительства после демонтажа путинского режима.

3) Подготовка кадров для будущих временных администраций

- В первом сценарии доклада нами уже описан механизм создания временных администраций в постпутинский переходный период.
- Задача Фонда – уже сейчас начать подготовку идеологической, кадровой, организационной, правовой, управленческой основы для будущих временных администраций на местах.
- Формирование таких кадровых резервов заранее минимизирует риски перехода власти в руки случайных или криминальных субъектов.

4) Финансирование организационной инфраструктуры

- Поддержка организационных центров, экспертных групп, сетевых объединений, медиапроектов, образовательных программ в регионах.

5) Контроль за идеологической безопасностью

- Чёткие ограничения:
 - без поддержки этнонационалистических радикалов;
 - без русофобских лозунгов;
 - без шовинизма в любой форме;
 - акцент на инклюзивную демократическую модель с равными правами для всех этносов региона.

6) Разработка конституционных рамок будущей децентрализации

- Экспертная работа будущим формам трансформации территориального устройства постпутинской России.
- Подготовка проектов конституционных моделей и гарантий для регионов и новых государств.

3.6.6. Стратегическая цель

Не допустить замены путинской диктатуры множеством мелких локальных диктатур.

Заложить заранее механизмы демократической институционализации региональной субъектности – чтобы переход происходил под контролем международной коалиции, а не в условиях неуправляемого хаоса.

Итоговый тезис:

Сильные независимые регионы с устойчивыми демократическими институтами – это не угроза будущей России, а единственный путь к ее

стабильности после распада имперской вертикали. Задача Фонда – заложить фундамент этого процесса заранее.

4. Заключение

Построение антипутинского сопротивления в его нынешней стадии требует выхода за рамки стихийной политической активности, фрагментарных инициатив и медийных кампаний. Историческая ответственность антипутинского движения заключается сегодня не только в сопротивлении диктатуре, но и в подготовке фундаментальных основ будущего постпутинского перехода.

Без создания системной, институционально организованной, международно признанной структуры, оппозиция не сможет:

- консолидировать свои ресурсы;
- сформировать кадровую базу для будущей трансформации;
- занять субъектную позицию в международных переговорах о постпутинском устройстве;
- обеспечить долговременное политическое и финансовое функционирование.

Предложенная в настоящем докладе модель создания Специального фонда поддержки демократии в России и выстраивания на его основе политической архитектуры сопротивления – это:

- переход от фрагментарной деятельности к организованному институциональному строительству;
- формирование платформы для равного участия всех сегментов сопротивления – политических, военных, информационных, региональных, правозащитных и экспертных;
- создание процедурной базы для представительства, легитимации и кадровой подготовки;
- запуск новых моделей финансирования сопротивления, включая инновационный механизм санкционного выкупа.

Принципиальной чертой предлагаемой модели является равенство возможностей, отказ от создания новых монополий и политических олигархий, жесткая привязка финансирования к реальным результатам и прозрачным КРІ, полное международное правовое сопровождение и независимый контроль со стороны демократических государств.

Мы осознанно не предлагаем заранее готовую политическую карту будущей России.

Мы закладываем инфраструктуру, в которой сама политическая конкуренция будущего транзита будет происходить:

- на основе открытых процедур;
- в условиях сменяемости и конкуренции идей;
- при полном исключении модели «новых вождей»;
- при вовлечении широчайшего круга политических, гражданских, региональных и профессиональных групп.

Этот проект – это предложение по созданию международной системы политического и институционального сдерживания путинского режима, его обрушению и построению на месте поступтинской России устойчивой демократической конструкции.

Заключение

Все рассмотренные в докладе сценарии – от военного поражения до династического транзита – исходят из разной динамики событий, но имеют одну общую черту: они могут реализоваться внезапно, в условиях резкой дестабилизации. Это означает, что времени на разработку планов в момент кризиса уже не будет. Опыт XX века показывает: режимы рушатся быстро, а последствия их падения могут быть катастрофическими, если к ним не были готовы ни общество, ни элиты, ни внешние акторы.

Подготовка к постпутинскому переходу – это не вопрос теории, а вопрос предотвращения новых катастроф. Без сопротивления диктатура может перейти в новую форму. Без альтернативы – победить реванш. Без структуры – наступит хаос. Поэтому действовать нужно не после, а до.

Этот доклад не претендует на универсальные ответы, но утверждает главное: у российской оппозиции, гражданского общества и международных союзников всё ещё есть пространство для действия. От нас зависит:

- Будет ли сопротивление фрагментированным или институционализированным;
- Смогут ли усилия антивоенных, правозащитных и политических групп быть объединены в единую стратегию;
- Удастся ли создать альтернативу режиму – не только моральную, но и политическую;
- И главное – сможет ли российское гражданское общество стать субъектом перемен.

История не predetermined. Она формируется теми, кто в ней действует.

Режим Путина может рухнуть внезапно – под тяжестью войны или вследствие смерти диктатора. Но в любом из этих сценариев возникнет окно возможностей – короткий, нестабильный период, когда возможно влияние на формирование будущего устройства страны. В этот момент на первый план выйдет не идеология и не теории, а готовность: к действиям, к координации, к институциональному проектированию.

Наша задача – быть готовыми к моменту перемен и использовать его для формирования новой политической реальности. Не допустить хаоса, не дать укрепиться реваншу и заложить основы постпутинского устройства – без диктатуры, без войны, без имперского мышления.

О докладе

Настоящий доклад подготовлен Объединением «Комитет-2024» – независимым аналитическим и политическим проектом, объединяющим российских политиков, исследователей, правозащитников и участников антипутинского сопротивления в изгнании.

Доклад основан на результатах политического анализа, проведённого в 2024–2025 годах, и представляет собой системное исследование сценариев падения путинского режима, а также конкретных предложений по подготовке к переходному периоду и формированию демократического будущего России.

Руководитель коллектива авторов Сергей Антонов – председатель Совета Объединения «Комитет-2024», российский и удмуртский политик, экс-депутат Государственного Совета Удмуртской Республики.

Содержание доклада направлено на формирование широкой общественной дискуссии о путях свержения путинского режима и будущем России после диктатуры.

Доклад опубликован на сайте Объединения «Комитет-2024» по адресу: <https://www.komitet-2024.org/мыпоследпутина>

Контакт для связи:

aaa159085@gmail.com

<https://www.komitet-2024.org/обратнаясвязь>

+ 34 663 10 18 34 Сергей Антонов

